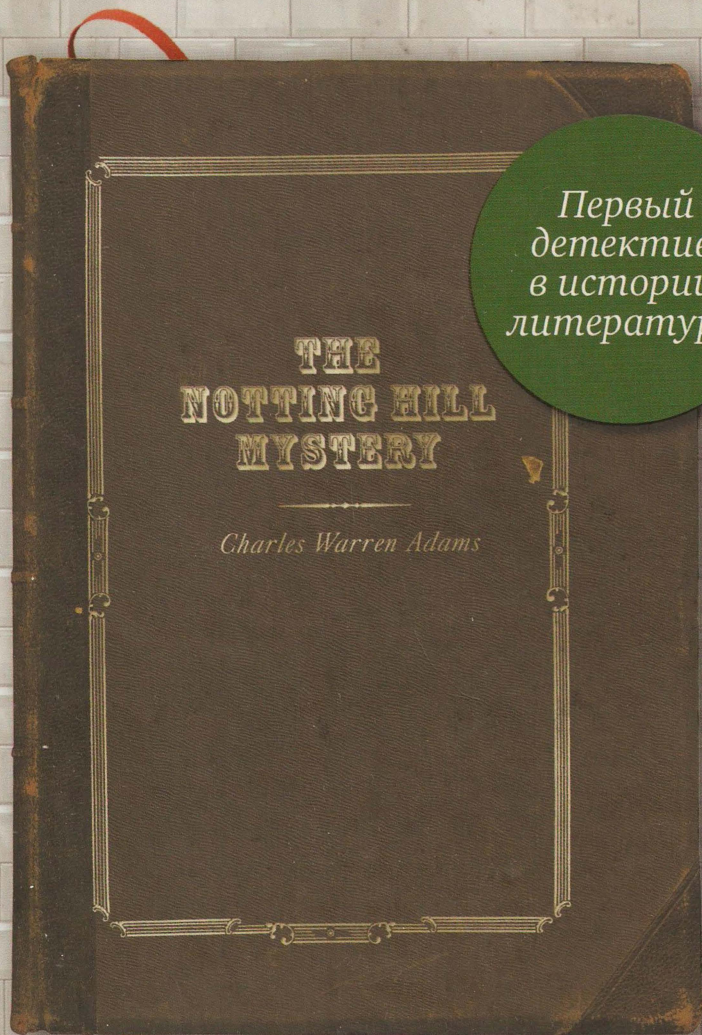

ЧАРЛЗ УОРРЕН АДАМС

Первый
детектив
в истории
литературы

THE
NOTTING HILL
MYSTERY

Charles Warren Adams

ЗАГАДКА НОТТИНГ-ХИЛЛА

СЛОВО/SLOVO

ЗАГАДКА НОТТИНГ-ХИЛЛА

Материал собрал
ЧАРЛЗ ФЕЛИКС,
автор «Бархатной лужайки» и проч.

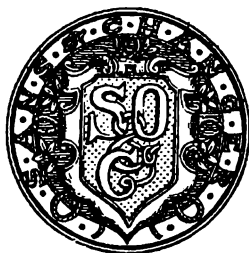
На основе архива покойного
Р. ХЕНДЕРСОНА, ЭСКВАЙРА

THE
NOTTING HILL MYSTERY

COMPILED BY
CHARLES FELIX

AUTHOR OF 'VELVET LAWN'
ETC.

FROM THE PAPERS OF THE LATE R. HENDERSON, ESQ.

LONDON:
SAUNDERS, OTLEY, AND CO.
66 BROOK STREET, W.

1865.

[*All rights reserved.*]

ЗАГАДКА НОТТИНГ-ХИЛЛА

ЧАРЛЗ УОРРЕН АДАМС

ПЕРВЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Москва
СЛОВО/SLOVO
2012

УДК 821.111(73)-312.4

ББК 84(7Coe)-44

A28

Перевод с английского Д. Ускова

Introduction, © Mike Ashley, 2012

This editions © The British Library Board, 2012.

© СЛОВО/SLOVO, издание, 2012

ISBN 978-5-387-00544-2

СОДЕРЖАНИЕ

От мистера Р. Хендерсона секретарю Ассоциации страхования жизни	21
--	----

РАЗДЕЛ I

1. От леди Боултон почтенной К. Б** (без даты), октябрь–ноябрь 1832	27
2. Фрагмент письма того же отправителя тому же адресату, написанного четыре дня спустя	28
3. От миссис Уорд почтенной К. Б** с приложением вышеупомянутого	29
4. От того же отправителя тому же адресату	31
5. Выдержка из «Морнинг Гералд» от ноября 183–	37
6. От миссис Уорд почтенной К. Б**	39
7. От миссис Тейлор почтенной К. Б**	40
8. От того же тому же	41
9. От того же тому же	41
10. Мистер Уорд почтенной К. Б**	41

СОДЕРЖАНИЕ

11. Миссис Ванситтарт почтенной К. Б**	43
12. Миссис Уорд почтенной К. Б**	45

РАЗДЕЛ II

1. Служебная записка мистера Хендерсона	46
2. Свидетельство Фредерика Мортонa, эсквайра, лейтенанта Королевской артиллерии	53
3. Свидетельство Жюли	62
4. Свидетельство Леопольдо	66
5. Свидетельство Эдварда Морриса, клерка отдела завещаний в «Докторс Коммонс»	68
6. Служебная записка мистера Хендерсона	70

РАЗДЕЛ III

1. Выдержки из дневника миссис Андертон	71
2. Свидетельство доктора Ватсона	81
3. Выдержки из дневника миссис Андертон. Продолжение	88

РАЗДЕЛ IV

1. Служебная записка мистера Хендерсона	98
2. «Письма или сообщения для мисс Браун незамедлительно отправлять по адресу: Барону Р**, Почтовое отделение, Ноттинг-Хилл»	101
3. Свидетельство миссис Уитуорт	102

СОДЕРЖАНИЕ

4. Свидетельство доктора Джонса	109
5. Свидетельство миссис Трогмортон	115
6. Свидетельство мистера Эндрюса	117
7. Свидетельство Сары Ньюмен	118

РАЗДЕЛ V

1. Служебная записка мистера Хендерсона	125
2. Свидетельство миссис Браун	128
3. Свидетельство миссис Траубридж	132
4. Свидетельство доктора Марсдена	136
5. Выдержки из дневниковых записей доктора Марсдена	142
6. Служебная записка мистера Хендерсона	145

РАЗДЕЛ VI

1. Служебная записка мистера Хендерсона	150
2. Свидетельство доктора Додсуорта	153
3. Свидетельство миссис Эдвардс	163
4. Служебная записка мистера Хендерсона	167
5. Свидетельство сержанта полиции Эдварда Ридинга	168
6. Записка карандашом, найденная на подушке мистера Андертона	177

РАЗДЕЛ VII

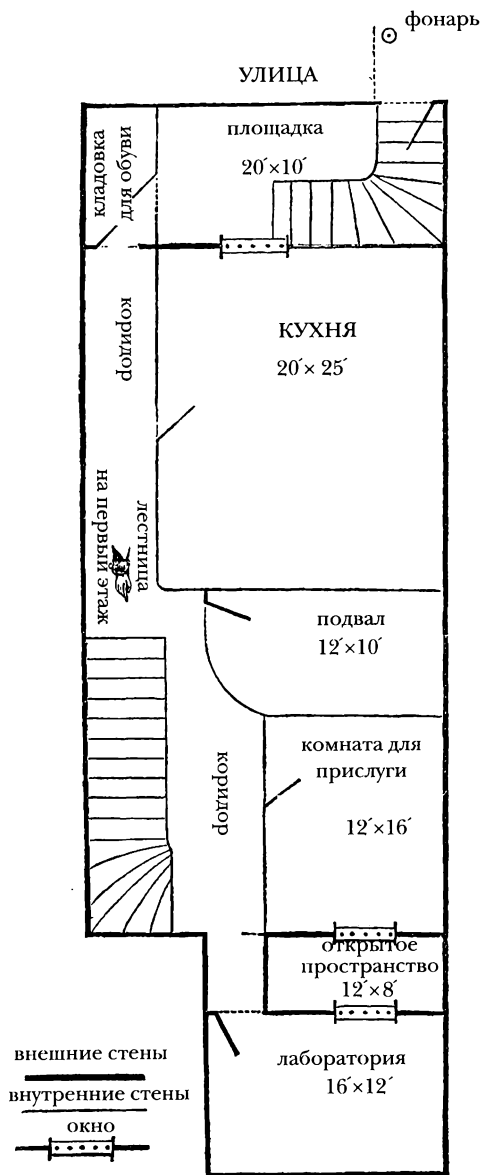
1. Свидетельство мистера Хендерсона	178
2. Свидетельство миссис Джексон	181

СОДЕРЖАНИЕ

3. Свидетельство миссис Эллис	183
4. Свидетельство мистера Уэстмакотта	188
5. Свидетельство Генри Олдриджа	189
6. Свидетельство Майлза Томпсона	195
7. Свидетельство Джона Джонсона	196
8. Свидетельство Сьюзан Тернер	197
9. Копия письма главного месмериста, адресованного составителю, со ссылкой на особую власть, коей обладают гипнотизеры над теми, кто находится под их влиянием	200
10. Обрывок письма, найденный в комнате барона после смерти мадам Р**	203
11. Выдержки из журнала «Зоист Мэгэзин», № XLVII, октябрь 1854	206

РАЗДЕЛ VIII

Заключение	208
------------------	-----

Цокольный этаж дома барона Р** на Рассел-Плейс (см. Раздел VII, 8)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ПОИСКАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Майк Элли

Согласно ныне покойному Джулиану Симонсу, большому любителю криминальной литературы, писавшему в 1972 году: «Загадка Ноттинг-Хилла» — это, несомненно, первый детективный роман». Любое столь категоричное заявление требует подтверждения, ведь существуют другие претенденты, поэтому имеет смысл определить место данного произведения в контексте развития детективного жанра, чтобы понять его значимость.

Для начала определимся с датой. Судя по титульному листу, книга была опубликована издательством «Сондерс, Отли & К°» в Лондоне в 1865 году, но можно углубиться дальше. Изначально это произведение издавалось по принципу «продолжение следует», без указания имени автора, с 29 ноября 1862 года по 17 января 1863 года в еженедельном журнале «Уанс э Уик». Иллюстратором был Джордж Дюморье (1834–1896), автор «Трильби» (1894) и дедушка писательницы Дафны Дюморье. В настоящем издании вы снова можете увидеть его иллюстрации, не публиковавшиеся со времени первого выхода этого детектива.

Шестидесятые годы XIX столетия — время пробудившегося интереса к детективному роману. Самый извест-

ный роман этого жанра «Лунный камень» Уилки Коллинза (1824–1889) вышел отдельной книгой в 1868 году после публикации в журнале «Ол зе Йер Раунд» в январе–августе того же года. В центре повествования — сержант Кафф, цель которого разыскать пропавший священный индийский алмаз. Этот человек — серьезный, скрупулезный, заслуживающий всяческого доверия, им движут моральные принципы. Кафф сумел не только решить поставленную перед ним задачу посредством методичного расследования, но и удостовериться в том, что драгоценный камень вернулся на свое законное место. Ко времени публикации «Лунного камня» жанр детективного романа уже сформировался, но каковы были его литературные предшественники?

Роман Коллинза появился примерно через пять лет после публикации «Загадки Ноттинг-Хилла», а также большого количества прочих детективных произведений. Пожалуй, наиболее известным из них можно считать «Холодный дом» Чарлза Диккенса (1812–1870), первоначально публиковавшийся ежемесячно с марта 1852 по сентябрь 1853 года. В этом произведении Диккенс создал великолепный образ инспектора сыскной полиции Баккета. На страницах романа этот персонаж отважно действует в мрачном и опасном мире викторианского Лондона, ведя свое расследование в обстановке «городского дна». Баккет — наблюдательный, талантливый аналитик, сыщик по призванию. Его прототипом во многом стал реальный сотрудник полицейского сыска — инспектор Филд. Однако, несмотря на столь яркий образ инспектора Баккета, тема расследования обстоятельств смерти мистера Талкингорна не является центральной в этом романе, ибо Диккенс создает еще множество дополнительных сюжетных линий. Следовательно, неправомерно будет считать «Холодный дом» детективным романом в чистом

виде, несмотря на то, что в ходе повествования сыщик последовательно выполняет свой долг.

А еще раньше было издано множество историй, в центре которых — расследование совершенного преступления. Вспомним такое произведение, как «*Das Fraulein von Scuderi*» Эрнста Т. А. Гофмана (1776–1822). Дама, чье имя вынесено в заглавие этой истории, занята анализом состоятельности обвинения человека, арестованного по подозрению в убийстве. Мадемуазель де Скюдери не раскрывает преступление самостоятельно, но ее стремление докопаться до истины в конечном счете способствует восстановлению справедливости. Как видим, этот персонаж не что иное, как прообраз женщины-детектива.

Ну а самым первым литературным сыщиком принято считать Огюста Дюпена. Этот персонаж, созданный воображением Эдгара Аллана По (1809–1849), стал главным героем трех рассказов, начиная с «Убийства на улице Морг» (1841). И по праву считается непосредственным предтечей Шерлока Холмса. Несмотря на то, что сыск не является его основным ремеслом, Дюпен — признанный эксперт в области криминалистики, и префект парижской полиции обращается к нему за советом, когда очередное совершенное преступление оказывается слишком таинственным и запутанным. Несомненно, именно Эдгар По создал образ частного сыщика, ставшего предшественником многих других литературных героев, сражающихся со злом, но По так и не написал детективного романа.

Его персонаж действует во Франции, так как именно эта страна ассоциировалась с идеей частного сыска со времен Эжена Франсуа Видока (1775–1857). Бывший вор, ставший впоследствии во главе сыскной полиции, Видок сформировал особую бригаду, получившую название «*Brigade de la Surete*» («Бригада безопасности»). Биография Видока и история формирования «Бригады»

изложены в «Записках Видока», которые были опубликованы в четырех томах с 1828 по 1829 год. Несомненно, истина здесь была сильно приукрашена. «Записки» оказали большое влияние на авторов ранних сочинений в детективном жанре и в кратчайшие сроки были переведены на английский язык. Возникла целая литературная индустрия: в английских романах ужасов, французской сенсационной беллетристике и американских периодических изданиях пересказывались истории (по большей части сфабрикованные), взятые из полицейских источников.

В последующие годы влияние этой литературной тенденции прослеживается во многих подборках «расследований», написанных в мемуарном стиле. В этой связи уместно вспомнить имя ныне забытого британского литератора Уильяма Рассела (1807–1877), создавшего под псевдонимом «Уотерс» цикл рассказов для журнала «Чэмберз Эдинбург Джорнэл». Это были якобы записки лондонского сыщика. В Америке они вышли отдельной книгой под названием «Воспоминания полицейского» в 1852 году, а в Великобритании — в 1856 году («Воспоминания офицера сыскной полиции»). Книга имела огромный успех, особенно в Америке, где образ частного детектива был в особом почете во многом благодаря активности средств массовой информации, создавших ажиотаж вокруг первого частного сыскного агентства, организованного по инициативе Аллана Пинкертона (1819–1884) в 1850 году. Рассел создал еще много произведений в псевдобιοграфическом ключе под различными вымышленными именами. Эти книги в свою очередь вдохновили многих подражателей.

Среди них, в частности, Эндрю Форрестер-младший («Женщина-сыщик») и анонимный литератор, сочинивший «Воспоминания леди из сыскной полиции»; авторство этой вещи приписывают либо Брейсбриджу

Хемингу (1841–1901), либо Уильяму Стивенсу Хэйворду (1835–1870). Оба вышеназванных произведения были опубликованы в 1864 году. «Женщина-сыщик» — это некая миссис Глэдден, или просто «Г», профессиональный детектив-консультант. Что касается героини второй книги, то это миссис Паскаль. Полицейское управление Лондона нанимает ее для выполнения секретной миссии. Обе дамы стали прародительницами образа сыщика в юбке.

Среди прочих претендентов на роль первой женщины-сыщика можно также назвать Рут Трэйл, плод литературной фантазии Эдварда Эллиса. Его роман ужасов «Предательница Рут, или Шпионка» печатался в 52-х еженедельных выпусках начиная с февраля 1862 года. Рут — не совсем детектив, она фактически является двойным тайным агентом. По мере развития сюжета ее отношения с законом становятся все более и более проблематичными.

В сюжетной схеме этих книг и им подобных, к примеру «Трижды мертвый, или Тайна пустоши» (1860), известной также под названием «След злодея» (автор Мэри Э. Брэддон), есть преступления, расследования, но эти произведения нельзя считать детективными романами. Во всяком случае, успех такого рода произведений свидетельствовал о быстро растущем интересе читателей к работе полиции. Особый интерес вызывали сенсационные и устрашающие случаи из практики.

Многие склонны считать подлинным родоначальником детективного романа французского литератора Эмиля Габорио (1832–1873). Непосредственно следуя традициям Видока и находясь при этом под влиянием По, Габорио создал образ полицейского следователя месье Лекока. Лекок стал героем пяти романов; в первом — «Дело Леруж» — он берет на вооружение дедуктивные методы отца Табаре, отошедшего от дел ростовщика и детектива-

консультанта. В остальных романах цикла Лекок становится центральным действующим лицом. В течение 1863 года вышеназванный роман печатали в ежедневной газете «Ле Пейни», после состоявшейся журнальной публикации «Загадки Ноттинг-Хилла». Так или иначе, даты выхода в свет обоих произведений очень близки.

До того, как полностью посвятить себя литературе, Габорио работал в качестве секретаря Поля Феваля (1816–1887), популярного автора криминальных триллеров и исторических романов. Феваль создавал циклы связанных между собой сюжетно романов, в которых действовали международные преступные синдикаты и тайные общества. Из ряда этих произведений выделяется роман «Жан Дьябль», вышедший во Франции отдельной книгой в 1863 году. На английский язык она была переведена только в 2004 году. С 1 августа по 20 ноября роман публиковался на страницах «Ле Сьекль». Завершена эта публикация была всего за неделю до выхода первого выпуска «Загадки Ноттинг-Хилла». Действие романа Феваля разворачивается в 1816 году. Главный герой — Грегори Темпл, сыщик Скотленд-Ярда (и это при том что Скотленд-Ярд был учрежден не ранее чем в 1929 году). В своей профессиональной деятельности Темпл руководствуется кропотливой и последовательной методикой дедуктивного анализа. В этом длинном романе из нескольких частей сюжет весьма запутан, как и в большинстве газетных фельетонов тех лет. Грегори Темпл стремится привлечь к уголовной ответственности главного злодея, а в восприятии французских читателей главный злодей был фигурой более привлекательной, чем британский сыщик. В финальной сцене Жан Дьябль сумел избежать заслуженной кары, несмотря на то что Грегори Темпл нашел неопровержимое доказательство его вины. Роман, безусловно, представляет собой пример криминальной

беллетристики. В творческом плане — это шаг вперед по сравнению с ранее упомянутыми детективами, созданными по принципу сборников различных историй о преступлениях. В данном же случае речь идет о противостоянии полицейского следователя и главного преступника. Предположительно, это первый роман, описывающий методику полицейского расследования и, несомненно, он очень близок к детективному жанру в чистом виде — по сравнению с произведениями, напечатанными ранее.

В чем же особенность романа «Загадка Ноттинг-Хилла», что делает его действительно непохожим на другие образцы жанра? Начнем с того, что расследованием преступления занимается страховая агент Ральф Хендерсон. Роман представляет собой собрание материалов его отчета о проделанной работе, с многочисленными свидетельскими показаниями, вкуче доказывающими (к удовлетворению мистера Хендерсона) факт насильственной смерти мадам Р**, со всеми подробностями совершенного преступления. Помимо показаний гражданских лиц, к делу подключены также и свидетельства сотрудников полиции. Все эти материалы тщательно проанализированы и методически оценены главным героем по степени значимости. В этом романе вы не найдете сцен захватывающих погонь или схваток со злодеями, равно как и засекреченных операций. В этом плане роман оказывается на редкость новаторским. Создается впечатление, что у него совсем другие литературные корни, не имеющие ничего общего с ранее популярными сборниками криминальных историй.

Некоторые прецеденты в подобном ключе уже имелись, но в формате короткого рассказа. Уилки Коллинз написал новеллу под названием «Кто же вор?» (опубликована в «Атлантик Мансли» в апреле 1858 года). Позднее автор включил ее в свой роман «Червоная Дама» (1859)

под названием «Попался, который кусался». В этой довольно легковесной истории на основе материалов из полицейских отчетов показано, как именно был изобличен преступник. В произведении Чарлза Диккенса «Преследуемая» («Нью-Йорк Леджер», 20 августа — 3 сентября 1959 года) девушка, жизнь которой была застрахована, умирает при таинственных обстоятельствах. Сотрудник страховой компании мистер Митам начинает собственное расследование и выясняет личность злодея.

Скорее всего, автор «Загадки Ноттинг-Хилла» был знаком с этими произведениями. Впоследствии он взял из них на вооружение идеи и методики для своего повествования, доведя их при этом до невиданного ранее уровня. В этом контексте данная книга представляет собой литературное явление уникального характера. Основываясь на имеющихся фактах, ее можно считать первым полномасштабным романом нового образца на английском языке.

Что же касается авторства этого романа... В «Уанс э Уик» его печатали из номера в номер без указания имени автора. Когда же роман был издан отдельной книгой в 1865 году, в качестве автора произведения был назван Чарлз Феликс. До сей поры он сочинил по крайней мере один опус в жанре детектива — «Бархатная лужайка», вышедший все в том же издательстве «Сондерс, Отли & К°» в 1864 году. Выдвигались различные версии относительно подлинного авторства «Загадки Ноттинг-Хилла», пока в 2011 году Пол Коллинз, американский коллекционер и библиофил, пишущий для «Сандэй Бук Ривью» в «Нью-Йорк Таймс», не почерпнул из современных источников следующую информацию: Чарлз Феликс — не кто иной, как Чарлз Уоррен Адамс (1833–1903), владелец издательства «Сондерс, Отли».

После смерти основателей этого издательского дома Адамс оказался не в состоянии сохранить фирму на плаву и восстановить ее былую славу образца 1830-х годов, когда в «Сондерс...» выходили произведения таких авторов, как Эдвард Булвер (известный позднее как Булвер-Литтон) и капитан Фредерик Мэриет. В 1869 году фирма прекратила свое существование. Адамс стал работать в качестве секретаря Антививисекционного общества и именно на этом жизненном этапе у него появились определенного рода творческие амбиции. Что его ожидало — популярность, или, наоборот, дурная слава? В комитете вышеупомянутой организации работала также Милдред Кольридж, внучатая племянница поэта Сэмюэла Тейлора Кольриджа. В ноябре 1883 года она оставила семью и переехала жить к Адамсу, тем самым приведя в полнейшее замешательство своего отца, первого барона Кольриджа, занимавшего должность верховного судьи. Бернارد, старший брат Милдред, написал своей сестре письмо, в котором обрушился с нападками на «негодяя Адамса». В результате в суде Королевской скамьи состоялся процесс, затянувшийся на два года. Взаимное соглашение сторон так и не было достигнуто. Тем временем Адамс и Милдред Коллинз вступили в брачный союз в июне 1885 года и прожили вместе, пока смерть их не разлучила, — в июле 1903 года Чарлз Адамс скончался.

Милдред не стало в январе 1929 года. Интересно, а знала ли она, что ее супруг был автором первого английского детективного романа нового типа?

ЗАГАДКА НОТТИНГ-ХИЛЛА

ОТ МИСТЕРА Р. ХЕНДЕРСОНА СЕКРЕТАРЮ
____ АССОЦИАЦИИ СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

«Отдел частных расследований, Клементс-Инн,

17 янв. 1858

«Джентльмены.

Предоставляя на ваше рассмотрение исключительного характера факты, выявленные мною в ходе изучения дела покойной мадам Р**, я должен принести свои извинения в связи с задержкой в выполнении ваших инструкций в ноябре. Причиной тому послужила не небрежность с моей стороны, а непредвиденные объем и запутанность дела, которое мне пришлось вести. Должен признать, что, даже после тщательного расследования, на данный момент я все равно мог бы желать достижения более удовлетворительного результата. После ознакомления со всеми прилагаемыми документами, а их достоверность и исчерпывающий характер не должны вызывать у вас ни тени сомнения, полагаю, вы сможете сами удостовериться в том, сколь необычайно сложно это дело.

Мои расследования изначально связаны с фактом страхования жизни ныне покойной мадам Р** на сумму 5000 фунтов — максимальная сумма, разрешенная вашими правилами. Страховой полис был оформлен здесь, в этой конторе, ее мужем бароном Р** 1 ноября 1855 года. Аналогичные полисы были заведены в конторах Манчестера, Ливерпуля, Эдинбурга

и Дублина на общую сумму 25 000 фунтов; документы датированы, соответственно, 23 декабря 1855 года, 10 января, 23 января и 15 февраля 1856 года – в сущности, они почти идентичны. Все эти конторы руководствовались правилами, согласно которым действовал и я. Прилагаемое вашему вниманию послание вкупе с приложениями весьма объемисто, и я буду признателен, если вы ознакомитесь с его содержанием. Я направил аналогичные письма по адресам вышеупомянутых страховых контор.

Прежде чем перейти непосредственно к предмету моего расследования, было бы целесообразно резюмировать изначальные обстоятельства дела. Прежде всего, обратим внимание на совпадение вышеприведенных дат; налицо явное стремление страховщика скрыть в каждом отдельном случае страхового оформления сам его факт от представителей других контор. После дальнейшего изучения деталей члены вашего правления были также изумлены необычностью обстоятельств, при которых состоялось замужество мадам Р**, а также ее взаимоотношениями с бароном до замужества. Вот почему я уделил особое внимание фактам, которые удалось выявить в очень важной цепочке свидетельств. Все эти данные необходимо было соединить в единое целое.

Однако основное подозрение вызвали необычные обстоятельства смерти мадам Р**, которая последовала вскоре после страхования ее жизни на столь значительную сумму. Эта леди скончалась внезапно 15 марта 1857 года от сильнодействующего препарата, взятого

ею, предположительно, во сне в лаборатории мужа. В ходе обычного предварительного опроса, проведенного до моего подключения к расследованию, барон и словом не обмолвился о какой-либо склонности жены к сомнамбулизму. Вскоре, однако, после того как дело было предано огласке в печати, секретарь Ассоциации получил письмо от одного джентльмена, проживавшего до недавнего времени в одном доме с бароном Р**. Из послания следовало, что барон явно что-то утаивал, и тогда это дело было передано мне.

По получении ваших инструкций я связался с мистером Олдриджем, автором вышеупомянутого письма. Этот джентльмен свидетельствует, что в течение нескольких месяцев после оформления последнего страхового полиса барон Р** всячески старался скрыть от окружающих эту склонность своей супруги, о которой он был отлично осведомлен. Показания мистера Олдриджа в определенной степени подтверждаются информацией, полученной от двух других свидетелей по данному делу; однако, к сожалению, последующий анализ фактов вызвал серьезные сомнения относительно всей совокупности имеющихся свидетельств, и в особенности данных, представленных мистером Олдриджем. А именно на его показаниях строились первоначальные выводы. То же самое, увы, относится и к ряду прочих свидетельств; это станет очевидным, когда вам будут представлены все детали.

Тем не менее из показаний мистера Олдриджа в сопоставлении с другими фактами, я почерпнул для себя достаточно, что побудило меня расширить сфе-

ру расследования, сосредоточившись на еще одном необычном деле. Вскоре это позволило мне сделать необходимые выводы.

Вы, конечно же, помните, что осенью 1856 года некто по фамилии Андертон был арестован по подозрению в отравлении собственной жены. Не дожидаясь результатов химического анализа и, как следствие, установления возможной причины смерти, этот человек совершил самоубийство. В конечном счете он был признан невиновным; никаких следов яда специалисты не обнаружили, и дело поскорее замяли. Близкие мистера Андертона занимали высокое положение в обществе, и им, что вполне естественно, была небезразлична репутация семьи. Хотелось бы отметить, что в интересах правосудия они с готовностью оказывали мне всяческое содействие в расследовании, результаты которого в настоящий момент представлены вам на рассмотрение.

По изучении всех фактов и в особенности некоторых совпадений дат, на кои я хотел бы обратить ваше особое внимание, вырисовываются два варианта возможного толкования событий. В одном случае мы закрываем глаза на цепь совпадений, очевидных и взаимосвязанных настолько, что это просто невозможно не заметить; в другом — мы неизбежно приходим к выводу, находящемуся в противоречии со всеми имеющимися законами природы, что опять-таки непросто принять. Иначе говоря, либо мы остаемся там, с чего начинали, либо погружаемся в череду темных и зловещих преступных деяний.

После долгих и серьезных размышлений я вынужден признать свою неспособность определить-ся с выбором. Вот почему я просто выношу на ваше рассмотрение факты по данному делу по мере их поступления в мое распоряжение из различных источников. Я распределил этот фактический материал в том порядке, в каком он должен быть представлен Совету, если он сочтет необходимым передать данное дело в суд. При этом, учитывая огромный объем следственного материала, я посчитал разумным представить в сжатой форме суть имеющихся показаний без ущерба их основному содержанию. Так или иначе, мои конспективные варианты изложения сущности показаний всегда при желании можно сопоставить с оригиналами (прилагаются).

В случае если выводы, к которым вы придете, совпадут по сути с моими умозаключениями, все же потребуются дополнительное рассмотрение ситуации перед какими-либо дальнейшими действиями; признаюсь, на данном этапе мне затруднительно посоветовать что-либо конкретное. Подозрения весьма сильны и, возможно, дело дойдет до предъявления обвинения; в любом случае решение должно быть взвешенным. Даже при наличии бесспорных доказательств совершенных страшных злодеяний, необходимо все еще раз тщательно проанализировать, прежде чем передать виновного в руки правосудия. В настоящий же момент все наше внимание приковано к имеющимся фактам по данному делу, и прочие вопросы будет лучше до поры до времени отложить —

вплоть до окончания рассмотрения дела, когда я, конечно же, получу от вас какие-либо известия.

В заключение позволю себе несколько слов по вопросу, требующему разъяснения. Я имею в виду деятельность так называемого “Сообщества гипноза” и хотел бы на этом особо остановиться. Те, кто имел несчастье оказаться во власти этого наваждения, несомненно, именно в нем найдут простую, но страшную разгадку тайны — той самой, которую мы пытаемся раскрыть. Не скрою, что один пассаж из журнала “Зоист”, упоминаемый мною в ходе расследования, навел меня на предельно ясную мысль, догадку. При этом меня сбивало с толку призрачное стечение обстоятельств, и поначалу я не готов был даже в малейшей степени заподозрить, что все дело в этом дерзновенном наваждении. Однако мы не должны забывать, что те, кто проводит свою жизнь, обманывая других, сами нередко оказываются обманутыми. Так что нет ничего удивительного в том, что барон Р** мог вполне довериться утверждению из журнала “Зоист”. Принимая во внимание его склад ума, и в соответствии с вполне определенным, хотя и весьма таинственным законом природы, все могло произойти именно так, как и произошло. Таковы теоретические предпосылки, благодаря которым представляется возможным хотя бы частично пролить свет на эту в высшей степени запутанную загадку.

Жду от вас дальнейших распоряжений.

Искренне ваш,

джентльмены,

Ральф Хендерсон».

ДЕЛО

РАЗДЕЛ I

ОТРЫВКИ ИЗ ПЕРЕПИСКИ
С ПОЧТЕННОЙ КЭТРИН Б**¹

1. *От леди Боултон почтенной К. Б** (без даты),
октябрь–ноябрь 1832*

«О тетушка, тетушка, как же мне быть? Три ночи кряду я не смыкала глаз, я не могла написать даже вам, дорогая тетушка, ибо продолжала надеяться на то, что в конечном счете все образуется, и он снова вернется. О, как я вслушивалась в каждый звук, как внимательно всматривалась в направлении дороги, пока мои бедные глаза не начинали болеть! И вот уже четвертый день как он ушел, и, о тетушка, мне так страшно, я уверена, что он последовал за этим отвратительным человеком. Если только они встретятся, я знаю, произойдет нечто ужасное, вы не можете себе представить, как он выглядел, бедный Эдвард, в тот момент, когда уходил. Но тетушка, вы не должны на него сердиться, ибо я знаю — я сама во всем виновата, мне давно следовало рассказать ему обо всем, поистине, поистине я об этом не позабо-

¹ Двоюродная бабушка покойной миссис Андертон. Причина столь далекого экскурса в историю вскоре станет понятной.

тилась, и я действительно люблю дорогого Эдварда так нежно. Я боялась...

[В этом месте текст послания становится неудобочитаемым из-за большого количества помарок.]

...и я подумала, что все позади, а потом... и всего две недели назад мы были так счастливы... мы сочетались браком всего семь месяцев назад... но не подумайте, дорогая тетушка, что я на него жаляюсь, вы даже не знаете, насколько... Если только сможете, приезжайте ко мне, я чувствую себя совсем больной, вы знаете, что это только... Да хранит вас Господь, тетушка; приезжайте ко мне, если сможете.

Гертруда Боултон».

2. *Фрагмент письма того же отправителя тому же адресату, написанного четыре дня спустя*

* * * * *

«Мне очень жаль, что вам так нездоровится; не пытайтесь приехать ко мне, дорогая тетушка; как-нибудь обойдется, а если нет, будь что будет, лишь бы не эта ужасная тревога ожидания... Еще не время, но я не могу продолжить это письмо, ибо едва различаю строки и бедная голова моя слабеет. Храни вас Господь, тетушка.

Г.

Вскрыла письмо, чтобы от всего сердца поблагодарить вас за то, что прислали ко мне добрейшую миссис Уорд; она прибыла так неожиданно [в го-

лубом¹], словно с небес спустилась. Хотелось бы знать, видела ли она Эд...»

[На этом послание внезапно обрывается.]

3. *От миссис Уорд почтенной К. Б** с приложением
вышеупомянутого*

Бичвуд², вечером во вторник

«Моя дорогая Кэтрин.

Боюсь, у меня для вас невеселые вести относительно нашей милой Гертруды. Бедное дитя! Я вошла в комнату и заметила, насколько у нее бледный и изможденный вид, темные круги под глазами. Я едва удержалась, чтобы самой не расплакаться. Увидев меня, она издала слабый возглас радости и бросилась мне на шею, но через мгновение повернулась к письменному столу и вскрыла письмо, которое я отправляю вам вместе с моим, оно лежало на столе, готовое к отправке. Столь длительное перенапряжение сил для нее оказалось чрезмерным; она едва написала несколько строк, как вдруг голова ее начала дергаться. Вы поймете ее состояние из текста письма. Когда она пыталась написать имя своего мужа, ей стало совсем дурно, случился истерический припадок, длившийся несколько часов. Что отрадно, сейчас она относительно спокойна, хотя время от времени голова ее вновь начинает дрожать, и ей не удастся прикрыть глаза, но она лежит в постели, глядя пря-

¹ Зачеркнуто.

² Резиденция сэра Эдварда Боултона.

мо перед собой, порой начиная разговаривать тихим голосом с невидимым собеседником. Создается впечатление, что она ничего вокруг себя не замечает. Я приложила усилия, стараясь, по мере возможности, узнать от нее подробности этой печальной истории, но ничего не добилась, бедное дитя только бесконечно повторяла: “это все из-за меня” и “поистине, поистине, *он* ни в чем не виноват”. Видимо, мое появление, хотя, конечно же, и принесло ей большое облегчение, вынудило ее собрать все силы для защиты своего мужа от возможных упреков, для сохранения его репутации. Тем не менее, боюсь, что он, несомненно, серьезно виноват в происходящем; в самом деле, насколько я могу судить, вина целиком лежит на нем. Я так и не выяснила подробностей этой неприятной ситуации, но, по всей видимости, сэр Эдвард — весьма неуравновешенный молодой человек и, я опасаясь, большой ревнивец. У него возникли подозрения относительно этого мистера Хокера, который столь настойчиво ухаживал за бедняжкой Гертрудой позапрошлой зимой. После крайне нервической сцены сэр Эдвард покинул Бичвуд и пустился вслед за мистером Хокером, который, предположительно, отправился на континент. Известно, что сэр Эдвард поехал по Дуврской дороге в направлении, как вы знаете, места назначения. И это, пожалуй, все, в чем я на сегодня могу быть более или менее уверена. Прислуга негодует по поводу отношения сэра Эдварда к их госпоже; я от них многое слышала на этот счет, и, признаться, мне труд-

но сдержать их выплеск эмоций. Если я узнаю какие-либо новые детали, то непременно вам об этом дам знать, а пока не могу от вас скрыть серьезнейшего беспокойства за нашу милую Гертруду. Ее бедное сердечко совсем разбито, и я тревожусь о ней ежечасно, ведь она столь деликатная натура, ее здоровье так сильно подорвано тревогой и страхом... Вы знаете, что я была против этого брачного союза, и сейчас, как никогда, ощущаю, насколько рискованно было довериться столь юной и чувствительной особе заботам мужчины с поистине неуправляемым темпераментом, ведь это ни для кого не было секретом. Бедняжка! Должно быть, это не первый случай, он и ранее бывал с ней груб, и даже если организм ее при этом не пострадал, кто знает, как все это может отразиться на будущем ребенке... Настало время завершить это длинное и печальное послание, напишу сразу, как только появятся свежие новости. Тем временем я не должна отходить далеко от Гертруды. Надеюсь, ваше здоровье улучшилось. Передайте мой привет маленькому Генри и скажите ему, чтобы вел себя хорошо в мое отсутствие.

Любящая вас,

Хелен Уорд».

4. От того же отправителя тому же адресату

Бичвуд, понедельник утром

«Моя дорогая Кэтрин.

Увы, у меня по-прежнему нет обнадеживающих новостей о бедной Гертруде. С тех пор как я отпра-

вила вам письмо¹ вечерней почтой в субботу, мало что изменилось. Бедняжка стала еще более беспокойной, боюсь, сил у нее стало меньше. Теперь она постоянно спрашивает, нет ли писем, и ей кажется, что их от нее утаивают. И в самом деле, учитывая ее нынешнее состояние, будет благоразумно письма ей не показывать, если таковые появятся. Прессу я ей передаю только после предварительного тщательного прочтения. Опасаюсь, что у нее горячка, но по совету врача я не пыталась отговорить ее вставать с постели. Напряженность становится для нее почти невыносимой, и я с нетерпением жду очередного визита доктора. Целый день бедное дитя лежит на софе и смотрит в окно, откуда открывается вид на Дуврскую дорогу. Этим утром она кажется особенно беспокойной, и я не могу дождаться прихода доктора Трэверса.

11 утра

Приходил доктор и подтвердил мои опасения насчет горячки, хотя, по его словам, возможно, все обойдется. Он велел мне немедленно лечь и отдохнуть несколько часов, ведь я почти все время на ногах, с тех пор как сюда приехала. Он также добавил, что если у Гертруды все же начнется горячка, мне понадобится много, очень много сил. Я пока не запечатаваю это письмо, собираюсь отправить его вечерней почтой.

¹ Данное письмо не прилагается, поскольку не содержит какой-либо существенной информации.

Среда

Все кончено. С трудом заставила себя взять в руки перо, ведь я должна рассказать, что произошло. О моя дорогая Кэтрин, я никогда не прощу себе, что оставила Гертруду одну, хотя знаю, что это глупо, ведь мне приказали так поступить ради ее же блага. Что ж, вот они, эти печальные известия. Я оставила бедняжку Гертруду на попечение горничной, которая получила строгое указание немедленно звать меня в случае каких-либо изменений в состоянии больной. Бедное дитя внезапно успокоилась и, казалось, задремала. Горничная присматривала за ней, пока часы не пробили четыре, и не в силах более бороться с дремотой заснула сама. Проснувшись около пяти, она с ужасом обнаружила исчезновение своей госпожи. Стремглав она бросилась ко мне, но я не успела даже спуститься с лестницы, когда кто-то взбежал по ступенькам и сообщил, что видел почтальона, который только что встретил несчастную Гертруду, наблюдавшую за ним у ворот. Она поинтересовалась, нет ли писем и, услышав, что нет, попросила у почтальона газету, с которой и устремилась в ту часть поместья, что именуется Заповедником. Почтальон был встревожен ее поведением и счел своим долгом известить нас. Вы, конечно, понимаете, в какой тревоге я устремилась в Заповедник, и там мы обнаружили нашу бедную девочку, распростертую на берегу пруда, в ее руке была эта роковая газета. Мы осторожно доставили Гертруду в дом, верховой тотчас же ускакал за доктором. Еще до его появления она пришла в сознание, и стра-

дания ее продолжились. Я не покидала Гертруду до ее последнего вздоха — это случилось час тому назад. После почти тридцати часов невероятных мучений, каких мне никогда в жизни не приходилось видеть, страдальца родила двух малюток девочек, столь крохотных и слабеньких, что на них невозможно было смотреть без слез. Они родились с интервалом приблизительно в один час. Старшая из новорожденных столь болезненного вида, что, по мнению доктора, у нее мало шансов выжить, остается только надеяться. Вторая немного покрепче, но в любом случае обе очень маленькие и слабые, даже учитывая их преждевременное появление на свет.

Бедная Гертруда начала стремительно угасать. Было сделано все возможное, и она продержалась еще три или четыре часа, однако затем силы покинули ее окончательно. Она отошла в мир иной так тихо и кротко, что мы даже не сразу это осознали. Бедняжка, я всегда так ее любила, и все ее любили... Прежде чем закончить, скажу о том, что стало причиной такого страшного несчастья. Именно этого я опасалась, и именно так все и произошло: в газете было опубликовано сообщение о роковой ссоре сэра Эдварда с мистером Х. Посылаю вам эту статью, так как, полагаю, вы хотели бы узнать о печальных обстоятельствах этого дела. Писать более не в силах, ибо крайне измотана и мне необходимо отдохнуть. Вы знаете, с какой симпатией я к вам отношусь...

Нежно любящая вас,

Хелен Уорд».

*Я устремилась в Заповедник, и там мы обнаружили
нашу бедную девочку, распростертую на берегу пруда,
в ее руке была эта роковая газета.*

5. *Выдержка из «Морнинг Гералд», от ... ноября 183_*

«Роковая дуэль в Дьеппе. — Из парижских газет стало известно о невероятной дуэли с роковым исходом, имевшей место в окрестностях Дьеппа. Поединок состоялся между двумя англичанами, личности которых на данный момент не установлены. Судя по всему, изначально соперники встретились в вестибюле отеля “Европа”, в котором остановился один из них и жил там уже несколько дней. На его белье были обнаружены инициалы К. Дж. Х. Вновь прибывший немедленно заговорил с этим человеком на повышенных тонах в самом оскорбительном тоне. Мистер Х. парировал, но поскольку разговор шел на английском языке, никто из присутствовавших, к сожалению, не мог понять сути конфликта. Между тем накал страстей продолжал нарастать, и владелец отеля счел необходимым вмешаться. Враждующие удалились. Несколько часов спустя мистер Х. вернулся обратно, попросил счет, торопливо собрал свой саквояж и отбыл. По имеющимся данным он отправился в Париж, далее его след был утерян. На следующее утро распространился слух о том, что в винограднике примерно в миле от города было найдено тело англичанина. Как выяснилось, жертвой стал тот самый джентльмен, который накануне ссорился с соотечественником. В результате осмотра тела стало очевидно, что несчастный погиб в честном поединке, хотя секунданты, скорее всего, на той встрече не присутствовали. Рука мертвеца сжимала пистолет, из

которого недавно был произведен выстрел. На расстоянии двенадцати шагов лежал другой пистолет, который, судя по всему, и стал орудием смерти. Очевидно, несчастный умер мгновенно, поскольку пуля попала прямо в сердце. Похоже, оружие, использованное в этом фатальном поединке, принадлежало убитому. Это были прекрасные дуэльные пистолеты явно английского производства. На рукоятках имелись маленькие серебряные пластины с инициалами Э. Б. и изображением руки, сжимающей боевой лук. Как мы уже сообщали, инициалы оппонента несчастного молодого джентльмена были К. Дж. Х.; мы подозреваем, что жертвой оказался молодой баронет, крупный землевладелец, чей внезапный отъезд на континент вызвал различные толки.

Пока этот номер готовился в печать, мы получили дополнительные сведения. Теперь нет никаких сомнений в том, что жертвой роковой дуэли стал сэр Эдвард Боултон, баронет из Бичвуда, графство Кент. Однако повод для дуэли, равно как и имя соперника сэра Эдварда, по-прежнему остаются тайной. Незадолго до гибели этот несчастный джентльмен сочетался браком с одной юной особой. Как мы понимаем, без наследника мужского пола титул баронета прекратит свое существование и основная часть владений перейдет в распоряжение дальних родственников. У вдовы, однако, мы надеемся, имеется приличное независимое состояние».

6. *От миссис Уорд почтенной К. Б***

июль 1836

«Моя дорогая Кэтрин.

*

*

*

*

*

Вам интересно знать, как чувствуют себя малыши несчастной Гертруды Боултон на следующий день после ее кончины. Их состояние вряд ли можно назвать удовлетворительным, они такие слабенькие, бедная Герти особенно похожа на увядшую лилию. Но надо признать, что младшенькой явно стало лучше, надеюсь, она выживет. И я склонна считать, что малышки в настоящее время пребывают в самом подходящем для них месте. Так жаль, что отныне у этих бедных деток нет близких родственников, с которыми они могли бы жить дальше, но я вполне согласна с вами, что при вашем состоянии здоровья такая ноша будет для вас непосильной. К тому же я убеждена, что здесь им во всех отношениях будет хорошо. Воздух Гастингса, по-моему, им вполне подходит, и в той части города, где проживает миссис Тейлор, атмосфера бодрящая и не слишком холодная. А миссис Тейлор — замечательная женщина, она души в них не чает. Особенно она благоволит бедной Герти, при этом неустанно проявляя знаки нежнейшего внимания по отношению к обеим близняшкам. Между ними существует связь даже не столько духовного, сколько физического характера. По мнению миссис Тейлор, эта связь между двумя сестричками проявляется следующим образом: любое, самое легкое недомогание одной сразу

сказывается на состоянии другой. Интересный нюанс: ваша крохотная тетка, Кэти, не столь трепетно воспринимает неприятности Герт, в то время как последняя, очевидно, в силу своего более деликатного сложения, напротив, ощущает себя прескверно, коль скоро у ее сестрички что-то не так. Я много слышала о сильной физической привязанности близнецов друг к другу, но впервые вижу столь яркое проявление этого феномена. К сожалению, оба ребенка очень беспокойны и опять-таки у старшей нервозность проявляется сильнее, а младшая просто очень восприимчива... Конечно, когда девочки подрастут, им нужно будет вращаться в кругу себе подобных по общественному положению, ну а пока, я полагаю, с задачей справится и миссис Тейлор... В следующем месяце я снова буду в Гастингсе и напишу вам о них.

Любящая вас,

Хелен Уорд».

*7. От миссис Тейлор почтенной К. Б***

(Предположительно, январь 1837)

«Пачтеная мис,

честь имею соопчить Вашей милости что мне ужас как жаль что мис Геретруда очинь сильна простыла и баюсь что и мисс каттаррен заболжит тоже. Эта уже два дня как длицца и мне очинь жаль но ить мис геретруда и мис Каттарен все время вместе но надеюсь они скоро выздоровют я ж писала Вашей Милости что у них у двух бедки одинаковыи тока

у беднай мис геретруд всегда потяжелей. Пачтеная Мис у нас доктар был сказал мис Каттарен вполне ничиво ище гаварит мис геретуда тож поправицца. Пачтеная Мис ваша смиренная слуга к вашим ус-
лугам *Сара Тейларф*».

8. *От того же тому же*

(Предположительно, июнь 1837)

«Пачтеная мис,
с палнейшим пачтением к Вашей милости я в таком восторги соопчаю что дети впалне себе ничиво а када мисс Катаррен прибалела во фторник бедная мисс геретруда очинь пирижавала три дня а щас опять все харашо. Пачтеная мис я смиренная слуга вашей Милости *Сара Тейларф*».

9. *От того же тому же*

Июль 1837

«Пачтеная мис,
с палнейшим пачтением к Вашей милости прошу приижайте Прям Щас тут чевото Ужастное стряслось с беднай мис Катаррен пачтеная мис я смиренная слуга Вашей Милости *Сара Тейларф*».

10. *Мистер Уорд почтенной К. Б***

· Отель «Марин», Гастингс

12 июля 1837

«Дорогая Мисс Б**,
Хелен получила ваше письмо, но не могла, к сожалению, выехать из дома, а поскольку дело пред-

ставляется неотложным, я счел необходимым прибыть самому. Увы, я вынужден сообщить вам весьма неутешительную новость. Исчезла малютка Кэтрин, подозреваю, что ее похитили цыгане. Пока все мои попытки выйти на их след были безуспешны. Как выяснилось, миссис Тейлор отправилась с девочками в сопровождении своих приятельниц в Фэрли-Даун, где им повстречалась толпа цыган, на которых они не обратили особого внимания. Вся компания пообедала — припасы у них были с собой, — потом они провели какое-то время, беседуя, и вдруг выяснилось, что ребенок пропал. Девочку искали повсюду в течение нескольких часов, но тщетно. Вернувшись туда, где были цыгане, они обнаружили, что табор исчез, а следы их на дороге нельзя было различить. К сожалению, бедная миссис Тейлор, — а она, судя по всему, не на шутку опечалена случившимся, — первым делом бросилась писать вам, а до полиции весть о похищении дошла косвенным путем, от приятельниц миссис Тейлор, проживающих на некотором расстоянии от города. Когда я прибыл вчера вечером, расследование было уже начато. Боюсь, однако, что драгоценное время было упущено, и шансы разыскать бедную малютку сейчас невелики. Я дал объявления в самых разных источниках, назначив солидное вознаграждение, но надежды на успех у меня почти нет, полиция также разделяет мои чувства. Как назло, у бедной Кэтрин смуглая кожа, как у цыган, глаза и волосы темные, а это на руку похитителям. Девочка подвижная,

разумная, с гибкой фигуркой — весьма ценное приобретение для цыган... Думаю, вам понятно, сколь горестно у меня на душе; как же не повезло бедным деткам. Ведь Гертруда будет очень тяжело переживать исчезновение сестры, с которой ее, как вам известно, связывают необычные узы привязанности. В настоящий момент я отправляюсь в полицейский участок для обсуждения дальнейших предпринимаемых мер. Следующее письмо я отправлю вам завтра утренней почтой.

Всегда, дорогая мисс Б**,

искренне ваш,

Генри Уорд.

11. Миссис Ванситтарт почтенной К. Б**

Гроув-Хилл-Хаус Академи, Хампстед-Хит,

среда, 1 мая 1842

«Мадам.

Я рада предоставить вам по вашей просьбе ежемесячный отчет о состоянии здоровья и успехах моего очень интересного юного друга и ученицы, мисс Боултон. В моральном и образовательном плане всё очень замечательно... Что же касается ее здоровья, увы, должна признать, что здесь дела обстоят не столь благополучно, как в прочих областях, которые, к моему удовольствию, находятся в моей компетенции. Несмотря на исключительно благотворные для здоровья условия здешних мест, равно как, осмелюсь добавить, и неослабное внимание, уделяемое юной особе как с моей стороны, так и со

стороны моих помощников по медицинской и образовательной части, увы... Пока явно преждевременно говорить о полном восстановлении здоровья мисс Боултон. Уповаю на то, что после длительного пребывания здесь это должно вскоре произойти. По мнению моего медицинского советника, доктора Уинстэнли, специалиста с репутацией европейского масштаба, которому я могу полностью довериться, мисс Боултон не страдает от какого-либо специфического заболевания, но время от времени ее одолевают болезненные приступы, которые проходят так же внезапно, как и появляются. Хит, с его чистым воздухом, считает наш доктор, уже оказал самое положительное влияние на его необычную пациентку, а со временем должно непременно наступить полное выздоровление. Драматическое исчезновение ее младшей сестры, о чем вы информировали меня прежде, чем эта девочка присоединилась к нашей небольшой компании, несомненно весьма серьезно отразилось на ее и без того слабом здоровье. Надеюсь, последствия этого инцидента уже начинают сглаживаться в ее сознании. Вы можете быть уверены в том, что я строго буду следовать вашим инструкциям в этом плане: никаких упоминаний об этой дорогой пропаже в общении с мисс Боултон. Благоразумнее также будет не ставить в известность о произошедшем ее компаньонов. Первого числа следующего месяца я буду иметь честь вновь известить вас о положении дел. Очень надеюсь, что на сей раз физическое состояние мое-

го необычного юного друга будет на том же уровне, что и ее моральные и интеллектуальные достижения. Засим, уважаемая мадам, позвольте завершить мое послание.

Ваша верная слуга,

с совершенным почтением,

Амелия Доротея Ванситтарт.

Почтенной Кэтрин Б**».

12. Миссис Уорд почтенной К. Б**

14 июня 1851

«Моя дорогая Кэтрин.

Благодарю за своевременное известие о помолвке нашей милой Гертруды. Поздравляю от всей души; правда, судя по некоторым вашим намекам, мне было бы гораздо спокойнее, коль скоро мистер Андертон, при всех его достоинствах, обладал бы не столь нервическим и возбудимым темпераментом. Он мне всегда очень нравился, но ведь у нашей Гертруды такая хрупкая натура, и я не могу не тревожиться за будущее их союза. Вместе с тем никто не идеален, и во всех прочих отношениях мистер Андертон личность более чем безупречная, так что еще раз сердечно поздравляю. Вы действительно подумываете о том, чтобы посетить Выставку?.. Передайте мой нежнейший привет Гертруде, а также добрые и уместные к случаю слова ее жениху.

Всегда любящая вас,

Хелен Уорд».

РАЗДЕЛ II

1. Служебная записка мистера Хендерсона

Далее речь пойдет о том отрезке жизни миссис Андертон¹, который охватывает период между ее замужеством и началом ее рокового заболевания. В этой связи я вынужден был обратиться за помощью разных сторон. Эта информация оказалась весьма исчерпывающей, а вместе со сведениями, полученными из переписки с мисс Б., о предыдущей жизни несчастной леди, проливает свет на два важных аспекта, о которых речь пойдет ниже. Хотелось бы отметить, что показания эти довольно объективны, поэтому я предлагаю сокращенный вариант в этой служебной записке. На данном этапе рассматривания дела это представляется вполне уместным. В случае возникновения любого рода неясностей всегда можно обратиться к оригиналам показаний.

Мистер Андертон, джентльмен знатного происхождения, был вхож в круг первых семей Йоркшира, где и познакомился с мисс Боултон во время пребывания в доме ее двоюродной бабушки, мисс Б.

¹ Бывшая мисс Боултон.

Он производил впечатление весьма любезного и добродушного человека, хотя, к несчастью, был настолько застенчив и замкнут, что близких отношений так ни с кем и не завел. Однако все, кого можно было причислить к его знакомым, были крайне удивлены обвинению, выдвинутому против него в связи со смертью жены, с которой, как полагали, он жил вполне счастливо, хотя на самом деле из-за его склонности к уединению мало что было известно. Как показали события, дело так и не дошло до суда, а даже если бы это и произошло, защита нашла бы убедительные доказательства невозможности совершения преступления человеком столь миролюбивого нрава.

Их брак продлился четыре с половиной года, и за все это время, судя по всему, между супругами не было и намека на размолвку. Миссис Андертон в своем письме двоюродной бабушке, мисс Б. (которой я поистине обязан за всю ту важную информацию, что мне удалось собрать при моем уважении к семейству), в весьма восторженных тонах описывает свою привязанность к мужу и приводит примеры его преданности. Копии нескольких посланий из этой переписки прилагаются; из них видно, каким неизменным было взаимное притяжение супругов. В переписке, охватывающей весь период их брака, вы не найдете ни единого намека на противоположное.

Однако, как мы знаем, у миссис Андертон было слабое здоровье от природы, и с годами оно не улуч-

шилось. По имеющимся сведениям, с ней дважды случались таинственные приступы, о которых упоминала миссис Ванситтарт в вышеприведенном письме. Правда, были они довольно легкими и в течение нескольких лет случались все реже и реже, а начиная с октября 1852 года у нас нет ни одного упоминания о чем-либо подобном. Тем не менее общее состояние здоровья миссис Андертон продолжало оставаться крайне неудовлетворительным, и, чтобы улучшить его, она, кажется, перепробовала всё. В прилагаемой корреспонденции вы найдете письма, отправленные из Бадена, Эмса, Лукки, Каира и прочих мест, куда эта пара ездила с целью лечения то одного, то другого, ведь мистер Андертон, судя по письму миссис Уорд от 14 июня 1851 года¹, был также чрезвычайно возбудимым.

Главной проблемой мистера Андертона был его нервический темперамент, как в умственном, так и в физическом плане, — подтверждение тому вы найдете во всех приведенных свидетельствах. Его нельзя было упрекнуть в недостатке храбрости, однако малейший пустяк мог заставить его содрогнуться; так проявлялась физическая нервозность. Что касается ментального аспекта, то мистер Андертон был чрезмерно щепетилен по поводу мнения прочих относительно его персоны. Любое бранное слово, сказанное в отношении его фамилии, коей он так гордился, лишало его душевного равновесия.

¹ См. Раздел I, № 12.

В сопроводительных документах вы найдете подтверждение этой его особенности характера.

Летом 1854 года мистер Андертон стал проявлять интерес к вопросам гипноза. Супруги провели несколько недель в Малверне, где эта наука была в особенном фаворе. Там в различных водно-оздоровительных учреждениях они познакомились с несколькими пациентами, которые решительно убеждали мистера Андертона прибегнуть ради здоровья к сеансам гипноза как самому, так и миссис Андертон.

Постоянные уговоры со стороны этих полных энтузиазма новых знакомых оказали со временем свое воздействие. Был приглашен популярный местный гипнотизер с тем, чтобы испытать свое мастерство на новых пациентах. Что касается мистера Андертона, то при виде «манипуляций», объектом которых становятся приверженцы гипноза, он впал в раздражение, удивительное даже для такой легко возбудимой натуры, — вот, собственно говоря, и весь эффект. На миссис Андертон гипнотические пассы произвели несколько иное воздействие. Возможно, по какой-либо естественной причине, в то время оставшейся без внимания, или же исключительно в силу воображения, благодаря которому получаются столь удивительные результаты, мне, право слово, трудно судить, однако, несомненно, вскоре после этих «месмерических» сеансов имело место пусть не сильно выраженное, но все же заметное улучшение ее здоровья. И это продолжалось

вплоть до отбытия гипнотизера в Германию, откуда он недавно прибыл в Англию с кратким визитом.

Будучи исключительно впечатлительной натурой, мистер Андертон проигнорировал собственный неудачный сеанс и необычайно загорелся идеей спасительности гипноза для своей супруги. Люди подобного склада особенно подвержены влиянию всякого рода шарлатанов. Он настолько уверовал в это новое лечебное средство, что предложил профессору сопровождать его в Германию, только бы миссис Андертон вновь не начала слабеть без благотворного влияния «манипуляций». Он отправился в Лондон, чтобы уладить необходимые дела, и некоторые из его друзей стали взывать к благоразумию порывистого джентльмена, ведь профессор направлялся в Дрезден, а тамошняя суровая зима может оказать роковое воздействие на хрупкое здоровье миссис Андертон.

Его консультант по медицинским вопросам, хотя и веривший в гипноз, разделял мнение товарищей Андертона. Он предлагал свое решение проблемы лечения миссис Андертон, будучи готовым представить ее «одному из самых мощных гипнотизеров Европы», — в Лондон недавно прибыл некто, известный как барон Р**.

В результате этого предложения мистер Андертон решительно изменил свои планы, отказавшись от поездки в Дрезден; что касается миссис Андертон, то она, после нескольких сеансов ощутила еще больший прилив сил, пусть даже в воображении, по срав-

нению с предыдущим гипнотическим воздействием. На обоих супругов благотворные «пассы» барона произвели столь сильное впечатление, что мистер Андертон, вознамерившись обосноваться в Лондоне на осенне-зимний период, решил арендовать меблированный дом в Ноттинг-Хилле, с тем чтобы профессор гипноза мог поселиться в непосредственной близости от своей пациентки. В этом доме «сеансы» проходили два-три раза в день, и хотя вряд ли любой здравомыслящий человек приписал бы это способностям барона, но факт остается фактом: здоровье миссис Андертон продолжало улучшаться.

Дела шли таким чередом нескольких недель, пока со стороны родственников мистера Андертона не стали появляться возражения. Не без оснований они считали, что подобный метод лечения весьма сомнителен. По всей вероятности, по этому поводу было немало разговоров, и в конечном счете природная подозрительность мистера Андертона взяла верх над вновь приобретенными пристрастиями, коль скоро теперь из-за них он становился предметом столь нелепых обсуждений. А барон тем временем вовсе не собирался так легко упускать пациентку, приносящую солидный стабильный доход. Узнав о принятом решении прекратить дальнейшие сеансы, барон тут же заявил, что его собственное присутствие при гипнотических манипуляциях вовсе не обязательно, и коль скоро они расцениваются как неуместные со стороны лица другого пола, то их легко можно проводить с помощью посредника.

Стоит однажды поддаться обману, любая другая абсурдность покажется естественной. Это было предопределено: без всякого сопротивления миссис Андертон попадала во власть посредницы — мадемуазель Розали, «ясновидящей» из свиты барона. Установив «контакт» со своей подопечной, эта особа должна была передать ей пользу от манипуляций, которым подвергалась сама.

Не буду вдаваться сейчас в детали *modus operandi* (образа действия), скажу лишь, что это был пример того, как необычная сила воображения способствовала еще более скорому выздоровлению миссис Андертон под воздействием этой новой формы лечения и удивительной взаимной «симпатии», установившейся между миссис Андертон и медиумом барона.

Мадемуазель Розали была энергичной брюнеткой, чуть ниже среднего роста, худощавая, прекрасного телосложения. Цвет лица — слегка желтоватый, глаза темные. Единственным недостатком, на который мог бы обратить внимание «знаток», были слишком широкие ступни. Возможно, это каким-то образом могло быть связано с ее прошлой профессией, но об этом несколько позднее. Эта особенность представляется для нас важной и ее следует принять во внимание. В то время мадемуазель Розали выглядела примерно на тридцать лет, но вполне вероятно, что на самом деле была моложе. Специфика ее деятельности накладывала определенный отпечаток на внешний вид. В целом же она пред-

ставляла собой полную противоположность миссис Андертон, которая тоже была худощавой, но высокого роста, очень бледной, с миниатюрными ножками и, несмотря на слабое здоровье, выглядела моложе своих лет. И вот между этими двумя очень разными особами, судя по прилагаемым письмам, возник «взаимный контакт», нечто просто необъяснимое с точки зрения обыденного разума. Миссис Андертон могла почувствовать, или это ей только казалось, приближение мадемуазель Розали еще до того, как та входила в комнату; одно лишь прикосновение руки ясновидящей приносило мгновенное облегчение. В течение нескольких недель миссис Андертон стремительно шла на поправку, она ощутила в себе незнакомый до сей поры прилив энергии.

Далее мне хотелось бы обратить ваше внимание на свидетельские показания, в частности на свидетельство мистера Мортонна. Оно представляется весьма важным, поэтому приводится без сокращений.

2. *Свидетельство Фредерика Мортонна, эскавайра,
лейтенанта Королевской артиллерии*

«Меня зовут Фредерик Джордж Мортон. В 1854 году я был лейтенантом Королевской артиллерии. 5 ноября того же года, по прибытии в Крым, получил легкое ранение в сражении при Инкермане. Это произошло еще до того, как я прибыл в расположение моей батареи. После смерти моего отца я вышел в отставку и проживаю в настоящее время

в Лидсе вместе со своей матерью. Я был старым школьным приятелем покойного мистера Уильяма Андертона, мы с ним дружили без малого пятнадцать лет. Я присутствовал на его свадьбе с мисс Боултон в августе 1851 года и с той поры часто бывал у них в гостях. Во время моей учебы в Военной академии Вулвич я проводил почти все свои увольнительные у Андертонов, а нередко и часть каникул. Отец мой всячески одобрял эту дружбу, и у них в гостях я чувствовал себя как дома. Отец был младшим партнером в одной из крупных мануфактурных фирм Лидса. В основном Андертоны жили в Лондоне, когда не уезжали за границу. Однажды я отправился вместе с ними в Висбаден. В течение 1854 года я с ними общался редко, поскольку первую половину года они были в разъезде: сначала в Илфракомбе, затем в Малверне, но 13 октября мы провели вместе. Я запомнил эту дату, так как собирался в Крым, где впоследствии был ранен. Приказ об отправке туда пришел неожиданно. Я как раз находился в доме одного из друзей — мы собирались поохотиться на фазанов — и вдруг получил предписание отправляться через сутки, с утра; я заночевал у Андертонов и на следующее утро уехал. Я должен был отправляться в числе первых, но не получилось, и было уже не до охоты. Я отправился в путь в субботу, это я запомнил, ибо на следующий день у нас состоялся торжественный молебен. Больше я Андертона не видел. Всю зиму я провел в Италии со своим ранением и разыгравшимся ревматизмом, а летом

1855 года меня отправили к отцу — он болел несколько месяцев до кончины. А после этого я не мог оставить мать одну. Мы получали только еженедельную газету, и я ничего не знал о том, что с ним произошло в течение трех или четырех дней. Мне нужно было с Уильямом незамедлительно повидаться, но было слишком поздно. Встреча не произошла вовсе не из-за какой-либо размолвки между нами, отнюдь. Мы по-прежнему оставались добрыми друзьями, я жизнь ради него готов был отдать, да и с миссис Андертон у меня были теплые, дружеские отношения. Он в ней души не чаял. Бывало, я, смеясь, говорил, что завидую ей, и они тоже смеялись. Мне не доводилось встречать столь нежно любящую пару. И я не знаю другого такого заботливого человека, как мистер Андертон, правда, очень нервного и на редкость щепетильного во всем, что касалось его семейства и фамилии. Один-единственный раз мы с ним поссорились, еще в школьные годы, когда я притворился, что сомневаюсь в его словах: ему от этого стало даже плохо. Он часто говорил, что скорее умрет, чем позволит запятнать честь фамилии, которой он очень гордился. В тот день, 13 октября 1854 года, я телеграфировал им в Ноттинг-Хилл о своем намерении поужинать и заночевать у них перед моим отъездом. Я нашел миссис Андертон в гораздо лучшем состоянии, чем когда бы то ни было ранее. Она сказала, что обязана этим барону Р**, а с тех пор как стала приходить Розали, дела пошли на поправку еще быстрее. В тот вечер она хо-

тела было отменить визит барона с тем, чтобы мы смогли спокойно побеседовать, но я этому воспротивился; к тому же мне хотелось увидеть его и Розали. Они пришли около девяти вечера. Миссис Андертон легла на софу, а Розали села рядом на стул и взяла ее за руку; барон тем временем усыплял ее своими пассами. Гипнотизировал он именно Розали. Миссис Андертон тихо возлежала на софе, в то время как Андертон и я сидели рядом в дальнем конце комнаты, поскольку, по словам барона, мы могли “помешать потоку гипнотических флюидов”. Я не знаю, что он имел в виду. Понятно, что все это выглядело абсурдно, но, похоже, Розали не притворялась. Возможно, в подобной ситуации я и сам бы заснул. По завершении сеанса миссис Андертон сообщила, что ощущает прилив сил; я не выдержал и рассмеялся. Затем Андертон отправил ее спать, а сам вместе со мной начал беседу с бароном, которая продлилась более часа. Это была моя последняя встреча с миссис Андертон, ибо я покинул их дом до того, как она проснулась. Какие-то известия о ней потом доходили до меня от ее мужа. Темой нашей тогдашней беседы был месмеризм. Лично я в него не верил, и прямо об этом заявил. Андертон вместе с бароном пытались меня переубедить. Мы курили в присутствии Розали, которая не имела ничего против. Создавалось впечатление, что она никогда не противоречила барону, но, думаю, он ей не нравился. В нашей беседе она не принимала участия. Сказала — или барон сказал, — что не говорит по-

*Миссис Андертон легла на софу, а Розали села рядом
на стул и взяла ее за руку; барон тем временем усыплял
ее своими пассами.*

английски, но я уверен, она понимала, о чем идет речь, по крайней мере, основной смысл. Я в свое время учил немецкий и то и дело обращался к ней, и она отвечала; был момент, когда она бросила взгляд на Андертона при упоминании им имени “Жюли”. При этом барон сразу успокоил ее, сказав по-немецки: “Это не твоя Жюли, дитя”. Когда Розали собралась уходить, я поинтересовался у нее, кто была эта Жюли, на что мадемуазель стала мне объяснять, что это ее лучшая подруга, танцовщица. Достаточно было одного взгляда барона, чтобы Розали умолкла. Это произошло, когда барон и Розали уже собирались уходить. А до этого она вязала крючком, мы же беседовали о месмеризме. Они хотели, чтобы я поверил в силу гипноза, и барон рассказывал всевозможные истории о чудесной “ясновидящей”. А Жюли, стало быть, была упомянута другая, не подруга Розали. Конечно, все это вызывало у меня лишь смех. Затем они принялись обсуждать людские привязанности, в частности, удивительную взаимосвязь между близнецами, и барон рассказывал еще несколько необычных историй. Я по-прежнему не верил, что вызвало заметное раздражение у Андертона, и тогда он напомнил мне о сестре его жены, близняшке, которую похитили цыгане. Барон попросил Андертона рассказать об этом поподробнее. Тот согласился, но с условием, что эта тема ни в коем случае не будет затронута вновь, поскольку домочадцы боялись напоминать миссис Андертон об этой печальной истории и ни-

когда не говорили об этом вслух. Барон проявил явный интерес и придвинул свой стул поближе между мной и Андертоном. Мы говорили тихо, и Розали, скорее всего, нас не слышала. Насколько я помню, все это показалось барону столь любопытным, что он извлек свою записную книжку и сделал там пометки — даты и кое-что другое. К датам этот человек относился с особым вниманием. Я убежден, что из этого разговора Розали не расслышала ничего, даже если предположить, что она знала английский. Во время этой беседы мы отошли к окну и находились от нее на достаточно большом расстоянии. И, повторяю, мы разговаривали тихо. Затем барон впал в задумчивость, и на какое-то время замолчал. Мы же с Андертоном вернулись к обсуждению гипноза. Он достал несколько экземпляров журнала, кажется, “Зоист”, или что-то в этом роде, желая привести какие-то доказательства. Андертон зачитал удивительную историю о том, как один человек питался вместо другого, и обратился за поддержкой к барону после того, как я выразил недоверие относительно этого феномена. Барон со всей решительностью подтвердил достоверность этих фактов. Причем, когда Андертон к нему обратился, гипнотизер вздрогнул, как если бы его оторвали от каких-то мыслей. Моему другу пришлось повторить вопрос. А в идее суррогатного питания что-то было; я думал над этим впоследствии, когда приходил в себя от ранения и горячки и хотел, чтобы кто-то вместо меня принимал лекарства. Упомянутая мной история

была опубликована в октябрьском номере журнала “Зоист” за 1854 год¹. Ну а во время той беседы, я, помнится, заметил, что этой молодой пациентке повезло, ведь тот человек мог заглотнуть что-нибудь и вредное, в ответ Андертон рассмеялся. Барон же не смеялся. Он стоял и долго молчал и выглядел довольно странно. Я подумал, что мой смех был для него оскорбительным. Андертон заговорил с бароном, и тот вдруг подпрыгнул. Я заметил, что у него погасла сигара. Мне это запомнилось, ибо барон попытался прикурить от моей, но руки у него дрожали, и в результате моя сигара тоже потухла. Барон сказал, что ему холодно и закрыл окно. Он не стал закуривать новую сигару, заметил, что уже поздно и ему пора уходить. Мы с Андертоном какое-то время еще продолжали беседовать и курить. Я убеждал моего друга покончить с этим месмеризмом, коль скоро его супруга чувствует себя хорошо. Он согласился с тем, что она уже в состоянии обходиться без этих сеансов и что через несколько недель они закончатся. Позднее, в ноябре, я узнал от него, что барон на некоторое время уехал из города. Когда я лечился в Скутари после своего ранения, я написал Андертону и предложил встретиться в Неаполе. И в декабре он вместе с супругой отправился в путь, однако из-за болезни миссис Андертон они вынуждены были остановиться в Дувре. Потом я получил

¹ Фрагмент статьи из этого журнала будет представлен далее в подборке материалов данного дела.

от него несколько писем и готов предоставить их копии, за исключением фрагментов личного характера. Я еще раз перечитал это мое свидетельство — здесь записано всё, как было. Если потребуется, я готов присягнуть в этом перед судом. Хотел бы еще от себя добавить, что наверняка бедняга Андертон не имел никакого отношения к смерти своей несчастной жены. Готов в этом поклясться».

3. Свидетельство Жюли¹

Манчестер, 3 авг. 1857

«Дорогой сэр.

В соответствии с вашими инструкциями от 11-го числа, направляю вам показания Джулии Кларк, она же Жюли, она же мисс Монтгомери и т. д., состоящей в труппе театра “Роял”, в должном порядке удостоверенные.

С совершенным почтением,

Уильям Смит».

«Я танцовщица, и зовут меня Джулия Кларк. Я выступаю под именем “Жюли”, а также под другими именами. В настоящее время я известна как “мисс Монтгомери”. Я знала девушку по имени Розали. Мы с ней были очень дружны. Работали вместе несколько лет в труппе синьора Леопольдо. Я даже

¹Были проблемы с розыском этой свидетельницы, косвенно упомянутой в показаниях мистера Мортонa; понадобилось довольно много времени, чтобы выйти на ее след.

не вспомню, как долго. Она ходила по канату за два шиллинга в неделю с содержанием. В нашей труппе ее прозвали “Маленькое Чудо”. Настоящее ее имя — Карлотта Браун. Ей было примерно десять лет, когда я присоединилась к труппе. Я о ее прошлом мало что знаю. Она и сама ничего не знала. Так она мне часто говорила. Если бы знала, рассказала бы. Она считалась племянницей старой миссис Браун, которая забирала у Лотти ее деньги и покупала себе обновы. Лотти — это Розали. Некоторые из наших дам твердили, что ее выкупили у какого-то бродяги. Конечно же я в это не верила. Они это от злости говорили. Лотти ходила по канату пять лет с тех пор, как я с ней познакомилась. Она была прекрасно сложена, только ступни очень широкие¹. Это у всех канатоходцев — работа влияет. А так — фигурка у нее была замечательная. Она была нервная. Ну, не то чтобы очень, но все же. Перед началом номера обычно дрожала. Но не от страха. Она иногда болела. Не часто. Иной раз подхватывала простуду, посидев на сырой земле, когда ей, вспотевшей после номера, надо было переодеться. С возрастом она окрепла. Иногда Лотти чувствовала себя плохо и не знала почему. У нее бывали сильные головные боли. В таких случаях от лекарств проку не было — только бренди. От головных болей бренди для нее было лучшим средством. Она себе бренди позволяла только иногда, не так, как некоторые наши дамы. Нет, алкоголем она не увлекалась.

¹ Раздел II, № 1.

И головные боли у нее были не от этого. Боль приходила и уходила. Бренди спасало ее от боли. По-моему, она только раз болела с тех пор, как покинула трупку. Она написала мне об этом в письме, оно у меня по-прежнему хранится. Это письмо без даты, но в него была вложена вырезка из газеты, не помню, за какое число, октябрь 1852 года¹. Там число было оторвано. А канат она бросила после того, как упала. Это все из-за нервов. Она не была пьяной. Не пила она. Нервы сдали. Сверху, с люстры, на нее упала капля, и Лотти испугалась, вот и все. У нее была сильно повреждена одна ступня, что-то со связками, и врачи в госпитале сказали, что больше ей по проволоке ходить нельзя. Два месяца лечилась. Когда она вышла из больницы, цирк наш накрылся. Трупку распустили, за исключением ее, меня, мистера Роджерса и еще джентльмена, исполнявшего комические номера. Мистером Роджерсом был синьор Леопольдо. Он организовал мюзик-холл. Думаю, в Ливерпуле. Пригласил двух певцов, даму и джентльмена. Каждый вечер мистер Роджерс устраивал небольшой сеанс гипноза, и объектом его была Лотти. Она на этот счет была очень смышленная. Конечно, на самом деле она не засыпала. А однажды она в середине сеанса «очнулась». Хозяин очень разозлился. Она попыталась продолжить, но лишилась чувств, и пришлось ее уносить. Она говорила, что ее отнес один господин из публики. На другой день он явился и забрал ее. Дал синьору 50 фун-

¹ Раздел II, № 1.

тов. Это был барон Р** — мне Лотти объяснила. Она мне писала несколько раз. У меня ее письма хранятся, только они по краям потертые. Это оттого, что я их у себя в кармане носила. Не думаю, что она ушла от барона, хотя — кто знает? Последнее письмо от нее, что я получила, было отправлено из его дома. Это было на первой неделе ноября 1854 года, оно ко мне в Плимут пришло. Я там всего неделю пробыла, а потом в Дублин отправилась, в представлении участвовать. Она сообщала, что собирается замуж, но пока не должна мне называть имя жениха. С тех пор от нее нет вестей. Я ей писала несколько раз, но мои письма обратно возвращались. Понятия не имею, за кого она вышла. Не мог это быть барон, он ей очень не нравился. Она с ним оставалась потому, что он платил хорошо. Может, по этой причине, а может, потому, что не могла ему противиться. Она говорила, барон ее действительно гипнотизировал, и она могла видеть во сне. Как жена она с бароном не жила, только как медиум, иначе она бы мне рассказала. Я в этом вполне уверена. Не сомневаюсь я в том, что между ней и бароном не было никаких иных отношений. Конечно, я не могу поклясться, что она за него замуж не выходила, но это вряд ли. С какой стати, если он был ей так неприятен? Всё это правда. А синьор Леопольдо, я думаю, сейчас где-нибудь за границей.

(Подпись)

Джулия Клафк, она же Жюли.

Зачитано и подписано свидетельницей в присутствии Уильяма Бертон, мирового судьи.

2 августа 1857».

4. Свидетельство Леопольдо

Н. В. Данные показания были получены с определенными трудностями, лишь после твердого обещания исключить всякую возможность судебного разбирательства с учетом взаимоотношений свидетеля с девицей Розали, она же Анжелина Фитц Юсташ, она же «Маленькое Чудо», она же Карлотта Браун. В показаниях зафиксировано следующее:

«Синьор Леопольдо, трагик и проч., и проч., и проч., свидетельствует свое почтение Р. Хендерсону, эсквайру, и исходя из верности утверждения “что сделано, то сделано”, имеет честь предоставить необходимую информацию, уповая на то, что данные ему обещания будут сдержаны, и ожидания на сей предмет оправдаются, что “не используют во зло мою простую правду”.

Сэр, ваш покорный слуга

(Подпись)

Томас Роджерс.

«Показания синьора Леопольдо, трагика; профессора фехтования и ораторского искусства; наездника, гимнаста и канатоходца; владельца и управляющего Большого Олимпийского цирка и проч., и проч., и проч.

Я, синьор Леопольдо, трагик и проч., и проч., и проч., настоящим свидетельствую и заявляю, что девица по имени Карлотта Браун, более известная всем как Маленькое Чудо, поступила в мою

прославленную труппу “Олимпиаан” в июле месяце 1837 года, в Льюесе, графство Сассекс, где наш прославленный цирк в то время весьма успешно гастролировал. И настоящим я желаю присягнуть и засвидетельствовать тот факт, что я, означенный синьор Леопольдо, трагик и проч., и проч., и проч. совершил выплату суммы в пять фунтов некоему лицу или лицам, претендующим на родительские права в отношении означенной Карлотты Браун, известной как Маленькое Чудо и поступившей ко мне на службу. Вышеупомянутые лица являлись выходцами племени, или племен, известных как цыгане или египтяне. Желаю также присягнуть и засвидетельствовать, что я, синьор Леопольдо, трагик и проч., и проч., и проч. не могу утверждать, была ли означенная Карлотта Браун, известная как Маленькое Чудо, в самом деле дочерью лица или лиц — цыганки или цыган, упомянутых мною выше, а также то, что имя ее действительно Карлотта Браун, равно как и прочие зафиксированные и засвидетельствованные детали. Знаю лишь, что на ее белье имелись инициалы К. Б., что позволяет говорить об их соответствии имени Карлотта Браун.

Заверено и скреплено печатью четвертого дня января месяца года одна тысяча восемьсот пятьдесят восьмого от Рождества Христова.

(Подпись)

Томас Роджерс».

5. *Свидетельство Эдварда Морриса, клерка Отдела завещаний в «Докторс Коммонс»*

«Меня зовут Эдвард Моррис, я работаю клерком в “Докторс Коммонс”. Моя обязанность состоит в том, чтобы помогать клиентам найти нужное им завещание из числа тех, что хранятся в нашей конторе. 14 октября 1854 года к нам явился барон Р**, его интересовали несколько завещаний. Одним из этих документов было завещание мистера Уилсона, копия которого прилагается. Этот документ мне запомнился особенно, поскольку из-за него у меня возник конфликт с бароном. Последний желал сделать копии некоторых фрагментов этого завещания, на что я заметил, что это не разрешается — можно лишь зафиксировать дату и имена душеприказчиков. Барон продолжал настаивать, и я сказал ему, что мне необходимо доложить об этой ситуации. Он засмеялся, сказав, что не видит в этом необходимости. Барон похлопал себя по лбу и заметил, что может сделать для себя пометки здесь, на месте. Он перечитал интересующее его завещание два или три раза, а затем вернул его мне. “А теперь смотрите, друг мой”, — он вновь рассмеялся и предложил мне следить по тексту, зачитывая наизусть несколько страниц из интересующего его документа. Не переставая смеяться, он поинтересовался, можно ли теперь сделать копию. Мой ответ был отрицательным, а барон, то и дело посмеиваясь, стал делать пометки в своей запис-

ной книжке. Я был раздражен; отчасти из-за его смеха, отчасти потому, что я тратил на него свое время и не мог отлучиться. Впереди у меня был недельный отпуск — я собирался на остров Уайт навестить свою тетушку. В тот вечер я намерен был уехать, так как следующий день был моим днем рождения. Из-за барона я опоздал на поезд, а поскольку следующий день был воскресеньем, я попадал туда только вечером. Вот почему я запомнил эту дату. По поводу года у меня тоже нет сомнений: тетушка моя уехала на остров Уайт в ноябре, а скончалась она весной 1855 года. Я совершенно уверен, что это был барон. Я узнал бы его всюду. Он человек невысокий, плотного телосложения, краснолицый, со светлыми волосами рыжеватого оттенка. У него большие жирные ручки, белые и холеные, и огромная голова. Одет он был во все черное, носил крупные очки с голубоватыми стеклами. Полагаю, вовсе не по причине слабого зрения. Мне запомнилось, что, когда он снял эти очки, я был поражен его взглядом. Мне трудно описать его на редкость необычные глаза — огромные и пронзительно-яркие. Не могу утверждать с уверенностью, какого они цвета, я не очень всматривался, но, пожалуй, глаза у него были очень темные, почти черные. Кроме того, что его взгляд вызывает чувство дискомфорта, ничего прибавить на сей предмет не могу. В тот день, когда я спросил его имя, я вспомнил, что видел его прежде, на сеансе гипноза».

6. *Служебная записка мистера Хендерсона*

Прилагаю выдержку из упомянутого завещания.

«Мистер Уилсон (компания «Прайс & Уилсон», Калькутта), скончавшийся в 1825 году, завещает сумму в размере 25 375 фунтов — три процента консолидированной ренты — своей племяннице Гертруде Боултон, именуемой в дальнейшем “леди Боултон”, и ее детям, если таковые будут, или же наследникам по прямой, мужского или женского пола. В случае отсутствия таковых означенная сумма поступает в распоряжение опекунов, назначенных верховным губернатором Индии из числа ведущих коммерсантов Калькутты, с целью основания на определенных условиях фонда для детей тех, кто не в состоянии отправить их обратно в Англию.

Согласно данному завещанию, в случае смерти какой-либо наследницы женского пола, пребывающей в статусе замужней женщины, муж оной получает пожизненное право на эту собственность».

РАЗДЕЛ III

1. *Выдержки из дневника миссис Андертон*

13 августа 1854 года. Итак, мы наконец обосновались в Ноттинг-Хилле. Джейн над нами посмеивается: мы переехали в город тогда, когда все стремятся уехать из него. Но, на мой взгляд, — и я уверена, что мой милый Уильям со мною согласится, — для нас наступило удивительно приятное время. Бедный Уилли, его все больше задевают эти обвинения со всех сторон. Как его встревожили досужие толки касательно нашей поездки в Дрезден. Завтра ждем нового профессора. Интересно, что он из себя представляет?

14 августа. Вот он какой — новый профессор! Я пребываю в немалом изумлении. Этот невысокий крепыш и есть самый могущественный гипнотизер в Европе! Но все же в нем действительно ощущается мощь; он еще и не начал производить свои гипнотические пассы, как я ощутила жар во всем теле. В нем есть нечто такое, что при ближайшем рассмотрении повергает меня в недоумение. Он явно не такой простой, как кажется, хотя мне пока до конца не ясно — в чем же его загадка?

25 августа. Я вполне довольна. Как только я могла допустить мысль, что барон — обыкновенный! Хотя на первый взгляд внешность его говорит об обратном. Не хотела бы я испортить отношения с такой личностью... Полагаю, он не стал бы испытывать угрызений совести, убив своего обидчика или того, кто стал бы у него на пути. С какой невозмутимостью он разглагольствовал об этих ужасающих экспериментах, проводимых в медицинских учебных заведениях, о тех мучениях, которым подвергаются многострадальные пациенты в больницах. А мой Уилли склонен считать, что все это пустяки, все доктора рассуждают подобным образом, но я чувствую, что этот барон не такой, как прочие представители медицины. Но все же, он влияет на меня благотворно.

1 сентября. Мое состояние продолжает улучшаться, хотя я не могу преодолеть странное чувство по отношению к барону. Несомненно, он человек неординарный. Все кругом замирает от одного лишь его прикосновения; он полностью игнорирует всё, что его окружает. Сегодня утром, когда он пришел, я находилась подле окна. Увидев его, я испытала страх, который трудно было скрыть. Однако мне можно было не беспокоиться понапрасну. Сей джентльмен тихо вошел к нам, а вот там, посередине дороги, вдруг дернулась бедная лошадь. Неужели она могла встретиться взглядом с его невероятными зелеными глазами — иначе, отчего же она так испугалась? Поймать его взгляд непросто; но если все же это

происходит!.. Как бы там ни было, этот человек оказывает на меня благотворное воздействие.

11 сентября. Итак, решено. Отныне барон не будет непосредственно со мной заниматься гипнозом. Огорчает это меня или радует? Во всяком случае, я надеюсь, что теперь моему бедному Уильяму перестанут докучать.

13 сентября. Первый день с мадемуазель Розали. Она производит впечатление довольно милой особы. Но несколько странно лежать на софе, когда другой подвергается воздействию гипноза.

15 сентября. Этот новый план начинает для меня проясняться. Полагаю, теперь я ощущаю гипнотическое воздействие еще сильнее, чем прежде, когда я непосредственно находилась под гипнозом. Отныне я испытываю ощущения исключительно приятного характера, никакого дискомфорта. Это *так* восхитительно. Сегодня я просмотрела мои малвернские записи. Удивительно, поначалу мне не понравилась идея, а теперь я без этого жить не могу.

29 сентября. Думаю, что вскоре мы сможем полностью обойтись без барона. Уверена, что мы с Розали сами замечательно справимся. До чего же это удивительная вещь — гипноз! Подумать только, лишь прикосновение руки другого человека способно умирить вашу боль, прибавить вам сил и здоровья. Поистине, если бы я ранее не вела дневник, мне непременно следовало бы делать это теперь, дабы запечатлеть чудодейственное воздействие этого необычайного вида терапии. Сегодня утром

я проснулась с тяжелой головой. Мне не хотелось завтракать; резь в глазах, редкий пульс. Бедный Уильям этим был серьезно обеспокоен, и вот входят миниатюрная Розали и барон. Молодая дама кладет мне свою маленькую, сухонькую лапку (чем-то схожую с обезьяньей) на лоб, гипнотизер совершает несколько пассов, и... Головной боли как не бывало, и я велю подать себе какао с тостами.

30 сентября. Пустой день. С утра снова болела голова, и я сидела в ожидании моего маленького смуглого «доброго ангела», когда появился барон, заявив, что Розали сегодня прийти не сможет. Она провела всю ночь с одной умирающей дамой и теперь настолько утомлена, что может, сама того не желая, навредить мне, а не помочь. Бедная девушка, я уверена, она не может быть переутомлена сильнее, чем я. Бесспорно, оказание помощи страждущим должно доставлять ей радость, но какой же дорогой ценой это дается!

1 октября. Розали снова здесь. Головная боль прошла. И вновь все чудесно, как этот осенний солнечный свет за окном. Меня все больше радует эта девушка. Как жаль, что она говорит только по-немецки...

4 октября. Просто удивительно, насколько эта бедная девушка, Розали, овладела моим воображением. Она уже стала сниться мне по ночам.

6 октября. С утра опять болит голова, и записка, что Розали сегодня не придет. Какое досадное совпадение...

12 октября. Кажется, я начинаю понимать, когда бедная Розали не в состоянии придти ко мне по причине своего переутомления. Сегодня снова болит голова и появилось предчувствие, что Розали не сможет прийти...

20 октября¹. Итак, барон собирается нас покинуть. Что же, я в самом деле рада такому повороту событий, теперь мы с ним благополучно расстанемся. Сегодня у нас снова в гостях Джейн Морган. Конечно, разговоры о благотворном воздействии гипноза вызывают у нее смех. При этом она не может отрицать факт значительного улучшения моего здоровья; в самом деле, если только не принимать в расчет эти изматывающие головные боли, возникающие всякий раз, когда бедная Розали переутомлена и не в состоянии мне помочь, в остальном я чувствую себя вполне бодро и уверенно.

31 октября. Что-то явно не так между бедной Розали и бароном. У нее заплаканный вид. Такое чувство, видимо, из сострадания, словно это я только что плакала. Сегодняшний эффект от гипнотического сеанса весьма незначительный. Должно быть, мне в какой-то степени передалось угнетенное состояние Розали. До чего же досадно, что она не говорит по-английски, а я не знаю немецкого. Если бы только я могла выяснить, что с ней происходит. Возможно, после отъезда барона она лишится своей работы. Не забыть спросить у него завтра, так ли это?

¹ Сравни: Раздел II, 2 и 5.

1 ноября. Нет, он сказал, что обязательно возьмет ее с собой в Германию и надеется, что это «сможет оказать благотворное влияние». Что он имеет в виду? По его словам, Розали чувствует себя вполне сносно, но при этом барон делает какие-то таинственные намеки на некие проблемы у мадемуазель. Как жаль, что я не говорю по-немецки.

3 ноября. По-прежнему эта напряженность в отношениях между бароном и Розали. Несомненно, что-то не так, и она хотела бы это со мной обсудить, но боится барона. Он нас с ней никогда не оставляет наедине, что кажется мне странным. Не забыть попросить завтра Уильяма на какое-то время отвлечь барона, хотя я и не знаю, какой от этого будет прок, коль скоро мы с ней не в состоянии объясниться.

4 ноября. Что за день сегодня выдался! Я довольно сильно утомлена от пережитого, но все же не могу себе позволить лечь спать, пока не запишу все, что считаю необходимым. Начну с того, что сегодня был последний визит Розали. По крайней мере до тех пор, пока они не вернутся обратно с континента, мы вряд ли увидимся. Мне кажется, что Уильям не так уж и огорчен ее отъездом. Милый Уильям! Для меня очевидно, что он испытывает определенную ревность в связи с моей чрезвычайной привязанностью к Розали. В самом деле, это более чем странно: меня так сильно влечет к женщине совершенно иного социального положения. К тому же, мне о ней почти ничего не известно. Полагаю, все дело в гипнозе — очень таинственная вещь. Коль скоро

это так, как хорошо, что подобного влияния на меня не оказывает барон собственной персоной. Ах, теперь я начинаю понимать все эти возражения, что казались мне глупыми три или четыре месяца тому назад, до появления Розали. И все же, невзирая на гипноз или что бы там ни было, не думаю, что кому-то стоит опасаться чрезмерной симпатии к барону. Я вполне могу понять тех, кому он внушает страх. Определенно, Розали его боится и, по правде говоря, я тоже немного. В противном случае я бы не потерпела сегодня такого поражения. Нынче был мой последний «сеанс» с участием Розали, и я твердо решила не допустить вмешательства барона в мое общение с ней — я должна была понять, что же происходит. Барон и Розали явились, как обычно, в два часа пополудни. Мне было ясно: нельзя упускать такую возможность, и я попросила моего дорогого Уильяма затаиться в своем кабинете и окликнуть барона, когда тот будет проходить мимо. Я рассчитывала, что Розали станет подниматься по лестнице одна. Но тщетно, барон неотступно следовал рядом с ней, он прикрывал своей массивной фигурой доступ к лестнице. Таким образом, у Розали не было возможности взойти вверх по ступенькам без него. И тогда я — это решение показалось мне правильным — поднялась на верхнюю площадку лестницы и позвала Розали к себе, наверх. Услышав это, барон незамедлительно прервал общение с моим бедным Уильямом и решительно устремился вверх по ступеням, опережая свою спутницу. Это было *столь* вызы-

вающе, что я с трудом сдержалась. Барон спешил, и мы немедленно приступили к сеансу. По окончании и я, и Розали пытались втянуть их в беседу; я подавала Уильяму знаки с тем, чтобы он каким-то образом отвлек барона. Джейн Морган специально ради этого случая научила меня короткой фразе на немецком, всего два слова, и я повторяла ее про себя снова и снова. Беспокойство мое продолжало нарастать. Уверена, что Розали догадывалась о моих намерениях, у нее был встревоженный вид; мои же нервы были просто на пределе. Но вот барон заявил, что им пора уходить, и они оба встали, намереваясь покинуть наш дом. Уильям готов был отказаться от моей затеи, но, по его словам, я смотрела на него с такой мольбой, что он предпринял еще одну попытку отвлечь внимание барона и попросил его проследовать в кабинет для короткой личной консультации. Он отказался, сославшись на отсутствие времени, при этом добавил, что готов проконсультировать прямо здесь, на месте. Тогда Уильям предложил нам с Розали пройти в соседнюю комнату, барон и это не разрешил. Он заметил, посмеиваясь, что не может в данном случае доверять дамской пунктуальности. Розали может присутствовать при разговоре, все равно она не поймет ни слова. Безусловно, это меня не устраивало, и вот тогда Уильям проявил поразившую меня сообразительность и решимость: он попросту взял барона за лацкан и увлек его в дверной проем, не переставая при этом что-то с жаром нашептывать. Со стороны мужа

это была своего рода военная хитрость; сердце мое забилося еще сильнее, и вот я произнесла эти два слова: «Gibst' was?». На лице Розали явственно отразилось беспокойство, видимо, она была изумлена тем, что я обратилась к ней на немецком языке. Мое же изумление было не меньшим, когда в ответ она заговорила по-английски, с легким акцентом, но все же вполне сносно: «Сделайте вид, что не слушаете. Дело в том, что я...». Внезапно она замолкла, кровь отлила от ее лица; мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я подняла глаза и увидела пристальный взгляд барона. Бедняжка Розали была в страхе; признаться, мне также было не по себе. Так или иначе, больше мы с ней не обмолвились ни словом. В то же мгновение барон буквально оттолкнул от себя моего бедного Уильяма, и они удалились. Вот так оборвалась история моей привязанности к Розали. Я просто уверена — здесь что-то кроется. В самом деле, если она не собиралась поведать мне ничего особенно важного, чего ради ей понадобилось выучить несколько английских слов? Впрочем, не должна же я всю ночь над этим размышлять, стоит ли, право слово. Ведь на часах уж полночь.

6 ноября. Как странно! Определенно существует какая-то тайна касательно Розали и барона. Я уверена, что видела их вместе в кэбе сегодня утром, тогда как они планировали переправиться на континент в ночь с субботы на воскресенье и, соответственно, быть в Париже вчера. Получается, они опоздали? В любом случае, за полтора часа вполне можно до-

браться до Лондонского моста. Если же барон все же опоздал на поезд, он вполне мог посетить нас вчера. Из всего этого следует, что он вместе с Розали уехал сегодня утром. Весьма странно...

7 ноября. Есть ли у кого-либо другой такой супруг, как у меня? Полагаю, вчера он переживал по поводу того, что мое лечение гипнозом прервалось. Тревожилась ли из-за этого я? Как я могла, коль скоро он со мной, мой дорогой муж. Дабы развеять всяческое беспокойство, по инициативе Уильяма мы отправились в «Хеймаркет», там давали «Любопытного», выступали также танцоры из Испании. Право слово, давно я так не смеялась. Я не в восторге от этих буйных танцев, так что мы ушли сразу по окончании короткого фарса «Как вносить арендную плату». Мы с Уильямом славно повеселились, особенно нас позабавили веселые безумства этой маленькой обезьянки по имени Кларк. Райт в «Любопытном» также был бесподобен. Милый Уильям, с его стороны это было так мило, такая чудная затея!

5 декабря. Мы вновь собрались в театр, и вдруг это известие о болезни бедного мистера Мортонна. Мой дорогой Уильям, как он добр ко всем. И как целеустремлен. Если затронуты его честь или же душевные струны, едва кто-то другой способен действовать столь же решительно и быстро. Когда поступило упомянутое мною известие, мы собирались выходить из дому, а уже на следующее утро мы были на пути в Неаполь, дабы осуществить необходимый уход за бедным мистером Мортонном.

6 декабря. Никто не может сравниться с моим Уилли. После всей этой суеты, связанной со сборами в дорогу, он, заботясь обо мне, принял решение переждать бурную погоду и повременить с морской переправой на континент. Поскольку Уилли терпеть не может всей этой гостиничной толкотни и я тоже, мы сняли пару уютных комнат. Мы пробудем здесь, пока погода не изменится к лучшему.

9 декабря. Мы по-прежнему здесь. За последние три часа ветер поутих, и мы надеемся, что уже завтра сможем пересечь пролив. Дорогой Уильям пребывает в беспокойстве; я убедила его взять меня на лекцию. Между тем ветер прекратился, и мы стали собираться в путь. Двенадцать часов! Я слышу, как Уильям зовет меня. Я *должна* сделать запись о мистере... Силы Небесные! Что происходит? Я чувствую себя такой больной... я просто —

2. Свидетельство доктора Ватсона

«Меня зовут Джеймс Ватсон, я врач с тридцатилетним стажем. В 1854 году я практиковал в Дувре. 9 декабря того же года ко мне обратились за срочной помощью, необходимой некой миссис Андертон. Ей стало плохо внезапно, сразу по возвращении с лекции в Таун-Холле. Она посетила это мероприятие вместе со своим мужем. За мной послали прислугу, работавшую в меблированных комнатах, где проживала эта супружеская пара. По дороге служанка сообщила мне, что “леди при смерти, а бедный джентльмен в полном смятении”. По прибытии

на место я увидел мистера Андертона, поддерживавшего под руки свою жену. Он был возбужден и кричал: “Бога ради, поторопитесь. Мне кажется, у нее холера!”

[N. В. Далее в показаниях доктора Ватсона речь идет исключительно о симптомах болезни миссис Андертон, что может представлять интерес исключительно для представителей медицины, рядовому читателю они покажутся утомительными. Таким образом, этот абзац можно опустить; укажем только, что симптомы были аналогичны тем, что развиваются при отравлении сурьмой.]

Миссис Андертон лежала на софе в своей туалетной комнате, полураздетая, и была укрыта двумя или тремя одеялами; видимо, ее лихорадило. В комнате было тепло, но, несмотря на это и на одеяла, ладони и ступни моей пациентки были холодны. Я осведомился у мистера Андертона, отчего его супруга не в постели, на что он ответил, что с ней случился ужасный приступ рвоты, буквально в одно мгновение, им не удалось перенести ее. Практически сразу после моего прибытия приступ повторился, хотя было очевидно, что желудок пациентки практически пуст. Приступы продолжались в течение примерно часа. У больной были налицо признаки спутанного сознания, она страдала от желудочной колики, конечности ее судорожно подергивались. Я незамедлительно распорядился доставить из моего дома переносную ванну, которой пользовалась моя жена, и поместил туда миссис Андертон. Температура воды составляла примерно 36 °С. Я заблаговремен-

По прибытии на место я увидел мистера Андертона, поддерживавшего под руки свою жену.. Миссис Андертон лежала на софе в своей туалетной комнате, полураздетая, и была укрыта двумя или тремя одеялами; видимо, ее лихорадило.

но растворил в воде три четверти фунта горчицы. Затем я отмерил тридцать капель опийной настойки в бокал, наполненный горячей водой с бренди. В тот момент я не проверял интенсивность болезненных симптомов, проявлявшихся непрерывно; они сопровождались резкими болями и выраженным набуханием надчревной области — эпигастрия. Дополнительная порция опиума не дала желаемого эффекта, не помогла также и комбинация синильной кислоты с креозотом. Пациентку извлекли из теплой ванны и с осторожностью уложили в постель. Вскоре после этого у миссис Андертон началось обильное потоотделение, и она продолжала страдать от мучительных спазмов.

[Повествование здесь возобновляется].

У меня появились опасения: очевидно, моя пациентка отравлена каким-то вредоносным веществом, тем более что все произошло совершенно внезапно, и до этого злополучного момента она чувствовала себя отменно. В этой связи я счел нужным предпринять тщательное обследование на предмет выявления в организме мышьяка и, при содействии мистера Андертона, досконально разузнал, имелись ли в доме какие-либо препараты, содержащие это или другое токсичное вещество, однако ничего похожего обнаружено не было. На тот момент в ходе моей проверки я не выявил ничего такого, что могло бы подтвердить мои подозрения. Проанализировав ситуацию, я пришел к следующему выводу: возможность преднамеренного отравления полностью

исключалась. В супружеской преданности мистера Андертона сомневаться не приходилось; что же касается здешних домочадцев, то никто из них не был знаком прежде с моей пациенткой. Помимо всего прочего, необходимо принять во внимание и период времени, прошедший с момента последнего принятия пищи и до начала острого приступа. Миссис Андертон отужинала в шесть часов, а приступ случился в полночь. За это время она съела лишь одно печенье и выпила несколько глотков шерри, разбавленного водой. Я обнаружил бокал с остатками этого напитка на столике в ее будуаре. Я передал это, равно как и остатки печенья, на профессиональный лабораторный анализ. Ничего подозрительного выявлено не было. Я склоняюсь к мнению, что эти болезненные симптомы стали следствием некой естественной, хотя и не установленной причины. Возможно, это результат внезапного переохлаждения организма от ночного воздуха после тепла хорошо прогретого помещения. Правда, следует отметить тот факт, что миссис Андертон никогда не жаловалась на холод во время длительного переезда домой. К тому же этот приступ случился с ней тогда, когда она, уютно устроившись в своей комнатке, делала привычные дневниковые записи. А вот еще одно подозрительное обстоятельство: впоследствии моя пациентка упоминала о выраженном металлическом привкусе во рту. Подобного рода симптом встречается — вкпе с прочими, упомянутыми мною выше, — в результате отравления

сурьмой, содержащейся в так называемом рвотном камне. Однако это средство ей никогда не назначали, и она не могла его принять самостоятельно по ошибке. По просьбе мистера Андертона, тем не менее, я представил ему ряд средств, традиционно применяемых в подобных случаях: портвейн, отвар из коры дуба и проч., правда, все они были в равной степени малоэффективны. Ввиду крайне острой формы отравления любые доступные лечебные средства не могли дать желаемого результата — организм пациентки практически сразу их отторгал. Таким образом, я решил отказаться от применения сильнодействующих доз, к которым прибегал прежде, равно как и от каких-либо медицинских препаратов. С учетом острого раздражения надчревной области — эпигастрия — я счел нужным ограничиться методами лечения, приносящими, исходя из моего практического опыта, терапевтический эффект, в частности периодический прием содового раствора по чайной ложке. Насколько мне помнится, это не раз оказывало благотворное воздействие на моих пациентов. В случае с миссис Андертон этот метод также сработал; примерно час спустя после его применения фаза острого приступа миновала. К полудню следующего дня заболевание приняло выраженную форму гастроэнтерита, и я продолжил лечение моей пациентки, используя апробированную в таких случаях методику. Вопреки моим предположениям, симптомы вышеупомянутого недуга также вскоре утихли. При этом миссис Андертон

пребывала в состоянии крайнего изнеможения; по ночам она страдала от обильного потоотделения. На этой стадии я предложил ей прием тонизирующих средств и, с известной долей осторожности, назначил укрепляющую диету. Как результат, состояние пациентки стало стабильно улучшаться, хотя потливость по-прежнему оставалась повышенной. По моей рекомендации чета Андертонов в апреле 1855 года покинула Дувр. С тех пор я миссис Андертон не встречал. По моему суждению, единственной причиной этого острого приступа могло быть переохлаждение; подобная гипотеза базируется исключительно на том, что никакой иной причины попросту быть не может».

3. Выдержки из дневника миссис Андертон.

Продолжение

20 января, 1855 года. И вот он снова со мной, мой старый коричневый дружок¹. Милая старая вещица, до чего она радует глаз! На сегодня — совсем чуть-чуть, просто пару слов, не более. Всего лишь проба пера.

25 января. День рождения моего дражайшего супруга. Хвала Создателю, я снова могу сидеть рядом с моим Уильямом. Как же он был заботлив ко мне в течение этих изнурительных недель, когда я пребывала в сильнейшем смятении. Отчего страдания

¹Предположительно, речь идет о дневнике в переплете из коричневой русской кожи.

ожесточают людей? Видит бог, я действительно страдала. В ту ужасную ночь я потеряла всякую надежду остаться в живых. Самым же страшным для меня был этот чудовищный, омерзительный привкус свинца. Слава богу, теперь мне легче, но я все еще *очень* слаба. Лишь несколько строк в дневнике и уже я ощущаю усталость...

12 февраля. Где мне взять сил! Сегодня мы с моим дорогим Уильямом впервые вышли на прогулку вдоль пирса. Мы еще не добрались до его конца, когда вдруг я почувствовала себя крайне утомленной и была вынуждена присесть. Тем временем бедный Уильям отправился за стулом, чтобы доставить меня домой.

13 февраля. Сегодня я испытала настоящее потрясение. Я беседовала с доктором Ватсоном. Речь шла о моем вчерашнем внезапном переутомлении, об ослабленном состоянии моего организма, о моей болезни. И вот доктор делает неожиданное заявление: по его мнению, — так ему показалось во время первого визита, — меня кто-то отравил. Я внутренне содрогнулась; д-р Ватсон постарался сменить тему разговора. Однако я уже не могла говорить ни о чем другом и возвращалась к этому предмету вновь и вновь. Я изо всех сил пыталась понять: кто же мог быть заинтересован в том, чтобы меня отравить? Разговор шел своим чередом; внезапно доктор высказал свои опасения вслух: это мог быть Уильям! Мой Уильям, драгоценный мой супруг! О, у меня перехватило дыхание от одной лишь мысли. Сейчас

я уже не вспомню, что именно я сказала по этому поводу — совсем немного. А бедный Уильям попробовал обратить все это в шутку и изрек: «Кому еще это может быть выгодно? Что он получил бы? — жалкие 25 000 фунтов. А помимо него, есть лишь благотворительные фонды в Индии, но им зачем это делать, они ведь перестанут существовать, если нас не будет». Я заметила, как он ухватился за эту идею. Мне показалось, что кровь вскипает в моих жилах. А затем этот доктор, — о, как я буду счастлива, когда мы сможем избавиться от его присутствия, — постарался меня убедить в обратном, он вовсе не это имел в виду. «В самом деле, мадам, не стоит об этом задумываться, понимаю, что это, конечно же, невозможно...» и далее в том же духе. В конце концов, не в силах более сдерживать себя, я дала волю слезам и выбежала из комнаты. При одной мысли о моем бедном Уилли я готова разрыдаться вновь. Нет, определенно, на сегодня хватит, больше никаких записей.

15 февраля. Вчера я ничего не записывала в своем дневнике. Не представляю, что может выйти из-под моего пера. Мой бедный Уилли, хотя он и пытался отнестись ко всей этой ситуации с юмором, я ясно видела, как он переживал по поводу этого обвинения. Бог мой, ведь если этот негодный человек обвинил бы моего мужа всерьез, это его бы просто убило. Я знаю точно, Уильям скорее умер бы тысячу раз подряд... Но полно, хватит об этом. Благодарю, Господи, мы скоро покинем это место.

7 апреля. Мы снова дома, хвала Небесам! Но до чего же медленно, очень медленно идет мое выздоровление. Когда же восстановятся силы и я стану такой, как до этой ужасной ночи в Дувре?

3 мая. Итак, мы покидаем Англию на время и отправляемся в Германию на воды. Признаться, я этому рада. А сердце мое — сама не знаю отчего — полно нежности к нашему домику, такому милому, такому уютному. Это чувство схоже с моей сердечной привязанностью к Розали. Бедняжка Розали! Кто знает, где она теперь, да и вернется ли когда-нибудь в наши края. Она мне смогла бы помочь; я размышляю над этим постоянно. Все же, несмотря на теплые чувства, которые я испытываю по отношению к нашему дому, я была бы не прочь на какое-то время его покинуть. Хотелось бы знать, как на меня повлияет смена обстановки. Как бы я хотела избавиться от этой ужасающей испарины по ночам. Это ужасно подтачивает мои силы, и я становлюсь совсем слабой и жалкой. Ах, я бы все отдала, лишь бы вновь воспрянуть духом и телом, позабыть о том, что было.

7 июля. Целы и невредимы в Баден-Бадене. Для большинства курортников из Англии здесь еще не сезон. Тут просто чудесно; я уже чувствую себя значительно лучше.

11 сентября. Я вполне в добром здравии. Сегодня, мирно беседуя с моим милым Уилли, мы вспомнили этого глупца доктора Ватсона. Я впервые заговорила с мужем на эту тему с тех пор, как он столь бо-

лезненно отреагировал на предположение доктора. Право, мне следовало бы сдерживать свои эмоции. Как выяснилось сегодня, бедолага доктор допустил грубую профессиональную ошибку на новом месте, куда он отправился практиковать. Результатом этого просчета стала смерть одной пожилой дамы, и теперь д-р Ватсон не сможет продолжать работать в качестве лечащего врача. Вот почему, узнав эту новость, мы с Уильямом вспомнили его рассуждения о моем отравлении. О, сколь отрадно было для меня видеть моего Уильяма вновь спокойным и уравновешенным во время нашей сегодняшней беседы. Он смог преодолеть свою былую нервозность по поводу гипотезы доктора Ватсона. Беседовали мы довольно долго; в итоге мой муж дал мне обещание впредь ни с кем более не обсуждать эту тему.

10 октября. Вот мы и вернулись наконец в наш милый домик. Я вновь чувствую себя бодрой и окрепшей, как в прошлом году в это же время. А мой дорогой Уильям, он так счастлив. Мне кажется, гроза миновала. Это не должно повториться вновь, уповаю на Господа нашего.

30 октября. Сегодняшний день был полон событий. Все утро мы провели на выставке в Хрустальном дворце, а как только вернулись, к нам явился не кто иной, как барон Р** собственной персоной! Мы не виделись с ним почти год, и он ничуть не изменился. Не думаю, что этот низкорослый, широкоплечий человек с непроницаемым розовым лицом, крупными белыми руками, удивительно огромными

зелеными глазами (взгляд его поймать непросто, а уж если вам это удастся, то непременно возникнет желание отвести глаза) вообще способен когда-либо измениться. Боюсь, я была с ним не слишком любезна, а мне следовало бы, ведь барон столько сделал для меня. Однако же теперь, когда я с ним вновь повстречалась, у меня все похолодело внутри. Мой дорогой Уильям это заметил и спросил, здорова ли я. В ответ я рассмеялась и сказала: «Все хорошо, просто кто-то прошел по моей могиле». Я заметила, как на мгновение губы барона побелели, и я встрети-лась с ним взглядом; казалось, эти ужасные глаза пронизывали меня насквозь. Все это было действительно молниеносно, и вот уже наш визитер заговорил выразительно и спокойно, как если бы ничто его не потревожило. Итак, Розали исчезла. В этом нет сомнений, но что же с ней произошло, не представляю. Могу предположить, что бедная девушка очень необдуманно вышла замуж. Не исключено, что именно по этой причине они в прошлом году уехали вдвоем. Надобно признать, что барон намекал на что-то более зловещее, однако открыто объяснить он не пожелал. Сомневаюсь, что кто-либо в силах принудить этого человека сказать более, чем он сам того пожелает. Бедная Розали, надеюсь, она не попала в беду.

1 ноября. Еще один визит барона. Он зашел к нам попрощаться перед тем, как отбыть... к своей супруге! Как странно, что до сей поры мы не знали о ее существовании. Я не могу взять в толк: женился ли

он после отъезда из этих мест в прошлом году, или же давно был женат? Поистине, это таинственная личность, и сейчас ему доставляет особое наслаждение изъясняться загадками. При этом сам барон не удовлетворился скудной информацией с нашей стороны. Я полагала, что он ни за что не станет выпытывать у меня и моего бедного Уильяма подробности, касающиеся моего недуга. В конце концов именно я, а не мой муж, поведала барону о нелепом предположении этого доктора Ватсона. Пожалуй, я не сожалею об этой откровенности с моей стороны. Напротив, я испытала большое облегчение, когда барон столь твердо выразил свое мнение относительно абсурдности гипотезы д-ра Ватсона. Уверена, что Уильям, услышав это, испытал те же чувства, что и я. Между тем барон весьма категорично высказался об опасности распространения подобных домыслов. Обратившись непосредственно к моему дорогому Уилли, барон особо подчеркнул важность сохранения конфиденциальности в этой ситуации. Я знаю, что мой супруг в любом случае не стал бы распространяться на эту тему при посторонних, но это общение с бароном прибавило ему уверенности.

3 апреля. День выдался просто чудесный, но я утомлена. До чего же было прекрасно в Ричмонде; мы с Вилли замечательно провели время в парке. Но я так устала, клонит ко сну. Ни слова более.

5 апреля. Еще один дивный день. Все утро мы прогуливались по Холланд-парку, а вечером музициро-

вали в нашей милой маленькой гостиной. Как же было чудесно... Боже! Опять этот ужасный привкус свинца — мне так дурно...

6 апреля. Силы небесные, кажется, приступ миновал. Он очень сильно испугал меня. Я также благодарна Небесам за то, что мой милый Уильям на сей раз был избавлен от этих кошмаров.

20 апреля. И вновь ужасная тошнота и, что гораздо, гораздо хуже, — этот смертельный свинцовый привкус. Теперь мне тяжелее, чем в прошлый — недавний — раз. Вчера весь день не могла встать с постели. Бедный Уильям в страшной тревоге. Молю Всевышнего о спасении.

6 мая. Снова приступ. Господи, помоги! Если это не прекратится, что же со мной будет? Мои силы стремительно тают. Бедный Уилли! Последние три дня для него были ужасными. Правда, доктор считает, что все это пройдет. На Господа уповаю...

25 мая. Снова тошнота, снова свинцовый привкус, полнейшее смятение души. Доктор уже не настолько уверен в своих умозаключениях, а бедный Уильям, как мне кажется, вновь во власти страшного предположения, прозвучавшего при похожих обстоятельствах год тому назад. Слава богу, я скрыла от него и от доктора Додсуорта эти подробности об ужасном металлическом привкусе во рту. В свое время этот факт произвел такое впечатление на доктора Ватсона... О, когда же это кончится?

10 июня. Мною овладело ужасное подозрение. Что это может означать? Я просмотрела свои днев-

никовые записи; получается, что эти чудовищные приступы повторяются через каждые две недели. 5-го и 18-го апреля; 3-го и 21-го мая, и вот, снова, 7-го числа этого месяца. Кошмарный привкус свинца ощущается теперь во рту непрерывно, с каждым новым приступом я слабею все больше и больше. Боже мой, что же со мной происходит?

26 июня. Миновало еще две недели, и вот новый приступ болезни. *Наверняка* это чьих-то грязных рук дело. Но кто же, кто на такое способен? Благодарение Всевышнему, мне по-прежнему удастся скрывать от моего Уильяма наличие этого самого отвратительного симптома — привкуса свинца. Драгоценный мой Уилли, как он добр, как заботится обо мне.

12 июля. Долго мне не продержаться. Каждое новое обострение недуга отнимает у меня последние силы. Бог мой, жизнь моя на исходе... Сегодня вновь к нам заходил барон, и лицо моего благоверного вновь озарилось светом надежды. После длительной беседы доктор согласился проконсультироваться с бароном, в результате было принято решение назначить другие препараты. Однако, что-то явно не так, мне еще не приходилось видеть доктора Додсуорта в столь мрачном расположении духа.

1 августа. Видимо, конец уж близок. После очередного обострения я совсем ослабла. Делаю эту запись, лежа в постели. Мне уже больше с нее не встать. Бедный, бедный мой Уилли... Три дня я пребываю в лежачем положении. Пищу и питье принимаю только из его рук.

17 августа. Думаю, вскоре мои записи оборвутся. Еще через пару недель я буду уже не в состоянии держать перо, если вообще буду жива.

5 сентября. И снова приступ... Как только мое измученное тело еще способно хоть как-то противостоять этой боли. Скорее бы уже все кончилось. Но бедный, бедный мой мальчик... он тоже совсем измучен, ведь он подле меня день и ночь. Он что-то дает мне с ложечки, но я уже не различаю никакого вкуса — ничего, кроме этого свинца...

*27 сентября*¹. Прощай мой супруг, мой дорогой, мой драгоценный Уилли. Помни обо мне и до скорого свидания. Да благословит тебя Всевышний, пусть придаст Он тебе сил, мой Уилли, дорогой мой.

Запись сделана рукою мистера Андертона:

«Сегодня моя дорогая скончалась.

12 окт. 1856

У. А.»

¹ Написано карандашом, буквы едва различимы.

РАЗДЕЛ IV

1. Служебная записка мистера Хендерсона

Судя по информации, представленной в прилагаемом документе¹, упомянутая в нем дама проживает по адресу Акация-Коттедж, Кенсингтон. Имя ее совпадает с тем, что упоминали в своих показаниях свидетели Жюли и Леопольдо; не кто иная, как эта молодая женщина выступала в роли медиума барона Р**. Все это вкупе подтвердило мои подозрения, что под именем «Карлотта Браун» за барона вышла замуж Розали, и это несмотря на то, что ее подруга Жюли была уверена в невозможности заключения этого брака. Вместе с тем можно допустить, что мы имеем дело со случайным стечением обстоятельств. Вот почему я посчитал нужным сделать необходимые уточнения. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы разыскать необходимый мне дом. Два или три года назад он был включен в список аналогичных строений, расположенных в одну линию; рано или поздно мне все же удалось его идентифицировать. Домовладелицей оказалась весьма туго-

¹ См. следующую страницу.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

*1854 г. Сей брачный союз заключен в Кенсингтонском
церковном приходе, графство Миддлсекс.*

№	61
Дата	6 нояб. 1854
Имя и фамилия	Карл Шварц, Карлотта Браун
Возраст	Совершеннолетний Совершеннолетняя
Семейное положение	Холост. Незамужем
Социальное происхождение или профессия	Дворянин
Адрес	Уиндермир Виллас, Ноттинг-Хилл. Акация-Коттедж
Имя отца	Карл Шварц. Неизвестно
Социальное происхождение или профессия отца	Дворянин. Неизвестно

Брачный союз освящен в приходской церкви согласно действующим церковным обрядам и ритуалам, с оглашением вступления в брак, о чем свидетельствую я

Дж. У. Эдвардс

Брак заключен между нами } Карл Шварц,
Карлотта Браун

В нашем присутствии } Томас Джонс,
Фредерик Коулмэн

Данная копия из Регистрационной книги браков принадлежит церкви.

Подписано мною 7 ноября 1854

Р. Джонсон

ухая пожилая особа. С памятью у нее дела обстояли неважно, и поначалу мне никак не удавалось заполучить от нее необходимую информацию. «У меня было много, очень много постояльцев, неужели же я должна всех их помнить», — продолжала повторять эта дама. Во время повторного визита я все же смог убедить ее оказать мне услугу: я получил доступ к записям в домовых книгах. В графе «октябрь/ноябрь» за 1854 год я обнаружил зачисленную сумму в размере 2 фунта 5 шиллингов. Это была арендная плата, внесенная Карлоттой Браун за проживание в период с 18 октября по 8 ноября¹. Я продолжил изучение регистрационных записей и от моего внимания не ускользнул тот факт, что, в то время как с прочих постояльцев взимались различного размера суммы за отопление, мисс Браун, занимавшая основную гостиную этого дома, отоплением вовсе не пользовалась. Следует отметить, что в начале ноября в тот год было на редкость холодно. Я также заметил, что с жильцов взималась оплата и по некоторым другим статьям, но к Карлотте Браун это никакого отношения не имело. Когда я обратил внимание пожилой леди на эти детали, ей удалось припомнить следующее. Эту комнату снял один джентльмен для дамы, которая собиралась давать уроки рисования. Он внес деньги за три недели вперед, особо подчеркнув, что помещение это необходимо для квартирантки зарезервировать, а когда

¹ См. Разделы II, 2 и 5, и III, 1.

именно она придет — неизвестно. Сей господин также обратился с убедительной просьбой пересылать без промедления по указанному им адресу всю корреспонденцию, полученную на имя квартирантки. После продолжительных поисков этот адрес удалось разыскать. Он оказался на квадратной лесированной карточке, которую я прилагаю к материалам дела.

2. *«Письма или сообщения для мисс Браун незамедлительно отправлять по адресу:*

Барону Р**,

Почтовое отделение, Ноттинг-Хилл».

Далее домохозяйка заявила, что больше никогда не видела этого человека, равно как и квартирантку, для которой он зарезервировал комнату. После внесения арендной платы эти люди здесь больше не появлялись. Поскольку по поводу Карлотты Браун к пожилой леди никто не обращался, это имя выветрилось из ее памяти.

Я был вполне удовлетворен результатами моих изысканий — личность мадам Р** была мною установлена. Теперь мне предстояло выяснить, чем занимался барон в период между заключением брака и смертью его жены. Это случилось, как вам известно, в Лондоне, примерно через два с половиной года после оформления брачного союза. Как вы знаете, упомянутые выше страховые полисы были составлены приблизительно в середине этого от-

резка времени. Информация, предоставленная мне доктором Джонсом (медиком, удостоверившим своей подписью документ касательно страхового полиса мадам Р**), содержала ключ, необходимый для раскрытия загадки. Полагаю, в нижеприведенных показаниях вы найдете подтверждение — пусть даже и не безоговорочное — моих изначальных подозрений, побудивших начать данное расследование. Весьма досадно, что именно те показания, которые имеют принципиальное значение в этом деле, могут не произвести должного впечатления на присяжных (как и в случае с письмом мистера Олдриджа, с самого начала заставившим меня задуматься). Так или иначе, считаю своим долгом представить эти материалы на ваше рассмотрение. Прошу вас ознакомиться с каждым из свидетельств, собранных мною.

3. Свидетельство миссис Уитуорт

«Меня зовут Джейн Уитуорт, я вдова. Источник моих доходов — меблированные комнаты в Богноре, Сассекс. Основной сезон у нас совпадает со временем проведения Гудвудских скачек, а осенью и зимой здесь мало приезжих. 6 ноября 1854 года я сдала всю верхнюю часть дома одной леди и джентльмену, прибывшим сюда поздно вечером. У них была какая-то иностранная фамилия, я сейчас точно уже не скажу. Какая-то странная немецкая фамилия. Поначалу они не желали представиться, я их сама попросила. Уж не знаю, отчего этот господин особенно проти-

вился. Я ему объяснила, что это нужно для оформления счета за проживание, а он рассмеялся и заметил, что это не имеет никакого значения. Тогда я поинтересовалась, как мне быть, если на его или ее имя придут письма, на что он заявил: “О, никаких писем не предвидится” и углубился в чтение газеты. Я начала спускаться на первый этаж, как вдруг он позвонил, и я вернулась обратно. Этот человек изъявил желание назвать себя. В конце первой недели их проживания я подготовила счет: эти постояльцы мне сообщили о своем намерении пробыть у меня несколько недель. Точнее говоря, этот джентльмен сообщил. Его дама в разговоре участия не принимала; по-моему, она своего мужа сильно боялась и была в настроении подавленном. Я с ним договорилась о цене в тридцать шиллингов в неделю. Он мог у меня оставаться столько, сколько ему заблагорассудится. Но, понятное дело, не далее начала скачек. У нас тут так принято. Этот джентльмен со мной договорился также по поводу питания. Мне надлежало обеспечить столование этой супружеской пары и их прислуги за 2 фунта 15 шиллингов в неделю. Стоимость вина, пива и крепких алкогольных напитков в эту сумму не включалась. Для меня это была не совсем обычная договоренность, мы иногда здесь так делаем, но нечасто. Джентльмен счел нужным пояснить, что его жене нездоровится и ее нельзя беспокоить. А прислугу свою он привез с собой, нанял эту девушку в Брайтоне, и это тоже для меня было необычным, в самом деле. У меня преж-

ние жильцы так не делали, и я ему об этом прямо сказала, на что он заметил, что очень щепетилен в этих делах. Он, видите ли, не остановился бы там, где прислуга не была бы в его непосредственном подчинении. Если он того пожелает, ему необходимо иметь возможность служанку уволить. Я дала ему понять, что мне это не по нраву, не принято у нас так. Сей господин отвечал, что ему очень жаль, но он готов стать моим квартирантом только на выше-названных условиях, и я уступила. После чего он проследовал со мной на первый этаж дома, намекая в разговоре на то, что жена его не совсем в порядке. Сперва я решила, что у нее что-то не так с головой. Так я подумала исходя из того, что он мне говорил. Я выразила опасения по поводу проживания подобной квартирантки в моем доме, а он засмеялся, заявив, что дело вовсе не в этом. Тогда я предположила, что он имеет в виду характер своей благоверной. Джентльмен прореагировал на это с отменной любезностью. Со мной он вообще всегда был весьма любезен, но мне трудно судить, каков он в общении с другими людьми. Плату за проживание он всегда вносил вовремя, и все так деликатно — это все, что я могу заметить. Служанка его появилась через несколько дней после их прибытия. Свою прислугу я не увольняла, у меня ее в тот период не было. Сезон заканчивался, удастся ли еще кому-нибудь сдать комнаты — неизвестно, так что я ее отослала, обходилась без посторонней помощи. Поначалу этой семейной паре прислуживала поденщица, а потом уже

прибыла девушка, которую этот господин нанял в Брайтоне. Я ему рекомендовала двух или трех горничных местных, из Богнора, но они ему не подошли. Его служанке было около двадцати лет, звали ее Сара, фамилии не помню. Зато помню, что иногда мой чай или сахар как-то уж очень быстро заканчивался. Я на сей предмет особенно не задумывалась, ни разу не видела, чтобы эта девушка взяла что-нибудь без спроса. Была она очень тихая и учтивая. Прослужила она у этого джентльмена около месяца, не более. И уволена была после того, как подала его жене вместе с арроурутом какое-то лекарство, после чего леди почувствовала себя совсем, совсем плохо. Мы уже решили, что она не выживет. У нее была страшная рвота, холера в тяжелой форме. А стряслось это 9 декабря¹. У меня про это записано в моих приходно-расходных книгах. В тот вечер муж ее распорядился купить бренди и еще некоторые другие покупки сделать. На следующий день он послал в аптеку за каким-то снадобьем². Перед этим он тоже давал ей что-то принимать, что именно — не скажу с уверенностью, у этого джентльмена имелось много разных препаратов. Хранил он их в задней комнате. К леди приходил доктор. Правда, не с начала болезни. Не раньше понедельника, когда ей стало плохо. Я хотела послать за доктором, а этот госпо-

¹Сравни с соответствующей записью из дневника миссис Андертон от 9 декабря, с. 81.

²Как мне удалось выяснить впоследствии, это был отвар хинной корки. — Р. Х.

дин мне заявил, что он сам врач. Между тем жене его становилось все хуже, и в воскресенье вечером я снова предложила послать за медиком. Он сказал, что если к утру ей не станет лучше, он так и сделает. Я считала, что нужно послать за доктором Пескетом или доктором Томпсоном, но муж больной не пожелал. По его мнению, от них было мало проку. Насколько мне известно, об этих докторах все отзывались хорошо. У доктора Пескета была репутация первоклассного специалиста. Сейчас его уже нет в живых. Доктор Томпсон тоже очень хороший врач, хотя у доктора Пескета практики было, пожалуй, побольше. Думаю, что этот господин вряд ли что-то мог о них слышать. Он принял решение послать за доктором Джонсом, проживавшим в то время в Стейне. Он уроженец Лондона, я так думаю. Этот доктор лечил леди, пока он находился в Богноре. Семь дней спустя он отбыл, пробыв здесь общим счетом пару недель. Мой квартирант узнал об этом докторе от моей приятельницы из Стейна. Он меня попросил разузнать, нет ли в округе практикующего врача из Лондона. Местным докторам этот господин не доверял. Леди пошла на поправку, но все же очень медленно. Она проболела несколько недель, а когда окрепла, она уехала вместе с мужем. Он был очень заботлив. Даже на минуту ее не отпускал. А ей, по-моему, он не особенно нравился. Думаю, она его боялась, не знаю только почему. Он был добр к ней и очень деликатен. Порой его любезность ее утомляла. Думаю, ей хотелось дать ему отпор, но она ни-

когда не выходила из себя. Казалось, ему известно, как предупредить ее возможную вспышку гнева. Не знаю, как это у него получалось. Он ничего не говорил, только смотрел на нее, и этого было достаточно. Я для себя решила, что эта леди, возможно, вела себя как-то неправильно, и он привез ее к нам в Богнор, подальше от посторонних глаз. Сама не знаю, почему я так думала. Может, потому, что они вели себя так. Да еще его намеки насчет жены. Все основывалось на его словах. Я с леди почти не общалась. По-моему, она вела себя неблагодарно по отношению к своему мужу — он о ней так заботился. Одна она почти никогда не оставалась. Был случай, когда этот джентльмен отлучился примерно на час. Оставшись наедине, часть времени эта дама что-то писала. Она попросила у меня письменные принадлежности, поскольку в гостиной их не было, — ее муж распорядился все это унести на первый этаж. Раньше здесь всегда стоял письменный прибор, а по мнению моего квартиранта, это было совершенно излишне. Я дала леди то, о чем она просила, и через какое-то время она вручила мне два письма для отправки. Она ничего не сказала, лишь подчеркнула, что их надлежит отправить тотчас же. Одно из писем было адресовано в Ноттинг-Хилл. Я на это обратила внимание, так как у меня там сестра живет. На втором значился адрес какого-то театра. Я подумала, что здесь что-то нечисто. Лучше не буду говорить, что я подумала. Одним словом, у нее, наверное, с кем-то там была связь. Само со-

бой, неподобающая для приличной дамы. Письмо не было адресовано мужчине, на конверте стояло “мисс такой-то”, но это могло быть для отвода глаз. Может быть, в этом и была причина таких ее взаимоотношений с мужем. Я тогда очень рассердилась. Не должна женщина себе такое позволять, особенно если супруг такой порядочный. Я ей ничего не сказала; адрес на письме я прочла, когда по лестнице вниз спускалась. Письма ее я отправлять не стала, а рассказала обо всем господину, когда тот вернулся. Очень он был раздражен. Письма забрал, и был мне очень признателен. Письмо, адресованное в театр, он сразу бросил в огонь, не открывая. Что касается второго, то сей господин заявил, что отправит его сам. Точно не могу сказать, сделал он это или нет. По всей вероятности, отправил. Думаю, он потом все это обсуждал с леди, наверняка. В тот вечер, когда я поднималась наверх, я слышала, как она плачет. Больше леди со мной никогда не разговаривала; а по-английски она объяснялась очень хорошо. Адреса на этих письмах были на английском. Со своим мужем она общалась на каком-то иностранном языке, а английским владела свободно. А что было дальше с девушкой Сарой, я не знаю. Возможно, она поступила к кому-нибудь на службу в Брайтоне. Я знаю, что этот джентльмен дал ей рекомендацию. Он был с ней так добр. Он вообще был очень добр. Мне прежде не приходилось встречать столь деликатных и любезных господ, я считаю, что его жена очень плохо с ним обращалась».

4. *Свидетельство доктора Джонса*¹

«Я врач, проживаю по адресу: Гауэр-стрит, Бедфорд-сквер. В декабре 1854 года я сильно простудился, недуг принял затяжной характер и я, желая сменить климат, отправился на пару недель к морю. Я выбрал Богнор, поскольку мне уже доводилось там отдыхать в течение последних двух или трех лет. Я снял квартиру в Стейне. Через несколько дней после моего приезда ко мне обратились с просьбой посмотреть одну тяжело больную леди, снимавшую квартиру в другой части города. Поначалу я эту просьбу отклонил, полагая, что было бы целесообразнее предоставить этот случай заботам местных докторов. Затем ко мне явился джентльмен, который представился бароном Р**. Он объяснил, что речь идет о его жене, больна она серьезно. Причина заболевания — чрезмерная доза рвотного камня, которую дала ей служанка. Мой визитер всем этим был сильно встревожен и проявлял большую настойчивость. По его мнению, в такой ситуации нельзя было рассчитывать на профессионализм местных врачей. Господин этот так упорствовал, что в конце концов я согласился, и мы вместе отправились к нему на квартиру. Пациентка оказалась в состоянии крайнего изнеможения, признаки острого отравления были налицо. По словам барона, на данный момент болезненные симптомы были уже не так ярко выражены, однако состояние боль-

¹ См. Раздел III, 2.

ной было по-прежнему угрожающим. Периодически возникали острые боли, сопровождающиеся обильным потоотделением. Я узнал от барона, что он неплохой химик-любитель. Он смог без посторонней помощи установить причину заболевания своей жены и поначалу стал лечить ее самостоятельно, не доверяя местным эскулапам. Он описал мне свой метод лечения, и на сей предмет у меня не возникло никаких возражений. Определившись с причиной недуга, барон стал как можно активнее стимулировать у моей пациентки рвоту, давая ей пить сначала прохладную, а затем подогретую воду с небольшим количеством горчицы. После полного очищения желудка он стал предлагать своей жене крепко заваренный зеленый чай в больших количествах. Барон имел в своем распоряжении несколько фунтов этого напитка для собственных нужд. Ко времени моего прибытия пациентка успела выпить несколько больших порций отвара хинной корки. При отравлении сурьмой профессор Тэйлор рекомендует именно зеленый чай и хинную корку. Результаты применения этого лечения не оставили у меня сомнений относительно первопричины симптомов. Вместе с тем по желанию барона было решено провести стандартные химические анализы, в частности, той дозы арроурута, в которой, предположительно, оказалась примесь сурьмы. Для наших исследований мы с бароном выбрали традиционные химикаты, а именно: азотную кислоту, цианистый калий и гидросульфат аммиака. Во всех трех

случаях наличие сурьмы было выявлено, хотя и в незначительном количестве. Если быть точным, то в арроурите содержалось от одной до максимум двух гранул сурьмы; пациентка успела принять не более чем три части арроурута. Сомневаюсь, чтобы столь мизерная доза была способна вызвать столь бурную реакцию организма. При лечении пневмонии я нередко назначал больным гораздо более солидные дозы. Безусловно, вызывает удивление тот факт, что две гранулы вещества способны были вызвать рвоту. Однако в зависимости от особенностей организма степень воздействия сурьмы значительно варьируется. В наличии отравляющего вещества мы убедились, и теперь предстояло выяснить причину, по которой некая особа предложила его принять жене барона. Последний не сомневался в том, что это происки служанки; между ней и его женой несколько дней назад произошла какая-то размолвка. Вследствие этого было решено предъявить этой девушке соответствующие претензии. Предварительно надлежало изучить содержимое пузырька с рвотным средством, которое барон, по его словам, держал для собственного пользования. У него бывали проблемы с пищеварением. Полагаю, этот человек из породы гурманов, а потому имел привычку принимать иногда такого рода снадобье. На своем обычном месте пузырька не оказалось. Мы обнаружили его на столе рядом со шкафчиком, где он раньше хранился. Этикетка гласила: "Рвотное. Принимать по одной чайной ложке по назначению". Я счел

нужным заметить, что на этикетке должно было стоять слово “Яд”, и барон вполне со мной согласился. Он тотчас написал это слово крупными буквами на полоске бумаги и наклеил на пузырек. Далее мы взвесили его содержимое; оказалось, что барон за все время успел принять лишь три рекомендуемые лечебные дозы. Доступ в помещение, которое арендовал этот господин, имела только горничная и никто более. Мы тотчас послали за этой девушкой и стали строго ее расспрашивать на интересующий нас предмет, а именно — подмешивала ли она постороннюю субстанцию в арроурт, предназначенный для мадам Р**. По моему суждению, надлежало сразу предъявить ей обвинение, на что барон вполне справедливо заметил, что служанка не совершила ничего такого, что реально могло бы угрожать жизни его жены. Таким образом, учитывая отсутствие мотива к совершению столь серьезного преступления, логично было предположить, что с ее стороны этот поступок был не более чем нелепой шуткой. Именно это барон и повторил девушке; он был с ней весьма доброжелателен. Поначалу она всё отрицала и была явно поражена подобным обвинением. Но вот барон обратил на нее пристальный взгляд и произнес: “Сосредоточьтесь, Сара! Вспомните, о чем я вам говорил три дня тому назад”, и дальше девушка уже не пыталась отпираться. Она сказала, что очень сожалеет о случившемся и надеется, что барон ее простит. На это сей джентльмен заметил, что он более не может оставлять ее у себя на службе. Тогда

служанка стала молить барона не увольнять ее без рекомендации. Здесь я вмешался, заметив, что после подобной проделки было бы неправильным направлять эту особу в услужение другому семейству. Услышав это, она вновь стала горячо утверждать, что не желала причинить зла, и наше объяснение зашло в тупик. Барон заявил, что ему потребуется время для принятия решения. Я продолжал навещать мадам Р** вплоть до моего возвращения в Лондон. Здоровье моей пациентки восстанавливалось, это было очевидно. Я не вступал с ней ни в какие беседы. По природе своей она человек сдержанный и необщительный. Что же касается барона, то он производил впечатление на редкость заботливого супруга. В беседе, состоявшейся через день или два после моего первого визита, барон проинформировал меня о том, что смерть мадам Р** повлекла бы за собой также серьезный ущерб в материальном плане, поскольку эта дама могла бы стать наследницей солидного состояния. Я поинтересовался, отчего барон до сих пор не позаботился о страховании ее жизни. Мой собеседник ответил, что теперь непременно об этом позаботится. Два месяца спустя, будучи проездом в городе, барон нанес мне визит. Он поведал мне о своем намерении отправиться на несколько месяцев за границу. Я порекомендовал ему водные курорты Германии, на что он с неудовольствием парировал: “Там же толпы англичан...” Тогда я посоветовал отправиться в Грисбах или Риппольдсау, что в Шварцвальде — туда англичане ездят ред-

ко. Правда, в этих местах в то время года был еще не сезон, и я порекомендовал юг Франции. В следующий раз я виделся с ним уже в октябре 1855 года. Барон посетил меня вместе с супругой. Судя по всему, она полностью оправилась после недуга, что я благополучно и засвидетельствовал на профессиональном уровне в ответ на запросы Ассоциации страхования жизни, а затем, несколько недель спустя, страховой конторы в Дублине. Полагаю, у мадам Р** все было замечательно, иначе как бы ей удалось восстановить здоровье после столь серьезного недуга в считанные месяцы или даже недели. В данном случае восприимчивость ее организма к воздействию сурьмы не имела значения. Ведь профессор Тэйлор в своем научном труде, посвященном ядам, ясно дает понять, что у некоторых пациентов воздействие сурьмы и прочих препаратов вместо “терапевтического эффекта способно вызвать отравление организма”. В моем распоряжении имеет-ся экземпляр этого трактата. Автор также отмечает, что “исходя из повседневного опыта можно сделать следующий вывод: некоторые индивидуумы сильнее прочих подвержены влиянию на организм обычной дозы опиума, мышьяка, сурьмы, и некоторых других веществ”. И вновь, рассуждая на тему возможной “роковой дозы”, он говорит о “постоянно варьирующихся индивидуальных особенностях организма, что, как известно, может привести к значительно более серьезному эффекту от соединений сурьмы у лиц, принадлежащих к одной и той же воз-

растной группе, со схожим общим состоянием здоровья, и так далее”. Таким образом, ни тогда, ни теперь я не склонен считать, что восприимчивость организма мадам Р** к этому веществу могла бы каким-то образом угрожать ее здоровью, особенно учитывая проявленную жизнестойкость этой дамы в процессе ускоренного выздоровления. Что же касается лунатических хождений во сне, то барон ни словом не обмолвился о подобных наклонностях своей жены. Конечно же не было и предположений относительно того, что она могла отравить себя подобным образом. Да, это дело рук прислуги. Обстоятельства смерти мадам Р** никак не влияют на твердость моего мнения. Теоретически такого рода случай мог иметь место, хоть это и весьма маловероятно, с любым человеком, подверженным хождению во сне. Достоверность этого применительно к мадам Р** я не берусь утверждать. Мнение мое на этот счет твердо и, учитывая специфический характер данного случая, я в своем журнале сделал соответствующую запись, на чем и базируется мое свидетельство. Итак, я готов подтвердить все изложенные мной факты под присягой».

5. Свидетельство миссис Трогмортон

«Миссис Трогмортон свидетельствует свое почтение мистеру Р. Хендерсону и имеет честь сообщить, что девушка по имени Сара Ньюмен по-прежнему находится у нее в услужении, и к ней нет абсолют-

но никаких претензий. На службу она поступила в 1854 году под Рождество, имея рекомендацию от барона Р**, жившего в то время в Богноре. Она прислуживала у него по дому и подавала на стол в течение нескольких недель. Характеристика, данная девушке бароном, была вполне благожелательная, но когда миссис Трогмортон пожелала узнать причину увольнения Сары Ньюмен, барон рассказал ей следующее: девушка сыграла нелепую шутку со своей ныне покойной госпожой, дав ей принять рвотное без соответствующего назначения, что было весьма предосудительно. Узнав это, миссис Трогмортон не намеревалась брать эту девушку в себе в услужение. Однако, связавшись по почте с ее предыдущим нанимателем, миссис Трогмортон пришла к выводу, что, по всей вероятности, мадам Р** сама проявила неосторожность, при том что ее муж, как джентльмен, не мог столь категорично признать этот факт в отношении своей супруги. Таким образом, миссис Трогмортон согласилась взять Сару Ньюмен на испытательный срок, коль скоро та явно раскаялась в своем столь предосудительном поступке. Эта девушка оказалась образцовой служанкой во всех отношениях. Миссис Трогмортон рассчитывает на то, что данная информация будет достаточной для мистера Хендерсона, проявляющего интерес к благополучию Сары Ньюмен, в чем миссис Трогмортон сама весьма заинтересована.

Клифтонвиль».

6. *Свидетельство мистера Эндрюса*

«Сэр.

В ответ на ваше письмо от 25-го числа имею сообщить, что девушка по имени Сара Ньюмен конечно же работала у меня в услужении в Брайтоне в течение приблизительно двух месяцев в 1854 году. Уволена она была, я полагаю, в сентябре за различные мелкие кражи. Это была очень интересная девушка, и она нас к себе расположила. Однако она была случайно уличена кем-то из моих детей, и после подтверждения совершенных ею проступков была уволена без рекомендации. Я намеревался возбудить против нее дело, дабы оградить других от возможных случаев ее воровства, но моя жена ей очень симпатизировала и убедила меня этого не делать. Примерно через два месяца после увольнения этой служанки ко мне явился один господин — у него была какая-то немецкая фамилия, сейчас не припомню точно, — и поинтересовался о причинах расставания с этой прислугой. Я рассказал ему обо всем. Он весьма подробно расспрашивал меня о моем собственном отношении к этой девушке, отметив, что сам по природе своей филантроп и хочет дать ей шанс исправиться, если только она и впрямь воспользуется такой возможностью. Я был с ним откровенен, заявив, что, на мой взгляд, сия девица была откровенной правонарушительницей, но моя жена так хотела предоставить ей еще один шанс, и у меня почти не было сомнений, что этот джентльмен с немецкой фамилией возьмет ее к себе на службу. На-

сколько мне помнится, телосложения он был плотного, производил впечатление доброжелательного человека. С ним вместе была молодая дама, ожидавшая его в экипаже, как он пояснил, его жена. Упомянутое вами имя, барон Р**, очень похоже на то, как он мне представился, хотя я и не уверен до конца.

Дорогой сэр,

с совершенным почтением,

Чарлз Эндрюс.

P. S. Моя жена просит известить нас, коль скоро имеются какие-либо сведения о дальнейшей судьбе ее протеже.

Р. Хендерсону, эсквайру и проч., и проч., и проч.

Клементс-Инн».

7. Свидетельство Сары Ньюмен

Н. В. Стоило немалых трудов заполучить это свидетельство; все, что в нем содержится, может представлять интерес для дела. Понятно, что девушке хотелось обезопасить себя от возможных последствий своих признаний. Мне удалось убедить Сару Ньюмен быть откровенной, передав ей заверения от миссис Трогмортон в том, что она не будет уволена. Пришлось также пригрозить вмешательством полиции, в случае если свидетельница не пожелает рассказать всё без утайки. Лично у меня сомнений в достоверности ее рассказа нет. Как вы увидите сами, он подтверждает некоторые крайне важные обстоятельства. Но вот какое воздействие ее свиде-

тельство сможет произвести на умы присяжных — это действительно большой вопрос.

Р. Х.

Свидетельство

«Меня зовут Сара Ньюмен. Я прослужила три месяца у мистера Эндрюса в Брайтоне. Он меня уволил за кражу чая и сахара. Мистер Эндрюс хотел меня отдать под суд, но моя госпожа ему не позволила. Она была готова меня оставить и дальше в услужении, но хозяин сказал “нет”. Она ко мне всегда была добра, и я поступила неблагодарно, пойдя на воровство. Я больше так никогда не сделаю. Моя нынешняя хозяйка тоже ко мне очень хорошо относится. У нее я ничегошеньки не стащила. Богом клянусь, больше это не повторится. Я об этом потом хотела сообщить миссис Эндрюс, но не знала, где она. Уходя от них, я ей об этом не сказала. Хозяин был строг, и мне пришлось нелегко: два месяца без места. Никто меня не хотел брать без рекомендаций. Но вот одна моя приятельница из Богнора рассказала о некоем господине, и я ее попросила с ним переговорить. Это был барон Р**. Однажды он ко мне явился во время своего посещения Брайтона. Он пожелал знать обо мне всё: где я прежде работала, почему покинула дом мистера Эндрюса. Он был очень доброжелателен, говорил, что, если девушка один раз оступилась, не может же этот просчет разрушить ее жизнь. Сказал, что если я пообещаю больше не воровать, он возьмет меня на испытательный срок. Я ему дала честное слово, и мы отправились

в Богнор. Не знаю, разузнавал он что-то обо мне, думаю, нет. Мне он об этом не говорил. Я готова была сдержать обещание. Так оно и было, я его сдержала, почти. Я попробовала взять всего лишь один пустячок, я и не думаю, что это воровство. Там все было не заперто. Барон настаивал на том, чтобы коробка с чаем и прочие вещи всегда были открыты — на случай, если ему вдруг что-нибудь понадобится. А я ничего себе не позволяла брать. Много чего можно было, но я этого не делала. Я думаю, некоторые вещи специально были доступны, чтобы меня проверить — устою от искушения? Странно было все это. Часто лежали без присмотра медные монеты, но я к ним никогда не прикасалась. Но вот как-то взяла я одну штуку. Я не считала это воровством. Это был апельсиновый конфитюр. Я очень люблю сладкое и вот однажды увидела баночку с этим конфитюром. Она стояла на столе — осталась после завтрака. Я не смогла удержаться, конфитюр так аппетитно выглядел. И я лишь окунула в него палец, только и всего. Богом клянусь, больше ничего, даже не попробовала. Барон подошел сзади и схватил меня за руку. Он ничего не говорил. Он просто плотно прикрыл дверь и приблизился ко мне. Я была так напугана, что боялась пошевелиться. Он взял меня за руку и не отпускал. Я расплакалась, а он сказал, что слезами тут не поможешь, я его подвела и должна уйти. Добавил еще, что по правилам ему следовало бы заявить в полицию. Но я же ничего не взяла, только хотела попробовать это лакомство. А он сказал, что

*Барон подошел сзади и схватил меня за руку...
Я была так напугана, что боялась пошевелиться.*

мне никто не поверит с моими рекомендациями. Он это говорил без злобы, но очень твердо. Я была просто в панике и умоляла его оставить всё между нами, и он согласился дать мне еще один шанс, но потом я должна буду уйти. Я сказала, что если он не даст мне рекомендаций, то лучше сразу головой в омут. Я умоляла его разрешить мне остаться, а он отвечал, что это невозможно. Тогда я стала просить его не разглашать причину моего ухода. Он стоял на своем. Я продолжала слезно молить его. Наконец он сказал, что попробует придумать какую-нибудь другую причину увольнения, но на следующий день я должна буду уйти, это дело решенное. А если он найдет причину, то мне надо быть очень внимательной и не противоречить ему. Я ему была за это очень благодарна. Он добрый, порядочный господин, и я ему этого не забуду. А на следующий день я не ушла. Хозяйка тяжело заболела, и я осталась при ней. Ей было совсем плохо. Я старалась помочь, как могла. Я понадеялась на то, что барон все забыл, и я буду служить у них и дальше. Спустя два или три дня барон за мной послал. С ним был еще какой-то джентльмен. Доктор. Он меня обвинил в том, что я дала госпоже что-то такое, от чего ей стало плохо. Конечно, я это отрицала. *Ничего я ей не давала.* И не было у меня с ней никакой размолвки. Ко мне хозяйка всегда доброжелательно относилась, но она мне не очень нравилась. Не знаю почему. Может, оттого, что она не любила хозяина. Так вот, я ей ничего не давала принимать. Совсем ничего.

И не видела я этого пузырька, не знаю, что в нем. Я ведь читать совсем не умею. А хозяин посмотрел на меня и сказал про разговор, что был два или три дня назад. Я поняла, что он подыскал предлог для моего увольнения. Он дал мне знак держаться этой версии, и я покорилась. Другой джентльмен был очень суров, но он, конечно, не знал всех наших дел. Я должна была покинуть дом по придуманной бароном причине. Вот и всё. А настоящая причина в том, что я хотела попробовать конфитюр. Спросите барона, он вам так и скажет. Надеюсь, вы ему передадите на словах, как я ему благодарна за его доброту».

РАЗДЕЛ V

1. Служебная записка мистера Хендерсона

Мы подошли к той части этой таинственной истории, когда я должен вновь обратить ваше внимание на совпадение дат и прочих фактов. Именно на этих совпадениях, как я уже ранее замечал, основывается мой логический вывод.

Учитывая объем имеющихся свидетельских показаний, я счел нужным разместить их в отдельные разделы, каждый из которых определенным образом связан с соответствующим этапом развития событий этого дела. Следуя этому принципу, я, как вы успели заметить, сделал подборку, касающуюся ранней части истории миссис Андертон, равно как и мадам Р**; таким образом, появилась нить, связывающая воедино эти два незаурядных дела, кажущиеся необъяснимыми. Тем не менее эта нить, как мне представляется, способна помочь распутать обе загадки. Во втором разделе подобраны материалы, касающиеся как миссис Андертон, так и мадам Р**, вплоть до того момента, когда их жизненные пути пересеклись. Как видим, барон осознал возможную взаимосвязь своей жены с миссис Андертон, а также и выгоду, которую она легко может иметь в слу-

чае смерти ее сестры и мистера Андертона. Третья подборка содержит сведения о первой болезни мадам Р**. И здесь я хотел бы обратить ваше особое внимание на даты и обстоятельства этого события.

В материалах четвертого раздела засвидетельствованы подробности рокового недуга миссис Андертон, с последующим арестом ее супруга по подозрению в убийстве. Не дожидаясь окончания расследования, мистер Андертон предпочел свести счеты с жизнью. Я счел целесообразным включить значительную часть свидетельств, имеющих отношение к данному этапу дела в этот раздел, материалы которого позволяют проанализировать поведение и последующую смерть мистера Андертона. Именно на этом мы сейчас и сосредоточимся. Сведения о заключительном этапе болезни миссис Андертон содержатся в дневниковых записях этой злополучной леди; как только они оборвались, в дневнике появилась констатация ее смерти, сделанная мистером Андертоном. Я свел воедино факты; с одной стороны, информация из ранней части дневниковых записей, с другой, данные, изложенные представителем медицины, занимавшимся лечением миссис Андертон. Симптомы ее первого заболевания были весьма схожи с проявлениями болезни, которая в конечном счете свела страдальцу в могилу. Причина заболевания в обоих случаях остается необъяснимой. Сходство в описании изначальных приступов болезни, как мадам Р**, так и миссис Андертон, очевидно, достаточно простого сопоставления.

А сейчас мне хотелось бы обратить ваше внимание на второе заболевание мадам Р*; оно имело место при крайне подозрительных обстоятельствах, за несколько месяцев до ее кончины.

Последовательно разбирая материалы, имеющие отношение к данной части дела, трудно переоценить значение самого скрупулезного анализа дат различных событий, на что я вновь хотел бы обратить ваше драгоценное внимание. Поначалу я подумывал о том, чтобы представить различные имеющиеся совпадения в виде таблицы. Однако, поразмыслив, я счел такой подход нежелательным, поскольку он слишком нарочито представлял бы предмет, по которому у меня имеется слишком много неясностей. Таким образом, я представляю исключительно на ваше собственное усмотрение сопоставление различных дат и фактов. Моя же главная задача — засвидетельствовать их достоверность. Нередко это было довольно трудно, в особенности когда речь шла об установлении точной даты (5 апреля 1856) появления первых симптомов повторного заболевания мадам Р**. Важное значение конечного результата компенсировало испытанные мною трудности.

Я попросил бы вас тщательно сопоставить представленные ниже материалы с заключительной частью дневника миссис Андертон, а также со свидетельством доктора Додсуорта. Вы сможете заметить, проведя такого рода сопоставление, всяческие противоречия между реально имевшими место событиями и тем, как барон представлял их мистеру

и миссис Андертон. На данный момент я не хотел бы их конкретизировать. Всё станет очевидным по прочтении нижеприведенных свидетельств. Все же необходимо учитывать наличие этих противоречий, имеющих немалое значение для разбирательства прочих обстоятельств дела.

Я прошу вас также принять во внимание особенности взаимоотношений барона со своей будущей женой до заключения брака. А сейчас давайте перейдем к рассмотрению материалов, связанных, как я уже успел ранее заметить, с повторным заболеванием мадам Р**.

2. Свидетельство миссис Браун

«Меня зовут Джейн Браун. Я вдова, мой бедный благоверный служил клерком в Сити. Где именно — не знаю. Я раньше помнила, а теперь забыла. Память очень подводит. Живу я на Рассел-Плейс. Дом у меня в собственности. Дорогой супруг мне его завещал. Я иногда сдаю помещения жильцам. Не всегда, только если тихие квартиранты попадутся. В прошлом году¹ я сдавала первый и второй этажи барону Р**. А цокольный этаж несколько лет занимал доктор Марсден. Он тут не живет, он практикует недалеко от Лондона. На Рассел-Плейс он появляется каждые понедельник и пятницу, принимает пациентов. Раньше он у нас жил, это когда еще бедный мой муж был с нами. Барон Р** занял остальную часть дома,

¹ 1856. — Р. Х.

кроме чердака — там я жила. Сейчас уже не вспомню, когда появился барон, в феврале, а может быть, и в марте. Не припомню, право слово. Уточнить не могу, я не веду никаких записей. Бедный мой супруг всегда все регистрировал, а я — нет, с тех пор, как его не стало. Я, пожалуй, теряю на этом деньги, ну да что ж поделывать. У меня это просто не получается. Словом, это точно был февраль, либо март. Думаю, в самом начале марта¹. Тогда у меня других постояльцев не было, пока мой сын снова не покинул дом. Не было его в ту пору дома. Он вернулся в марте или апреле, скорее всего, в марте. Он прибыл из Мельбурна в Ливерпуль. Пробыл дома несколько недель — сколько именно, не вспомню. А потом снова уехал, в апреле или в мае. Не позднее мая, точно вам говорю. Никак не позже. Спросите у миссис Траубридж. Ричард женился на ее дочери. Ричард — это мой сын. Он на Эллен Траубридж женился, когда жил здесь в прошлом году. Они до этого помолвлены были, и вот он домой специально приехал, чтобы на ней жениться. Какие-то у него были там обязательства в Мельбурне, и ему надо было сразу туда возвращаться. И вот приплыл он из Мельбурна обратно, только не знаю, на каком корабле. По-моему, он на корабль был зачислен под другим именем — уж не знаю почему. Что-то ему не хотелось, чтобы его имя знали. И понятия не имею, какую он фамилию им назвал. Не припомню, когда именно он дома

¹ Определенно. Барон был в Дублине 25 февраля — Р. Х.

появился, а когда опять уехал. Не знаю, когда он из Мельбурна отплыл. Привез он с собой одну бумагу, только кусочек от нее остался. Здесь, дома, он все время был со мной, кроме суббот и воскресений. Это он в Брайтон ездил к Эллен. Она там в магазине работала. Он туда ездил на экскурсионном поезде и оставался вместе с ней и ее матерью с субботы до понедельника. А так он все время со мной был. Вот все, что я вам о нем могу сказать. Другой жилец был его приятель, знал его по Австралии. На свадьбу был приглашен, у нас дома справляли. Это было в понедельник, а он приехал в субботу накануне. Они все вместе из Брайтона приехали. Барон разрешил нам использовать его комнаты. Он отлучился, его супруге надо было сменить обстановку. Я думаю, по причине ее болезни, хотя не знаю. Она у нас в доме не раз болела, здесь и умерла. Я забыла, когда же она тут первый раз захворала, мой сын в то время был в Англии. Помню, мы с ним об этом говорили. В тот раз его дома не было. Я была совсем одна, хорошо это помню — испугалась сильно. Никого в доме, даже прислуги. Я два или три месяца была без прислуги. Днем заходила поденщица. А дело в том, что служанка моя раз напилась, и ее полицейские забрали. С тех пор я долго не решалась другую прислугу нанять. Никак теперь не вспомню, когда же это случилось. Думаю, до появления барона. А может, и нет. Но наверняка это было до болезни мадам Р**. Точно, ведь я тогда так напугана была — такое не забудешь. По-моему, мадам Р** лечил доктор Марсден.

Он с бароном был на дружеской ноге. Барон всем нравился — такой добродушный и такой заботливый с женой. О ней мы не очень думали. Была она очень тихая, но он ее вроде как не очень интересовал. По-баивалась она его, вот что. Мне иногда казалось, что у нее с головой не всё в порядке. Барон всегда с ней был ласков. Со всеми он был добр. Никогда от него ни о ком слова дурного не услышишь, разве что один раз. Речь зашла о молодом Олдридже, приятеле Ричарда. Он жил у нас¹. Он устроил шум и потревожил мадам Р**. Однажды ночью он пришел сильно нетрезвым, и барон попросил меня сделать ему предупреждение. Если, говорит, мистер Олдридж останется, тогда я съеду. Ну я, конечно, сразу парня предупредила о выселении. А он сказал, что это со злости. Конечно, я знала, что это не так. Он говорил, что не был пьян, но полисмен нашел его лежащим возле порога. Не помню уже, что он сказал. Какую-то ерунду про барона. Не представляю, по какой причине у них могла возникнуть ссора. Помню, только однажды он сказал, что мадам Р** ходит во сне. Не знаю, что бы это могло значить. Не думаю, что дело было в этом, нет, не могло такого быть. Барон пожаловался, что его потревожили, только и всего. Меня ничего не беспокоило. Мы с ним соседствовали. Может, что-то и происходило, да про-

¹ Эта часть показаний миссис Браун имеет отношение скорее к той части дела, что изложена в Разделе VII; однако я решил оставить все без перестановок. — Р. Х.

сто не запомнилось. Конечно, что-то было, ведь он домой пришел нетрезвым. Мадам Р** могли потревожить, а я спала, я иногда крепко сплю. Не припомню, когда это случилось и когда он покинул дом. У меня вообще с датами плохо. Мой покойный благоверный всегда все помнил, он был человек в этом смысле правильный. А у меня нет ни книг для записей, никаких бумаг, чтобы свериться. Вот все, что я могу вам по этому поводу сообщить».

3. Свидетельство миссис Траубридж

«Меня зовут Эллен Траубридж. Мой муж моряк, он капитан небольшого угольщика. Мы живем в Шорхэме близ Брайтона. У меня есть дочь по имени Эллен. Ее мужа зовут Ричард Браун. Он в Австралии. Уехал туда в 1856 году. Дату не помню — в апреле или в мае. На корабле под названием «Мария Сомс», отплывшем из Грэйвсенда. Моя дочь вышла замуж 14 апреля, незадолго до того, как они уплыли. Она с молодым Брауном была помолвлена в течение трех или четырех лет. Домой он вернулся, чтобы жениться на ней, а когда именно — забыла. Должно быть, за месяц до свадьбы, что-то вроде того. Браун очень торопился обратно в Австралию. Для скорости он хотел жениться по доверенности, но я ему сказала, что это повлекло бы ненужные расходы. В первое же воскресенье его пребывания здесь их брак был освящен. По-моему, именно в этот день, если я не ошибаюсь. Дочь моя была на работе, в магазине в Брайтоне. В течение недели

*Он говорил, что не был пьян, но полисмен
нашел его лежащим возле порога.*

она ночевала у подруги, а на выходные приезжала к нам. Браун у нас всегда появлялся по субботам. Ездил к нам на недорогом экскурсионном поезде. Приезжал в Брайтон, заходил за Нелли, и они вместе пешком добирались до Шорхэма. Затем рано утром в понедельник они обычно отправлялись в город. А в другое время он у нас не появлялся, нехорошо это. Нелли бывала дома только по воскресеньям. В остальное время он жил у своей матери. Нелли не могла отлучиться из магазина, в котором работала. Я бы ему не разрешила жить в Брайтоне, боялась, слухи ненужные пойдут. Так что, насколько я знаю, в основном он проживал там, у себя дома. Свадьбу отмечали дома у миссис Браун. У нее был квартирант один иностранный. Он из города уехал на два или три дня и предоставил нам свои комнаты. После свадьбы молодой Браун и моя дочь отправились на несколько дней в Саутхенд. Не могу сказать точно, на сколько — на неделю, а может, на две. В субботу, накануне их отплытия, мы все поехали в Грэйвсенд с ними повидаться и проводить. Корабль отплывал в воскресенье. Мы направились в Рошервилль, а заночевали в Грэйвсенде. Мои тамошние друзья предоставили нам ночлег. Миссис Браун вернулась назад в воскресенье, а я осталась. С нами был молодой человек по фамилии Олдридж, товарищ Брауна. Мне он не очень нравился. Он вернулся вместе с миссис Браун. Думаю, он у нее снимал комнату. Не могу вспомнить, когда именно молодой Браун прибыл домой. Наверное, где-то в марте».

4. *Свидетельство доктора Марсдена*

«Меня зовут Энтони Марсден. Я врач. Проживал в свое время в доме миссис Браун, на Рассел-Плейс. Три или четыре года тому назад я стал ощущать, что атмосфера Лондона начинает сказываться на моем здоровье и решил перебраться куда-нибудь в предместье. Я завел себе небольшую практику в окрестностях Сент-Джонс-Вуд, расставшись с большинством моих лондонских пациентов. Вместе с тем я не желал совсем от них отказываться, а потому снял две комнаты в доме, принадлежащем миссис Браун, где бы я мог консультировать моих пациентов, проживая при этом по соседству. В течение какого-то времени я выезжал туда по понедельникам и пятницам, но вот через какое-то время первый и второй этаж дома миссис Браун занял барон Р**. Поначалу он мне не очень понравился. Барон производил впечатление человека-обманщика. Однако он стремился со мной познакомиться; как выяснилось, этот человек был весьма сведущ в науках. Нередко мы с ним беседовали на тему гипноза — барон явно принадлежал к числу его приверженцев. Не скажу, что я абсолютно не верил в эффективность гипноза; собеседник же мой выступал в его защиту очень убедительно. Я и в самом деле не знаю, как объяснить многие непонятные явления. Судя по всему, барон прекрасно разбирался в химии, и иногда мы с ним проводили исследования вместе. В задней части дома, на цокольном этаже, имелась небольшая комната, которую барон использовал как лабораторию. Он пред-

ложил мне ею воспользоваться, и я частенько там бывал. Он все время занимался различного рода опытами, какими-то хитроумными проектами. В лаборатории имелся широкий ассортимент всевозможных химических веществ и препаратов. Иногда я просил барона изготовить лекарство для какого-нибудь несостоятельного пациента, и он соглашался. В период нашего знакомства барон занимался лабораторными экспериментами с различными металлами, в частности с ртутью, сурьмой, свинцом и цинком. Полагаю, он провел тщательную подготовительную работу. Думаю, эти исследования были направлены на то, чтобы найти способ лечения недуга, распространенного среди художников — так называемой «свинцовой коликой». Лаборатория располагалась в отдалении от всех прочих помещений. Между ней и остальной частью дома имелось некоторое открытое пространство с одним лишь коридором. Доступ в этот коридор закрывался стеклянной дверью, в конце его имелась деревянная дверь, через которую можно было попасть в лабораторию. Обе эти двери всегда были закрыты, но, как правило, не заперты. Я говорил барону, что их следовало бы запирать, он же отвечал, что туда никто не ходит. Он мог притворить дверь в лабораторию при помощи гири. А в стеклянной двери уже была трещина. Я часто пользовался лабораторией барона, иногда в его отсутствие. Он никогда не пытался скрыть от меня свою лабораторную деятельность — все было на виду. Я следил за состоянием здоровья мадам Р**

на протяжении почти всего времени, что она болела. Не берусь с точностью утверждать, какого именно числа мадам Р** заболела. На начальном этапе ко мне обращались за помощью нерегулярно, поэтому в своем журнале я это не зафиксировал. Барон ко мне обратился за дружеским советом через два или три дня после начала заболевания его жены — именно так. Думаю, это было на третий день. По крайней мере, не позднее чем на второй день. Когда я говорю “на второй день”, это означает, что между той ночью, когда мадам Р** стало плохо, и тем моментом, когда ко мне обратился за консультацией барон, минул, по крайней мере, целый день. Не могу поклясться, что прошло больше времени, но, должно быть, это так. Барон описал мне симптомы, и изначально я решил, что болезнь напоминает английскую холеру, однако к тому времени эпидемия практически закончилась, и я воздержался от подобного диагноза. Через две или три недели у мадам Р** случился новый приступ, не столь ярко выраженный, и барон занимался лечением жены самостоятельно. Во время моего визита в город он поведал мне о применяемой им лечебной методике, и я полностью с ней согласился. Однако приступы продолжали повторяться, и тогда барон попросил осмотреть больную и назначить лечение. Профессиональный осмотр этой пациентки я впервые провел 23 мая 1856 года¹.

¹ См. записи в дневнике миссис Андертон от 25 мая и 10 июня: Раздел III, 3.

Это было через два дня после третьего или четвертого приступа, имевшего место 21 мая. С тех пор как я стал осматривать эту пациентку постоянно, я начал делать записи в журнале. Выдержки из моего журнала прилагаются (*смотри далее № 5*). Я отслеживал состояние здоровья мадам Р** в течение всего периода ее болезни. Как видно из моих записей, приступы возобновлялись примерно каждые две недели. Их интенсивность возросла к 10 октября 1856 года. В течение последующих трех или четырех дней ее состояние можно было охарактеризовать практически как “in articulo mortis” (“при смерти”). Надежды на ее выздоровление не было. Новый приступ должен был стать роковым. К счастью, болезнь пошла на убыль, и ожидалось, что по истечении двухнедельного срока не последует рецидива. С этого момента мадам Р** начала медленно, но верно идти на поправку, и, несомненно, ее здоровье полностью бы восстановилось, если бы не несчастный случай, оборвавший ее жизнь. Заболевание мадам Р** было весьма сложного характера. Видимо, имел место хронический гастрит; однако его периодические обострения были в крайне острой форме и имели место с четко обозначенным временным интервалом. Крайне странная форма патологии. Фактически налицо были все признаки хронического отравления сурьмой, описанные доктором Майерхофером в “Хеллеровском архиве, 1846”; на них ссылается профессор Тэйлор в своей работе «Яды» на стр. 539. Имеется также много весьма характерных схожих

черт со случаями Мамуллена и Хардмана, упомянутыми проф. Тэйлором на той же странице его труда; они были зарегистрированы в “Отчетах Гайс Хоспитал” за октябрь 1857 года. По мере развития событий я с максимальной деликатностью поинтересовался у барона: не подозревает ли он кого-либо в злоумышленных действиях? Поначалу он был озадачен такой постановкой вопроса, но после дальнейших обсуждений решил подумать над этим более серьезно. Мы с ним внимательно изучили материалы по имевшим место аналогичным случаям. И барон переводил для меня работы доктора Майерхофера, поскольку я не владею немецким языком. По предложению барона мы провели ряд стандартных анализов с последующей проверкой результатов в его лаборатории. Барон всегда заботился о том, чтобы запас необходимых химикатов был достаточным и никогда не разрешал выбрасывать пузырьки и проч. Таким образом в нашем распоряжении оказались остатки всех препаратов, которые были использованы для лечения мадам Р**. Мы решили подвергнуть их тщательному анализу на предмет выявления наличия мышьяка и сурьмы. Никаких следов этих веществ обнаружено не было. Барон проявил живейший интерес к этой работе — он ею и занимался. Я вряд ли справился бы с этим сам, такого рода практика мне была непривычна. Я доверился барону, ибо у него была репутация искусного химика, и подобная работа была для него обыденным делом. Мой вклад состоял в изучении готовых результатов

и сопоставлении их с данными, описанными профессором Тэйлором. Я не взял на себя труд убедить-ся в точности проведенных исследований, равно как и их соответствии надлежащей процедуре химического анализа. Так, например, если из пузырька с этикеткой “азот. кисл.” берется прозрачная жидкость с явными признаками азотной кислоты, я склонен был считать, что используется именно это вещество, и никакое другое — это же относится и к прочим используемым при анализе химикатам. На мой взгляд, иначе и быть не могло. Я также не заботился о том, чтобы удостовериться в оригинальности состава препаратов, подвергаемых проверке. Если и имел место какой-либо суррогат, то сделать это мог только сам барон. Не исключено, что под моим наблюдением барон проводил фиктивные исследования, так как для него не составляло никакого труда подменить один препарат другим и тем самым ввести меня в заблуждение. То есть это мог сделать барон. Он сам, или же при его попустительстве. Таковы были сложившиеся обстоятельства. Но для подобных подозрений у меня нет оснований, ни тогда, ни теперь. Подобное предположение входит в противоречие с каждым аспектом этой истории. Барон был глубоко привязан к своей жене. Он щедро обеспечивал ее всем необходимым, включая лекарства и сестринское обслуживание; следует также принимать во внимание его собственный профессиональный подход к лечению. Заботясь о мадам Р**, барон предпринимал необходимые меры предосторожно-

сти, так что попытка применения токсичного вещества неизбежно стала бы очевидной. У него не было никакой возможности совершить отравление моей пациентки, поскольку он сам твердо настаивал, что бы пища и лекарства были приготовлены и поданы его жене сестрами. После того как я высказал свои предположения о возможном отравлении, барон всеми силами содействовал выявлению такого рода потенциальных опасностей. И последнее, результатом болезни мадам Р** было выздоровление, хотя все подозрения уже были отмечены. Итак, вменение в вину отравления я считаю недопустимым, с учетом всех вышеупомянутых обстоятельств».

5. Выдержки из дневниковых записей

доктора Марсдена¹

23 мая. Мадам Р**: тошнота, рвота, расстройство желудка, усиленное потоотделение, общее ослабление организма. Пульс слабый, 100. Состояние подавленное. Острые боли в брюшной полости. При пальпации живот мягкий. Язык белый.

¹ Эти записи, безусловно, представляют интерес для людей, занимающихся медициной; рядовой читатель может их пропустить. Некоторые детали неизбежно опущены. Кроме того, те подробности метода лечения, применяемого доктором Марсденом, которые не имеют существенного отношения к расследуемому делу, также не включены в данный материал — они имеют отношение исключительно к симптомам заболевания мадам Р**, а потому представляют для читателя избыточную информацию. См. свидетельство доктора Ватсона, Раздел III, 2.

26-е. Мадам Р**: небольшое улучшение, тошнота и болевой синдром менее выражены.

30-е. Дальнейшее улучшение состояния мадам Р**.

2 июня. Мадам Р** лучше.

6-е. Так же.

9-е. Рецидив симптомов в субботу вечером¹. Обильная рвота, рвотная масса желтого цвета, с желчью. Пульс слабый, 105. Горло воспалено, небольшое сужение гортани. Язык обложен.

13-е. Некоторое ослабление симптомов. Курс лечения продолжается.

16-е. Так же. Язык слегка очистился. Пульс 100.

20-е. Состояние улучшается. Пульс более твердого наполнения.

23-е. Так же.

24-е. Срочный визит. Прошлой ночью симптомы возобновились. Тошнота, обильная рвота — ярко-желтый оттенок, с желчью. Горло воспалено, язык обложен. Живот при пальпации мягкий. Слабо выраженная диарея. Пациентка ощущает покалывание в конечностях.

27-е. Небольшое улучшение.

30-е. Незначительный прогресс. Пульс тверже.

3-е июля. Дальнейший прогресс, особенно в области гортани. Потоотделение по-прежнему усиленное. Менее ощущается покалывание в конечностях.

¹ 7 июня. — Р. Х.

6-е. Дальнейшее улучшение. Пульс несколько увереннее, 110.

(С 10-го по 20-е находился в Глостершире.)

20-е. Небольшое обсуждение. По словам барона, приступ начался вскоре после моего последнего визита, а восстановление на этот раз произошло быстрее.

24-е. Имеется прогресс, но не ярко выраженный. Пульс 110.

27-е. Вчера был рецидив. Симптомы все те же, но более обостренные. Носоглотка воспалена, нарывы. Потливость. Боли в животе. Жалобы на свинцовый привкус во рту. Пульс слабый, 115. Отравление сурьмой? Ваше слово, барон.

31-е. Анализы — удовлетворительные. Симптомы слегка ослабли.

3-е августа. Продолжается улучшение. Пульс 112.

7-е. Так же.

10-е. Снова рвота и проч. Общее обострение симптомов. Пациентка в обессиленном состоянии.

24-е, 28-е, 31-е. Небольшое улучшение.

4 сентября. Улучшение есть, но незначительное.

7-е. Очередное резкое обострение. Рвота, цвет — ярко-желтый, много желчи. Диарея. Пульс слабый, с перебойми, 120. Сильнейшее потоотделение. Легкий бред. Выраженное воспаление и сужение гортани. Конвульсивные подергивания конечностей. Истощение организма.

10-е, 14-е, 18-е. Весьма незначительное ослабление симптомов.

21-е. Обострение симптомов. Пульс 125. Полная прострация.

25-е, 28-е. Состояние незначительно улучшилось. Пульс 125. Бредит.

1-е, 4-е, 8-е октября. Симптомы слегка ослабли.

11-е. Новое обострение всех симптомов. Пульс 132, с перебоями. Болезненный румянец. Выраженные конвульсии конечностей. Пациентка практически лишилась дара речи. Полное истощение организма. Вряд ли доживет до утра.

12-е, 13-е, 14-е. Специальные визиты. Ощутимых перемен не наблюдается.

15-е. Пульс более наполненный, 136.

Н. В. Началось медленное, но стабильное выздоровление.

6. Служебная записка мистера Хендерсона

Исходя из не совсем четкого предшествующего свидетельства — это что касается точных дат, — мне было, как вы понимаете, непросто определить, когда же именно произошел первый приступ болезни мадам Р**. В ходе расследования всех обстоятельств дела я был склонен принять к сведению и такую, не самую определенную информацию и не утруждал себя попытками свести воедино разрозненные факты относительно дат происшедших событий. В конечном счете мне все же удалось установить необходимую ясность, и, коль скоро это было достаточно проблемно, я предлагаю вам проследить ход моих рассуждений шаг за шагом.

Задача установления истины осложнялась еще и тем, что в тот день миссис Браун находилась в доме одна, а на ее память, даже если бы ей и удалось что-то припомнить, вряд ли можно было полагаться. Однако ж, поразмыслив, я решил, что заблуждаюсь на этот счет; у меня зародилась надежда, что этот факт, если правильно к нему подойти, может стать не преградой, а подспорьем в моем расследовании. Я стал рассуждать следующим образом.

У миссис Браун нет сомнений относительно только двух фактов: ее сын находился тогда в Англии, а она в обсуждаемый день была в доме одна. Следовательно, все, чего мы в данном случае можем добиться, это: во-первых, определить временные рамки этих двух событий и, во-вторых, методом исключения установить день (или дни), когда эти события совпадали.

Результат оказался куда более исчерпывающим, чем я мог предположить в начале своего анализа ситуации.

Для начала обсудим период времени, на котором сфокусировано наше внимание. Он явно ограничивается сроком пребывания Ричарда Брауна в Англии. Значит, в первую очередь надлежало уточнить даты его приезда и отъезда.

1. Наведя справки в Ливерпуле, я выяснил, что в течение марта 1856 года в порт прибыли следующие суда из Мельбурна:

Судно	Капитан	Владелец	Прибытие
«Джеймс Бэйнс»	МакДоналд	Джес.Бэйнс & К°.	4 марта
«Лайтнинг»	Энрайт	« »	24 марта
«Эмма»	Андервуд	Пилкингтон Брос	27 марта

Судно «Джеймс Бэйнс» отплыло из Мельбурна 28 ноября, а «Лайтнинг» — 28 декабря. Точную дату отплытия «Эммы» установить не удалось, но это не так принципиально для нашего дела.

Фрагмент газеты, который сохранился у миссис Браун, не содержит даты, и сперва мне было непонятно, как разрешить эту загадку. Но вот я обратил внимание на текст последнего абзаца:

ПОДХОДЯЩАЯ ПОГОДА! — За последние четыре дня столбик термометра не опускался ниже отметки девяносто градусов в тени. Интересно, каково бы было нашим друзьям в Англии исполнять свои Рож... сны при такой...

Остальная часть текста отсутствовала, однако восстановить недостающие буквы не составляет труда — это не что иное, как *«Рождественские Песни»*. Из этого следует, что этот номер газеты вышел в свет после того, как «Джеймс Бэйнс» отплыл 28 ноября. Стало быть, Ричард Браун прибыл либо на «Лайтнинге», либо на «Эмме», причем первое из упомянутых судов появилось в ливерпульском порту 24 марта. Самая ранняя дата, с которой надлежит провести наше расследование — 25 марта.

2. Итак, во время своего пребывания в Англии Ричард Браун женился на некой молодой особе. От

ее матери, миссис Траубридж, я узнал, что молодые отправились в Сидней на корабле «Мария Сомс». Миссис Браун не смогла вспомнить дату отплытия этого судна. Я просмотрел подшивку «Таймс» за апрель 1856 года и обнаружил, что оно покинуло Грэйвсенд 23-го числа этого месяца. Значит, стоит сконцентрировать внимание на временном отрезке между 25 марта и 25 апреля 1856 года.

3. Как следует из свидетельства миссис Браун, в этот период Ричард Браун постоянно находился дома, за исключением субботних и воскресных дней. Соответственно, речь идет о нижеперечисленных датах: 29 и 30 марта, а также 5, 6, 12, 13, 19 и 20 апреля.

4. В своих показаниях доктор Марсден ясно дает понять, что он не видел мадам Р** по крайней мере «один целый день», прошедший после приступа болезни. Доктор Марсден приходил каждую неделю по понедельникам и пятницам. Получается, что приступ произошел не в воскресенье. Список анализируемых дат сокращается: 29 марта, затем 5, 12 и 19 апреля.

5. Из свидетельства миссис Таунбридж следует, что миссис Браун и прочие гости заночевали в Грэйвсенде в субботу, накануне отплытия «Марии Сомс», то есть 19 апреля миссис Браун не было в городе. Список дат становится еще короче: 29 марта, 5 и 12 апреля.

6. Согласно показаниям миссис Браун, в субботу и воскресенье, накануне свадебного торжества,

в доме ночевал приятель ее сына по фамилии Олдридж. Свадьба состоялась 14 апреля, и это означает, что 12 апреля миссис Браун была не одна. Вывод: событие, о котором идет речь, могло случиться либо 29 марта, либо 5 апреля.

В какой-то момент я засомневался в правильности хода своих рассуждений. Между тем ошибиться на неделю означало бы серьезно поколебать надежность всей цепочки фактов данного дела. Для того чтобы этого избежать, необходимо было точнейшим образом установить дату увольнения служанки. С этой целью я решил изучить полицейские архивы касательно судебного разбирательства по ее делу. Мне удалось выяснить, что...

7. Проступок, из-за которого ее уволили, служанка совершила в воскресенье, 30 марта. Таким образом, единственный день (из числа анализируемых), когда мог произойти первый приступ болезни мадам Р** — это 5 апреля. Ричард Браун находился в Англии, а миссис Браун в тот вечер была дома одна.

Полагаю, вы со мной согласитесь в том, насколько в этом деле было важным установить точную дату.

РАЗДЕЛ VI

1. Служебная записка мистера Хендерсона

А сейчас, в ходе рассмотрения этого незаурядного дела, я вновь считаю своим долгом обратить ваше внимание на завещание покойного мистера Уилсона. Согласно его воле, 25 000 фунтов было завещано мисс Боултон (впоследствии миссис Андертон), а после ее смерти — пожизненное право на собственность переходит ее мужу. В случае его смерти и при отсутствии наследников, родившихся от брака с мисс Боултон, означенная сумма поступала в распоряжение ее сестры. Учитывая вышеизложенные факты, мы имеем все основания считать, что ею была покойная мадам Р**. Если принять во внимание обстоятельства женитьбы барона, а также сказанное им в Богноре доктору Джонсу относительно возможного материального ущерба в случае смерти мадам Р**, становится очевидным, что барон все учитывал: оформленные полисы страхования жизни мадам Р** общим счетом составили именно сумму в 25 000 фунтов. Он был полон решимости избежать финансовых рисков в случае, если его жена умрет раньше своей сестры. Вот и все,

что нам требуется на данный момент. И женитьба барона, и оформление страхования сопряжены с какой-то загадкой, покрыты неким таинственным облаком. Нам еще предстоит с этим окончательно разобраться в ходе анализа всех аспектов дела. На данном этапе совершенно ясно, что барон воспринимал свою жену как сестру миссис Андертон, и, как следствие, наследницу завещания мистера Уилсона. Для барона чета Андертонов являлась препятствием к получению вышеупомянутого наследства. Напрашивается вывод — он был напрямую заинтересован в их смерти.

После кончины миссис Андертон, — а вы имели возможность ознакомиться с обстоятельствами ее ухода из жизни, — единственным, кто теперь стоял на пути барона Р**, был муж покойной. Этот факт необходимо принимать во внимание при анализе причин смерти мистера Андертона.

Как я уже говорил, все свидетельства, на которых основывается предположение, повлекшее за собой разбор данного дела, подобраны неслучайно; они звенья одной цепи, и потеря одного ставит под сомнение все остальные. До тех пор пока все составляющие дела не будут выстроены поэтапно, шаг за шагом, в один ряд от начала до конца, они могут казаться изолированными и несколько хаотичными по своей сути, исключительными во многих отношениях, но не обязательно наводящими на подозрение. Вот почему, как я уже отмечал ранее, я счел важным представить вашему внима-

нию материалы дела, четко разделенные на соответствующие подборки фактов. До сих пор мы в основном рассматривали обстоятельства смерти миссис Андертон, подробности, связанные со схожим заболеванием мадам Р** и ряд других фактов, с ними связанных. Их влияние на последующие события мы проследим ниже. Теперь нам предстоит разобраться в особых обстоятельствах угасания еще одной жизни, жизни мистера Андертона. Этот человек вклинился в завещание мистера Уилсона и стал помехой.

В интересах дела я предлагаю рассмотреть практически те же данные, что были представлены в результате посмертного вскрытия миссис и мистера Андертон. В случае с миссис Андертон, как вам известно, диагноз патологоанатома звучал как «смерть от естественной причины»; при том что дело было отложено на две недели, чтобы произвести более тщательное изучение останков. Мистер Андертон в то время находился под домашним арестом. В его случае присяжные вынесли следующий вердикт: «Частично вменяемый, состояние крайнего помрачения рассудка вследствие смерти жены; связанные с этим подозрения оказались необоснованными». На данном этапе нас интересует поведение не столько мистера Андертона, сколько барона. Я опустил материалы, не имеющие к делу непосредственного отношения, и постарался дополнить свидетельские показания доктора Додсуорта и прочих, что позволило бы внести дополнительную ясность

в расследование. Представляю на ваше рассмотрение очередную подборку материалов дела, уделяя особое внимание поступкам барона Р**.

2. Свидетельство доктора Додсуорта

«Я проводил лечение покойной миссис Андертон, болезнь которой закончилась летальным исходом 12 октября 1856 года. В первый раз ко мне за помощью в связи с ее болезнью обратились 5 апреля¹ того же года. За мной прислали от мистера Андертона. По моему суждению, пациентка страдала от легкого приступа английской холеры; установить причину заболевания не представлялось возможным. Версия отравления представлялась необоснованной, учитывая временной интервал между последним принятием пищи и началом приступа. Этот интервал составлял три или четыре часа. Если бы болезненные симптомы были следствием отравления организма, они проявились бы значительно раньше, — к такому выводу я пришел, проанализировав ситуацию. Я отверг вариант воздействия яда при заболевании миссис Андертон. К аналогичному умозаключению пришел бы и сейчас, имея дело с каким-либо схожим случаем. Я назначил курс лечения, который можно было считать традиционным, учитывая состояние моей пациентки и симптоматику ее недуга. Мое лечение оказало терапевтический эффект, хотя и не столь быстрый,

¹ См. Раздел III, 3 и т. д.

как я ожидал. Я посетил мою пациентку несколько раз, поскольку ее организм после приступа оказался резко ослабленным. Примерно через две недели приступ возобновился, симптомы были практически те же, что и в первый раз. Правда, на этот раз более ярко выраженные, сопровождалась она тошнотой, рвотой, сильнейшим потоотделением, усиливающейся диареей. Пациентка жаловалась также на сердечную недостаточность и томление, схожее с предсмертным. Через последующие две или три недели наступил рецидив. Если во время предыдущих приступов ее язык был влажен и чист, то теперь он был покрыт слизистыми выделениями, обильно выделялась слюна. Ротовая полость и глотка были сильно воспалены, гортань сужена. Наблюдалось вздутие брюшной полости, при пальпации живот был мягким, печень увеличена, без затвердений. Пульс — слабого наполнения, учащенный. По мере развития болезни имело место прогрессирующее учащение сердечных сокращений, достигая пика в 130–140; сердечная недостаточность вкупе с глубокой депрессией продолжала нарастать. С каждым днем силы пациентки таяли. Приступы продолжали повторяться с интервалом в две недели, симптомы становились все более ярко выраженными. Мистер Андертон был в полном отчаянии. С того момента как симптомы приняли угрожающий характер, он почти не отходил от жены, кормил ее и давал лекарства. Насколько мне известно, в течение всей ее болезни этим занимался исключительно мистер

Андертон. Она сама об этом говорила в моем присутствии незадолго до своей кончины. Последние недели своей жизни она почти ничего не ела и с трудом глотала лекарства, так как любое движение сопровождалось сильными позывами к рвоте. Это усугублялось также болезненным сужением гортани, слизистая которой была сильно раздражена. Болезнь прогрессировала, рвотные массы приобрели ярко-желтый оттенок, с примесью желчи. Возрастала нагрузка на сердце, периодически наступала остановка дыхания. Сердечно-сосудистая активность находилась в угнетенном состоянии, нижняя часть тела пациентки была практически обездвижена — конечности затвердели, а весь корпус ниже талии похолодел и отяжелел. При этом в верхней части тела миссис Андертон ощущала жар и воспаление. Она страдала от хронической бессонницы, и ее постоянно бросало в холодный пот. Удивительно, что, несмотря на бессонницу, каждому новому приступу болезни *предшествовало состояние дремоты* продолжительностью несколько часов. Оно обрывалось после появления очередных, все более страшных симптомов. Я испробовал все имеющиеся на такой случай средства, однако они не оказывали длительного эффекта. Я был озадачен столь атипичным развитием болезни. В особенности меня смущал ее прерывистый характер, периодическое возобновление симптомов по возрастающей, как я уже отмечал ранее. Интервалы были четко обозначены — каждые две недели. Я поделился своими соображениями

с мистером Андертоном и спросил, не считает ли он нужным проконсультироваться с кем-либо еще. По его настоятельной просьбе я согласился, хотя с некоторой долей сомнения, встретиться с бароном Р**. Мне дали понять, что это дипломированный специалист, получивший университетское образование за рубежом; правда, практикует он на непостоянной основе. Впервые я проконсультировался с ним 12 июля¹.

[Далее доктор Додсуорт повествует о том, как он в конечном счете принял решение об этой встрече, и как был впечатлен глубокими познаниями барона в химии.]

Однако после осмотра пациентки и обсуждения характера симптомов ее болезни, а также применяемой терапии, мне оказалось нелегко добиться от него (барона) каких-либо высказываний по теме. При этом он полностью одобрил проводимый курс лечения, и после дополнительного обсуждения мы расстались. Этот разговор состоялся в комнате миссис Андертон; проходя мимо умывальника, барон внезапно взял с него пузырек и, резко обернувшись ко мне, спросил: «А это вы пробовали?» Как выяснилось, это была настойка танина, ее часто используют для зубов. Я был озадачен внезапностью вопроса и ответил отрицательно, тема была закрыта. По пути домой меня мучил этот необычный вопрос барона. Внезапно меня осенило: танин, то есть дубильная

¹ См. Раздел V, 5.

кислота, является противоядием при отравлении сурьмой. Симптомы подобного отравления, которым уделил внимание профессор Тэйлор при анализе дела об убийстве Раджели, были весьма схожи с теми, от которых страдала миссис Андертон. Поначалу такое предположение могло прояснить этот странный случай; однако, поразмыслив, я отказался от версии отравления, поскольку дать миссис Андертон яд никто не мог, кроме ее собственного мужа. Заподозрить его в этом было просто невозможно. Нежнейшая привязанность друг к другу у этой супружеской пары была совершенно очевидна. Однако после дальнейших раздумий я все же решил попробовать воспользоваться намеком барона. Вместе с другими препаратами больная стала принимать большие порции отвара дубовой коры. Мои подозрения поначалу усилились, прогресс от применения вышеупомянутого средства был налицо. Воспользовавшись случаем, я поинтересовался у мистера Андертона, — как бы между прочим, в присутствии сиделки, — имеются ли в доме рвотный камень или сурьмяный раствор. Из его ответа можно было заключить, что этих веществ здесь точно нет, вопреки предположениям барона. Через день или два я повстречался с этим господином и пожелал узнать, на каком основании он сделал подобное предположение. Однако барон предпочел перевести разговор, ограничившись простой констатацией факта: ему известно, что применение предложенного им средства при лечении аналогичных заболеваний способ-

но дать весьма обнадеживающий результат. По его мнению, это может помочь и в нашем случае. И все же, то, как он излагал свою мысль, и в особенности акцентирование им внимания на необходимости строго отслеживать соблюдение диеты пациентки, навело меня на мысль: барон по-прежнему во власти своих сомнений, объектом их является мистер Андертон, а поскольку они дружны, барон предпочитает свои сомнения не афишировать. Несколько дней тому назад барон вновь выказал свое сомнение; тогда я не придавал этому особого значения. Больная продолжала пить отвар дубовой коры. А я принял решение — в случае возобновления острого приступа, необходимо будет провести химический анализ. С этой целью в конфиденциальном порядке я отдал соответствующие распоряжения сиделке, на которую вполне мог рассчитывать. Ей надлежало вплоть до моего прихода ничего не убирать из комнаты пациентки. Благотворное воздействие дубового отвара продолжалось в течение десяти или двенадцати дней. Но вот за мной вновь срочно прислали. Глубокой ночью у миссис Андертон случился сильнейший приступ. Сделав все, что было в моих силах, для облегчения состояния пациентки, я взял необходимые пробы для проведения лабораторного анализа. Но ни сурьмы, ни мышьяка, ни каких-либо других отравляющих веществ обнаружено не было. Поскольку к этому времени дубильная кислота уже не давала необходимого терапевтического результата, я пришел к выводу — подозрения барона не име-

ли под собой никаких оснований. Я возобновил прежний курс лечения, варьируя его время от времени исходя из обстановки. Остановить дальнейшее прогрессирование болезни не представлялось возможным. Я склоняюсь к мысли, что характер заболевания был связан со спецификой организма пациентки, а также наследственными особенностями. Мистер Андертон как-то упомянул, что мать пациентки страдала от какого-то внутреннего заболевания. Симптомы его он описать мне не смог. На заключительном этапе болезни миссис Андертон почти все время пребывала в беспамятстве. Смерть последовала в результате полнейшего истощения ее организма. Я предложил мистеру Андертону согласиться на вскрытие, с тем чтобы установить истинную причину смерти. Он воспринял это крайне болезненно, я же находился в состоянии нервного перенапряжения и настаивать не стал. Барон, судя по всему, также не советовал ему соглашаться. Впоследствии пришло постановление о проведении дознания. В результате я ассистировал при проведении экспертизы, осуществляемой мистером Прендергастом. В теле покойной сурьмы обнаружено не было, и результат проведенного анализа был зафиксирован в отчете мистера Прендергаста. Я, со своей стороны, не имею против этого документа никаких возражений. Принимая во внимание все обстоятельства дела, я был и остаюсь совершенно уверен, что мистер Андертон абсолютно невиновен в преступлении, которое ему инкриминируют».

В ответ на запросы со стороны мистера Хендерсона, сделанные им в различное время, доктор Додсуорт сообщил следующее:

«1. Обсуждая с бароном его предложение использовать танинную настойку, я прямо спросил, есть ли у него какие-либо подозрения относительно наличия яда. Он отрицал такую возможность, но с долей сомнения в голосе. Поэтому можно было судить о том, что у барона все же имеются некие подозрения.

2. Я проинформировал барона, что больная стала принимать отвар дубовой коры наряду с другими схожими препаратами — результаты обнадеживающие. Барон улыбнулся в ответ и сменил тему беседы.

3. На вскрытии барон не присутствовал, хотя изъявлял большое желание. Мистер Прендергаст был столь категорически против, что мне пришлось барону отказать; вместе с тем я пообещал телеграфировать ему результаты. Вскрытие было произведено в Бирмингеме, где в то время проживал мистер Прендергаст. Я прилагаю копию сообщения, отсланного барону. Он предлагал свою помощь при удалении из тела внутренностей, но я отклонил это предложение, ибо мистер Прендергаст специально попросил меня проследить, чтобы во время экспертизы не был допущен никто из посторонних, кроме меня самого и кого-либо из студентов или докторов местного стационара — по мере необходимости. Считаю, что эта мера предосторожности была

весьма целесообразной, и я ей следовал неукоснительно.

4. Я полагал, что изначально барон был раздражен тем, что его не допустили принять участие в вышеупомянутой процедуре. По-видимому, у него к этому случаю был особый интерес. Сам он не обращался с просьбой телеграфировать ему результаты исследования. Впоследствии он сам мне прислал письмо, затрагивающее эту тему.

5. Мистер Прендергаст желал исключить возможность какого-либо повреждения обследуемых останков, именно поэтому он и предпринял соответствующие меры предосторожности.

6. Говоря “повреждение”, я имею в виду удаление следов ядовитых веществ.

7. Конечно, при желании можно было сфабриковать следы яда, которых на самом деле не было. В этом мог быть заинтересован лишь тот, кому выгодно было обвинить невиновного человека в совершении убийства, и мы, безусловно, стремились этого не допустить.

8. Понятно, что если бы такая попытка удалась, то появилось бы убедительное доказательство вины мистера Андертона.

9. Мне вспоминается один случай, когда барон недвусмысленно выказал свои подозрения. Однажды утром мы обсуждали сложившуюся ситуацию, находясь в комнате мистера Андертона. Мне понадобилось запечатать конверт с письмом, и барон зажег для меня тонкую свечу, воспользовавшись при этом

обрывком бумаги из мусорной корзины. Внезапно что-то привлекло его внимание, он разгладил этот обрывок и показал его мне. Там можно было разобрать только несколько букв, часть листка была оторвана, часть обожжена. Буквы были следующие: "...ТНЬЙ КАМ...", а также еще одна, похожая на «Е». Ниже просматривалась верхняя часть заглавной буквы «Я». Я не обратил на все это особого внимания, и вскоре позабыл об этом обрывке бумаги.

10. Я не сомневаюсь в том, что этот листок был извлечен из корзины для бумаг, так мне сказал барон. Сам я не видел, как он вынимает листок из корзины, но помню, как он наклонялся. Для барона не составило бы никакого труда достать этот клочок бумаги из собственного кармана, но я не вижу для этого никаких логических обоснований. Единственная цель, которую мог преследовать барон, — очернить мистера Андертона. При этом свои подозрения барон предпочитал не демонстрировать открыто.

11. Каким-либо иным способом барон свои подозрения не выказывал, напротив, он всячески стремился подчеркнуть, как мистер Андертон заботлив по отношению к своей жене, и, что особенно примечательно, никому другому не позволяет давать ей пищу или лекарство...

12. Должен признать, что идея была очевидной: подозрения, выраженные косвенным путем, должны произвести большее впечатление, нежели открытое проявление враждебности. Вместе с тем, не мог же барон Р** и в самом деле на это рассчи-

тывать. Считаю своим долгом добавить, что, на мой взгляд, допустить такое, означает выйти за рамки официального расследования».

3. *Свидетельство миссис Эдвардс*

«Я работаю сиделкой, ухаживала за бедной миссис Андертон в течение всей ее болезни. Несчастливая леди пребывала в глубокой тоске. Несколько недель она находилась в ожидании смерти, пока в конце концов не перешла в мир иной. Видимо, она считала себя обреченной. Не думаю, что у нее были подозрения по поводу умышленного отравления. Бедная, милая леди, я уверена, ни у кого и в мыслях не было ее отравить. Мистер Андертон был предан ей всецело. Такого любящего супруга я в жизни своей не встречала. Я готова была помогать ему во всем, ведь он так заботился о своей бедной жене. По-моему, он от нее не отлучался. Бывало так, что он почти ничего не давал мне делать самой, и мне это было не по душе. Скажем, жидкую пищу или лекарства подавал ей только сам. В основном она лишь кашкой и питалась, ничего другого есть была не в силах. От мяса ей становилось дурно. В течение последних двух месяцев своей жизни она принимала всё только из рук мистера Андертона. Лекарства он ей давал строго по часам. Из кухни любая еда для нее доставлялась сначала к нему в кабинет, а уж оттуда он сам всё приносил своей жене. Нечасто ему удавалось убедить ее что-нибудь съесть. Ей, бедняжке, иногда просто хотелось сделать своему мужу

приятное, но в последние отпущенные ей несколько недель ей стало настолько худо, что желудок уже ничего не принимал. Мистер Андертон ночевал постоянно на матрасе в ее комнате, чтобы быть рядом в случае необходимости. Матрас находился рядом с кроватью миссис Андертон, и никто не мог к ней приблизиться, не разбудив ее мужа. У него был очень чуткий сон. Он мог проснуться от малейшего звука. Я мистеру Андертону говорила: если он себя вот так совсем изведет, что же тогда будет с нашей бедной леди? Пару раз мне удалось убедить его немного прогуляться. Он соглашался при условии, что я ни в коем случае не покину комнату миссис Андертон в его отсутствие. Даже когда мистер Андертон находился в своем кабинете, я обязана была быть рядом с его женой. Если мне нужно было по каким-то делам отлучиться, мне следовало ему позвонить. Кто-нибудь из нас все время был подле миссис Андертон в последние шесть недель ее жизни. Когда дела стали совсем плохи, появилась еще одна сиделка. Теперь нас было трое, и мы обеспечивали уход по заведенному порядку. Я сама уже начинала выбиваться из сил, так что еще одну сиделку было необходимо пригласить. Как удавалось держаться мистеру Андертону — не представляю. После кончины госпожи он совсем пал духом. Боюсь, что бедный мистер Андертон помутился рассудком. Помню, доктор у него как-то спросил, имеется ли в доме рвотный камень, на что мистер Андертон ответил: “Нет, но если надо, можно достать”. После этого продол-

жения никакого не последовало, насколько мне известно. Я об этом вспомнила вскоре после смерти бедной госпожи. Вообще говоря, ничего особенного: просто я нашла в ее комнате листок бумаги, на котором были напечатаны слова “рвотный камень”, только и всего. А внизу добавлено: “Яд”. Я взяла этот листок и показала барону. Не знаю, зачем я это сделала. Быть может потому, что он находился в доме. Позднее я этот листок передала адвокату, и он его забрал под свою ответственность. Лично у меня никаких подозрений и в помине не было. Я и сама не знаю, зачем этот листок в руки взяла, как-то случайно получилось. Хозяину я его не показывала — не до того ему было, просто убит горем. Таковы мои показания, которые я дала в ходе расследования. Добавить мне нечего. Я уверена, что миссис и мистер Андертон были в очень нежных супружеских отношениях. Никогда не встречала такой супружеской пары. Оба они очень нравились барону. Миссис же Андертон была от него не в восторге, она к барону относилась с опаской. Я не знаю, по какой причине, она на эту тему не распространялась. Скорее всего, он знал о ее отношении к нему и намеренно держался на расстоянии. Он был очень доброжелательный джентльмен. Со мной держал себя всегда подчеркнуто вежливо и обходительно. Барон частенько говорил мне, насколько заботлив мистер Андертон по отношению к своей супруге; упоминал о том, что лекарства и всё прочее он ей подает только сам. Помню, как-то раз барон заметил, что вряд

ли кто-либо сможет дать ей что-либо вредоносное для здоровья без ведома ее мужа. Что-то вроде этого он сказал. Барон не скупился на всяческие похвалы в адрес хозяина. И я уверена, что мистер Андертон это заслуживал. Тот листок я показала барону. Если бы хозяин не был в такой печали, отдала бы ему. В тот день барон был в доме у мистера Андертона. Какое-то время вместе с доктором Додсуортом он находился в комнате несчастной леди, а затем расположился в гостиной, что-то ему надо было записать. Потом барон послал меня в ее комнату проверить, не обронил ли он там свою перчатку. Когда я ее искала, то обнаружила тот самый листок. Он лежал прямо под кроватью, а я наклонилась посмотреть, нет ли там перчатки барона. После смерти бедной леди комнату привели в порядок, и я подумала: как же можно вот так бумажки разбрасывать, а потом я прочитала эти слова. Кровать была без балдахина, его сняли, решив, что так будет приятнее. Сейчас я точно не помню, что именно тогда сказал мне барон, увидев этот листок. Как я поняла, у меня из-за этого могут быть неприятности. По этой причине я показала листок адвокату. Мой брат с ним раньше имел дело по поводу денег, которые должны были нам поступить. Затем листок был передан мировому судье, и началось расследование. По этому поводу я очень рассердилась, и барон тоже. Как же я могла повести себя так глупо, сказал он мне. Я и правда не знаю, зачем я так поступила с этим листочком. Барон мне что-то говорил, он не советовал мне пе-

редавать этот листок судейским. А в общем, он мне ничего не советовал, хотел, чтобы я тот листок сожгла. Я готова была вручить его барону, но он на это сказал, что побаивается, или что-то в этом роде. Видимо, оттого я и решила обратиться к адвокату».

4. Служебная записка мистера Хендерсона

Факты, изложенные в прилагаемом свидетельстве второй сиделки, практически совпадают с показаниями миссис Эдвардс, во всяком случае, в аспектах, касающихся их компетенции. В силу этого я счел целесообразным их не представлять сейчас на ваше рассмотрение.

Отчет мистера Прендергаста также прилагается. Он довольно объемистый и содержит детали сугубо технического характера, в частности:

«1. Во время внешнего обследования покойной миссис Андертон были выявлены все формальные признаки, присущие в случае отравления сурьмой.

2. Невозможно считать это результатом хронического гастрита или гастроэнтерита, хотя в определенном отношении наличие такого рода патологии не исключалось.

3. В результате самого строгого и тщательного исследования не было выявлено ни малейших следов наличия сурьмы или мышьяка в каких-либо органах и тканях.

4. Содержимое лекарства, которое усопшая успела принять напоследок, также было исследовано — с тем же самым результатом.

5. Воздействие предположительно токсичного вещества (если таковое вообще имело место) было продолжительным; если оно и попадало в организм покойной, то в малых дозах. Теоретически, оно должно было быть выявлено в тканях, а не в содержимом желудка и проч.

6. Если бы мы имели дело с отравлением, то его симптомы должны были бы проявляться в самой жесткой форме через непродолжительное время после приема пищи или лекарства, содержащего яд. В нашем же случае болезненные симптомы регулярно проявлялись поздно ночью, через несколько часов после приема пищи или медицинских препаратов.

7. На основании вышеизложенного можно сделать вывод: несмотря на подозрительные внешние признаки, выявленные при вскрытии, смерть все же наступила не от яда, а от атипичной формы хронического гастроэнтерита. Его специфические проявления в определенной степени связаны с особенностями организма усопшей».

5. Свидетельство сержанта полиции Эдварда Ридинга

«Я, в звании сержанта, служу в следственном отделе Муниципальной полиции. В октябре 1856 года я находился в Ноттинг-Хилле. Мне было поручено содержать под стражей джентльмена по фамилии Андертон. Согласно предписанию коронера, этот человек содержался под домашним арестом по подозрению в убийстве собственной жены. Моя зада-

ча заключалась в том, чтобы исключить возможность побега арестованного. Поначалу я находился при нем в его комнате, но потом стало ясно, что в этом нет необходимости. Получив разрешение от моего начальства, я перебрался в другое помещение — решил, что так будет лучше. Вообще, я в подобных ситуациях всегда стараюсь сделать как лучше, насколько мне позволяет мой долг, тем более когда речь идет о человеке благородном, как в данном случае. Как правило, находясь под домашним арестом, люди переживают даже сильнее, чем в стенах исправительного учреждения, — это им слишком непривычно. Этот арестованный был крайне удручен. Очень был слаб и настолько плохо себя чувствовал, что почти не вставал с постели. Лежал, все время глядя в одну точку, где-то в углу комнаты. То и дело что-то тихо говорил, но слов разобрать я не мог. Арестованный ни с кем не разговаривал, лишь один раз обратился ко мне с просьбой разрешить взглянуть на тело. У меня не хватило духу ему отказать, но я его сопровождал. Он совсем занемог и еле передвигал ноги. Я остался за дверью. Прошло около получаса, из комнаты покойной не доносилось ни звука. Я решил войти. Арестованный лежал на полу в глубоком обмороке, и я отнес его на руках обратно на кровать в его комнату. Больше он ни в какие разговоры не вступал и продолжал лежать, как прежде. Конечно же я принял все меры предосторожности. У него в комнате было две двери, одна выходила на лестничную площадку, дру-

гая — в помещение, где находился я. Наружную дверь я запер, закрепив ее с противоположной стороны тремя или четырьмя шурупами. Окно было расположено достаточно высоко, и выбраться через него представлялось маловероятным. Так или иначе, со стороны улицы наши люди за этим окном присматривали. По ночам я запираю дверь своей комнаты и оставляю открытой ту, что разделяла мое помещение и комнату арестованного. Периодически меня подменял сержант Уолш¹, но я предпочитал выполнять свое задание самостоятельно. У меня привычка — порученное дело выполнять самому, а этот случай был весьма необычным. Взяв под домашний арест этого человека, я первым делом тщательно обследовал все помещения, изучил все бумаги и все такое прочее. Я не обнаружил ничего предосудительного. Мною был найден дневник убитой леди. В конце ее записей была приписка, сделанная рукой арестованного. Судя по этим дневниковым записям, ее отношения с мужем были очень сердечными. Я нашел также множество различных рецептов и записок, имеющих отношение к болезни покойной, однако ничего похожего на то, что увидела под кроватью сиделка. Не было также следов никаких порошков или снадобий. Вместе с сиделкой я зашел в спальню убитой и попросил указать точно место, где лежал на полу тот листок. По словам си-

¹ Свидетельство сержанта Уолша также прилагается; его показания фактически совпадают с отчетом Ридинга. — Р. Х.

делки, она нашла его прямо под кроватью, с правой стороны. Искомая перчатка барона лежала рядом на полу, но не под кроватью. И тогда я подумал, здесь что-то не сходится. Вся эта история с листком казалась довольно сомнительной, надуманной. Мне в моей практике приходилось иметь дело с надуманными уликами, вот почему я решил как следует прояснить ситуацию и задать необходимые для этого вопросы. Я так всегда поступаю, расспрашиваю, по мере надобности, о самых разных вещах. Как правило, мне удается выяснить нечто принципиально важное. Так было и в этот раз. Возможно, мне удалось разузнать не так уж и много — у меня на этот счет есть собственное мнение. Задав самые разные вопросы, я захотел уточнить у сиделки, с какой стороны мистер Андертон обычно подавал своей жене еду и лекарства. Сиделка и все домочадцы в один голос заявили, что он всегда делал это с *левой* стороны постели больной, поскольку был левшой, и с этой стороны давать ложку было удобнее. Правой рукой он плохо владел, продолжали объяснять опрашиваемые. В частности, держать ложку в правой руке для него было так же неловко, как для большинства из нас в левой. По словам сиделки, арестованный, ухаживая за своей женой, пару раз пробовал держать ложку в правой руке — ничего путного из этого не получалось, всё расплескивал. А левая у него была в полном порядке. Выяснив это, я подумал: “А не идем ли мы по ложному следу?” Такое у меня сложилось ощущение. Как я уже отметил ранее,

перчатка лежала на полу справа от кровати; тот, кто ее обронил, должен был находиться с правой стороны, иначе говоря, ближе к двери. Листок был на полу рядом с перчаткой, с той же самой стороны лежа больной. Для меня было совершенно очевидно, что арестованный не клал туда этот клочок бумаги преднамеренно. Если же он вообще это когда-либо делал, то это могло произойти по случайности во время кормления с ложечки. Я также полагаю, что если арестованный давал своей жене принять что-то такое, что нельзя было расплескивать, то, конечно же, делал бы это той рукой, которой хорошо владел. Следовательно, он уронил бы этот листок не с правой, а с левой стороны кровати. Предположим, листок мог переместиться на полу от дуновения воздуха или его поддали ногой. Однако это представляется маловероятным: кровать покойницы была широкая, и сквозняк вряд ли мог переместить листок. Я счел необходимым внимательнее осмотреть место и обнаружил под кроватью узкую длинную коробку. Прислуга мне объяснила, что в ней находились луки и стрелы; коробку не извлекали из-под кровати с тех пор, как здесь поселилась чета Андертонов. Она лежала на полу строго по центру под днищем кровати и была ненамного ее короче — на фут или около того. По отметине на полу можно было судить о том, как долго эта коробочка там пролежала. Безусловно, она явилась бы препятствием для перемещения этого клочка бумаги. Трудно представить в этом помещении сквозняк, из-за ко-

торого листок смог бы перепорхнуть через эту коробку. Придя к такому выводу, я понял, что все это кажется очень странным. Я распорядился переместить кровать со своего места. Тем временем привезли гроб и поставили его у одной из стен. На месте, где стояла кровать, на полу осталась лежать коробка. Когда мы передвигали гроб, мне показалось, что я заметил под саваном нечто вроде листочка бумаги. Поначалу я никак на это не отреагировал. Потом, дождавшись ухода людей из похоронной конторы, я приподнял саван и разглядел сложенный листок, находившийся под скрещенными руками покойницы. Я развернул его и увидел локон волос, явно принадлежавший мистеру Андертону. Я прочел несколько слов от руки: «Молись, молись за меня, дорогая». Почерк мистера Андертона было трудно не узнать, он у него очень специфичный — полагаю, по причине его леворукости. Найденное мной нельзя было считать уликой; но из этого я сделал для себя один вывод. Стал бы так вести себя человек, действительно виновный в смерти собственной жены? Мне это казалось совершенно противостественным. Конечно, если арестованный был в своем уме. Гроб меня больше не интересовал, и я обратил внимание на коробку. Как и следовало ожидать, ее верхняя часть была покрыта густым слоем пыли, а значит, тот самый листок никогда не находился хоть какое-то время на поверхности коробки. Чтобы удостовериться в своей правоте, я положил аналогичный клочок бумаги на ее поверхность, а за-

тем смахнул его. На коробке остался заметный след. Листок, поднятый тогда с пола сиделкой, был практически чистым. Сопоставив все факты, я заключил, что мистер Андертон этот листок не ронял. По бокам коробка также была пыльной, но там имелись следы от метлы или швабры. Кровать и коробка снова оказались на своем привычном месте, и я отправился вниз расспросить горничную¹. Как выяснилось, она делала уборку в комнате миссис Андертон в день ее кончины. Для этого был использован веник — горничная подметала им под кроватью. Она выразила уверенность, что во время этой уборки никакого листка под кроватью не было, — работая, горничная наклонилась и заглянула под кровать. Я взял в руки ее веник: в самом деле, не наклонившись, до коробки им достать было невозможно. Далее я поинтересовался, кто мог побывать в этой комнате незадолго до смерти миссис Андертон и обнаружения небезызвестного листка. Никто, кроме сиделки, доктора, горничной и барона Р**, Я задавал свои вопросы горничной и сиделке без нажима, дабы не возбудить в них подозрения. Было ясно, что обе они больше ничего нового сообщить не могут. Когда в доме появился барон Р**, я решил обсудить с ним ряд вопросов. Казалось, он был не в курсе относительно столь ярко выраженной леворукости мистера Андертона. Никаких дополнительных

¹ Показания горничной совпадают со свидетельством сержанта.

сведений на этот счет от него нельзя было добиться. Видимо, сначала он не понимал, к чему я, собственно, веду — это и не входило в мои планы. Через какое-то время его озарила та же самая идея по поводу изначального местонахождения найденного листка с надписью “Рвотный камень. Яд”, он самостоятельно до этого дошел, и был явно озадачен. В какой-то момент мне показалось, что он побледнел. Хотя, здесь я могу и ошибаться, ибо в ту минуту барон просто сморкался в большой шелковый носовой платок желтого цвета. Он мне ничего не сказал о своих догадках, а я ему — о моих собственных. Я о таких вещах предпочитаю не распространяться, особенно когда речь идет о друзьях обвиняемого. Других улик мне раздобыть не удалось, но я убежден, что надо разбираться с ситуацией вокруг этого листка. Если мне удастся выйти на верный след, я обычно всегда это чувствую, как например, в этом случае. Я не видел с тех пор барона вплоть до того вечера, когда мистер Андертон свел счеты с жизнью. Помню, что барон Р** тогда очень спешил и сказал мне, что ему необходимо увидаться с арестованным. На это я ответил, что мне нужно переговорить предварительно с мистером Андертоном, поскольку он не желает ни с кем общаться. Он находился в глубокой печали — отчасти из-за утраты, постигшей его после столь долгих страданий, отчасти из-за предъявленного сурового обвинения. Этот джентльмен был очень чувствительным, принимал все исключительно близко к сердцу — такое редко

встречается. Ни с кем не общался, даже со своим адвокатом. Однако, когда я сообщил ему о визите барона, ответ был положительный: "Пусть войдет". Они побыли вместе примерно с полчаса, а быть может, и больше. Разговора их я не слышал. Когда барон вышел из комнаты арестованного, то отвел меня в сторону и заявил, что все образуется, с его другом все будет в порядке. По словам барона, мистер Андертон был окрылен хорошими новостями; сейчас, мол, главное его не беспокоить, он теперь явно намерен поспать. Надо отметить, что у арестованного была хроническая бессонница. Я пообещал его не тревожить, и всю ночь из его комнаты не доносилось ни звука. Пару раз я молча заглядывал в комнату, дабы убедиться, что мистер Андертон на месте. В какой-то момент я почувствовал легкий аромат персика, но не придал этому никакого значения. Утром я зашел к арестованному, чтобы предложить ему завтрак. Он был мертв, тело его уже успело остыть. В руке покойник сжимал пузырек с синильной кислотой, очевидно, он был извлечен из небольшой домашней аптечки лежавшей тут же, на кровати. Я поднял тревогу, послали за местным врачом. Однако для мистера Андертона всё уже было кончено. Примерно в девять часов прибыл слуга барона Р** и поинтересовался, не оставлял ли здесь его хозяин домашнюю аптечку накануне вечером. Я расспросил слугу и выяснил, что барон снабдил его списком мест, где он побывал. В некоторых из них посланник барона уже задавал вопрос об этой

аптечке. Искомая аптечка была именно той, что обнаружили в комнате мистера Андертона. У него на подушке я ко всему прочему увидел записку — почерк покойного. Прилагаю копию этой записки».

6. *Записка карандашом,
найденная на подушке мистера Андертона*

«Пусть никто не осудит меня за то, что я сейчас сделаю. Бог свидетель, как я пытался это в себе преодолеть. Дорогая! Бесценная моя! Разве не являлась ты ко мне день и ночь, маня за собой? И вот не осталось никаких шансов. И вот исчезла последняя надежда избежать этого проклятия, этого чудовищного позора, что подталкивает меня к могиле. Да, дорогая, моя честь, честь *твоего мужа* превыше всего. Конец всему. Никаких шансов, никакой надежды, только стыд, позор, смерть. Я иду, дорогая. Тебе известно, повинен ли я в кошмаре, в котором меня обвиняют. Дорогая, единственная моя, я вижу, как ты улыбаешься при одной лишь мысли о таком. Господь да благословит тебя за эту улыбку. Господь да простит меня за то, что я собираюсь сделать. Господь да соединит нас, дорогая».

РАЗДЕЛ VII

1. *Свидетельство мистера Хендерсона*

В заключительной части данного свидетельства передо мной стоит задача двоякого характера. Во-первых, связать в единую цепь звенья событий, обстоятельства которых уже были детализированы; во-вторых, прояснить общее их отношение к факту смерти мадам Р**, чем я сейчас и намерен заняться вплотную и без промедления. Именно явная взаимосвязь ее смерти со всеми вышеописанными событиями и подтолкнула меня заняться расследованием в области, находящейся за пределами моих должностных обязанностей. Не сомневаюсь, что после ознакомления с нижеприведенными показаниями вы убедитесь в уместности моих действий.

Досадно, что в этой важной части дела (равно как и в другой, не менее значимой, где речь шла о подозрительных обстоятельствах первого случая заболевания мадам Р** в Богноре) показания принципиально важных свидетелей находятся под большим вопросом. И дело здесь не в моральном облике этих лиц, ибо, насколько мне стало известно, и служанка, и ее любовник Джон Стайлз вполне заслужива-

ют доверия. Что же касается молодого человека по фамилии Олдридж... то, невзирая на то что парень глуповат и рассеян, из того места, где он служит, на него поступила вполне доброжелательная характеристика. При этом важность свидетельств двух вышеупомянутых персон значительно уменьшилась с учетом обстоятельств, при которых они были получены. Что же касается другого упомянутого свидетеля, то здесь явно налицо предубежденность, что лишь усугубляет несколько сомнительный характер показаний. Впоследствии появятся еще и дополнительные поводы для сомнений в этой связи.

Насколько вы помните, именно с письма этого молодого человека по фамилии Олдридж и началось расследование, результаты которого вам представлены. Показания Олдриджа дают нам повод заподозрить барона в злом умысле. Вкупе с обнаруженными материалами я представляю итоги сделанных мною последующих запросов касательно дела четы Андертонов. Должен признать, что, невзирая на некоторые сомнения в подлинности свидетельства Олдриджа, я все же склонен считать, что в целом оно правдиво, хотя здесь и наличествует определенный личностный момент, связанный с бароном Р**. И эти показания достаточно важны. Вот отчего они занимают немало места в данном разделе. Из них, вместе с другими материалами дела, мы узнаем подробности выселения молодого человека. Вам предстоит сопоставить его версию с позицией барона Р**.

Говоря о двух других свидетельствах, отметим, что они в известном смысле подтверждают показания Олдриджа. Такого рода совпадения встречаются в уголовной практике. С ними дело обстоит несколько проще. Эти два свидетеля явно не были ни в чем замешаны; факты таковы, что о преступных намерениях и речи быть не может. Даже если таковые и имелись, то непонятно, каким образом эти намерения могли бы отразиться в данных показаниях. Более того, не обсуждается также и возможность какого-либо сговора в ущерб третьей стороне.

В заключение я хотел бы также упомянуть обрывок бумаги, обнаруженный в апартаментах барона на Рассел-Плейс и отмеченный номер журнала «Зоист», принадлежавший покойному мистеру Андертону. Мистер Мортон в своем свидетельстве¹ упоминал о статье из этого журнала, ставшей предметом дискуссии дома у мистера Андертона 13 октября 1854 года. Что касается обрывка бумаги, то это фрагмент письма, текст которого я постарался, по мере возможности, восстановить. Будем исходить из того, что мне это удалось сделать; добавим также тот факт (я смог убедиться в его достоверности), что «очень рано утром», на следующий день после кончины мадам Р**, барону нанесла визит некая иностранка. Все это может дополнительно прояснить туманные обстоятельства смерти жены барона. Важность второго документа в этом деле неоднозначна.

¹ Раздел II, 2.

Признаюсь, когда я впервые задумался о возможной взаимосвязи, я отбросил эту мысль как абсурдную. Считаю своим долгом добавить, что, по мере дальнейшего развития процесса моих исследований, сам факт возможности очевидной взаимосвязи все более и более овладевал моим сознанием. Это казалось единственным способом распутать клубок уникальных хитросплетений. Ничего подобного ранее мне не встречалось. И хотя даже теперь я все еще не готов окончательно принять это в качестве окончательного решения задачи, еще менее я склонен просто отказаться от такого варианта разгадки. Итак, я предоставляю вам принять решение. Хочу лишь подчеркнуть, как я это делал в предшествующих моих служебных записках, что, даже признавая значение этих событий и впечатление, которое они произвели на барона, а также финальный успех плана, основанного на внушении, все же не стоит сразу допускать возможность использования (а именно это и хочется сделать) этих чудовищных утверждений из «месмерического» журнала.

Таким образом, я представляю на ваше рассмотрение заключительную часть свидетельских показаний. Затем я хотел бы сделать некое финальное обобщение материалов дела, прежде чем вы примете окончательное решение.

2. Свидетельство миссис Джексон

«Меня зовут Мэри Джексон. Я живу на Госуэлл-стрит, Сити-роуд. Я работаю сиделкой по месячно-

му договору. В июне 1856 года я была нанята для оказания ухода за мадам Р**. Меня рекомендовал барону доктор Марсден, который снимал квартиру в одном доме с ним. Я неоднократно ухаживала за пациентами доктора Марсдена. Мадам Р** была больна не очень серьезно. Не думаю, что ей действительно требовалась сиделка. Конечно, это было и к лучшему, как и с любым другим, но она могла обойтись и без меня. Я стала работать по желанию барона. Он был какой-то встревоженный. Этот бедный джентльмен очень любил свою жену, не думала, что бывают такие хорошие мужья. Я уверена, что ни один другой муж не был бы так заботлив, а она с ним была так холодна. По-моему, он ей вообще был безразличен. Она с ним первой никогда не заговаривала, она вообще мало говорила. Она всегда казалась напуганной, в присутствии барона — особенно. Она его явно боялась, но я не знаю почему. Он с ней всегда был ласков. Я не встречала настолько галантного и любезного джентльмена. Не скажу, что он не был педантичным, очень даже. Если бы все мужья были бы хотя бы наполовину педантичны, как он, у нас, сиделок, не возникали бы так часто проблемы. Все в этом доме происходило строго по часам. Каждое утро он давал мне список лекарств и продуктов питания, которые надлежало подавать строго в указанное время. Все было наготове, и я должна была подать вовремя. Кроме меня, этим никто другой не занимался. *Сам барон никогда ей ничего не давал.* Никогда. Я в этом вполне уверена. Он лю-

бил повторять, что это обязанность сиделки, вот и все. Он говорил, что повидал немало различных больных и привык не вмешиваться в работу сиделки. Хорошо бы и другие господа так считали. Особенно педантичен он был в отношении лекарств. В нашем распоряжении всегда были нужные для этого пузырьки. За дюжину чистых пузырьков можно было выручить шиллинг, но барон был против этого. Взамен этого он сам предпочитал выдать мне шиллинг. Все пузырьки складировались в буфете. Они никогда не были полностью опорожненными. Барон считал необходимым иметь наготове свежую порцию лекарства до того, как закончится предыдущая доза. Он говорил, что это ему нужно для предотвращения какой-нибудь оплошности или нежелательной случайности. Он был очень аккуратный джентльмен. Я ухаживала за мадам Р** каждый день вплоть до ее выздоровления. Я могу поручиться за то, что во время моих дежурств, кроме меня никто ей ничего не давал съесть или принять».

3. Свидетельство миссис Эллис

«Меня зовут Джейн Эллис, работаю сиделкой. Мой адрес — Гудж-стрит, Тоттенхэм-Корт-роуд. Примерно в конце июля 1856 года у меня начались ночные дежурства по уходу за мадам Р**. Возможно, ей особенно и не требовался уход. Она болела, но была в состоянии обойтись без посторонней помощи. Иногда ей становилось хуже. С сиделкой ей было гораздо комфортнее, и она могла себе это позволить.

Барон Р** ради нее никогда не скупился. Обычно ей становилось плохо в ночные часы. Самые тяжелые приступы повторялись приблизительно каждые две недели, чаще в субботу. Я работала посменно с миссис Джексон — она днем, а я ночью. Я обычно приходила в десять вечера, а уходила, когда наступало время завтрака. Во время дежурства я из комнаты не отлучалась, такова была воля барона. Когда я пришла к мадам Р** в первый раз, он мне поставил условие: комнату не покидать, ни в коем случае не спать. Это был на редкость педантичный господин. Ничего не могу против него сказать, напротив. Всегда был деликатен, учтив. Вел себя очень степенно, как и подобает джентльмену. К леди он очень хорошо относился, но она к нему была довольно безразлична. Болела она, бедная, и ей было не до того. Была она какая-то напуганная. Когда барон входил к ней в комнату, она следила за ним взглядом, словно в страхе. Худого слова я от него никогда не слышала. А жена его обычно тихо лежала, и могла часами молчать. Казалось, что она боится всех. Если я передвигалась по комнате, ее глаза следили за каждым моим шагом. Думаю, это тоже было связано с ее недугом. Барон был чрезвычайно заботлив, не встречала таких заботливых мужей. Он обычно ночевал в соседней комнате. Дверь ее была смежная со спальней. Он эту дверь всегда держал широко открытой. У барона был на редкость чуткий сон. Стоило кому-нибудь из нас произнести хоть слово, как он тут же появлялся в комнате, чтобы узнать, в чем

дело. Если я просто перемещалась по комнате, он это слышал. Удивительный был человек — похоже, он мог обходиться почти совсем без сна. Я думаю, тут все дело в мясе, он его поглощал в огромных количествах. Аппетит у него был невероятный. Когда я впервые пришла в их дом, он со мной шутил на эту тему. Мадам Р** в то время было еще не так плохо, и мы иногда разговаривали. Он говорил: “Это оттого, что я гипнотизер”. Я в гипноз не верю — так я ему и сказала. В ответ он только рассмеялся, ничего не сказав. Однажды ночью он предложил мне усыпить меня. Я у них уже около недели успела проработать. Я ему ответила, что он может попробовать, если есть желание. Тогда он посмотрел на меня очень пристально и долго, начал делать какие-то странные движения руками, и я заснула. Не верю, что от гипноза, конечно нет. Думаю, дело в его взгляде. Он спросил, не повторить ли еще раз, и повторил. Это было следующей ночью, я заснула почти сразу же. Понятное дело, не из-за гипноза, но так уж получилось. Больше барон на эту тему не говорил. Он только заметил, что я должна быть начеку, чтобы не заснуть самостоятельно. С тех пор я три или четыре раза засыпала во время своих дежурств, и дело тут не в бароне. В этих случаях его в комнате не было, он, должно быть, находился у себя. Дверь, я полагаю, оставалась открытой. Первый раз я заснула на дежурстве примерно через неделю после разговора о гипнозе — в ночь на субботу, а может, на пятницу. Точно не помню. В ту ночь мадам Р** было очень

тяжко. Она легла спать около одиннадцати вечера, и чувствовала себя очень хорошо; спала спокойно. И вот я задремала. Мадам Р** вдруг застонала во сне, и это меня разбудило. Было около часа ночи. Вскоре она проснулась, начались острые боли с последующим очень тяжелым приступом. Как только я проснулась, в комнату вошел барон. Его что-то разбудило, и он решительно направился к нам, в спальню. Он мне пояснил, что именно нарушило его сон: мой храп, так он сказал. Через пару недель я опять заснула, и барон при этом не присутствовал. Мадам Р** спала; много ночей она провела без сна, а тут она так хорошо заснула, что, глядя на нее, я сама задремала. Разбудил меня барон примерно в час ночи. Он был очень недоволен. По его словам, мадам Р** ходила во сне, и это представляло смертельную угрозу для ее жизни. Он сказал, что мадам прошла в кухню, я точно помню его слова, клянусь. Он поинтересовался, что у меня было на ужин, и, обнаружив остатки пива, впал в сильное раздражение. Я очень сожалела о случившемся, и обещала в другой раз быть внимательнее. После этого разговора барон отправился наверх — очевидно, поговорить с кем-то. Кажется, он сказал, что кто-то видел мадам Р**. Той ночью ей было плохо. Во время нашего разговора она начала стонать, затем последовал сильный приступ. По мнению барона, мадам Р** могла простудиться; боюсь, так оно и было. Впредь я решила быть максимально внимательной, и это мне удавалось, особенно когда мадам Р** спала. В течение

двух недель она почти не сомкнула глаз, но вот ей все же удалось заснуть, и я была начеку, но в конце концов опять задремала, даже не заметила, как это произошло. Я точно заснула, так как, взглянув на часы, поняла, что минуло уже два часа. У мадам Р** в ту ночь снова случился приступ. Мне было ужасно досадно. Я решила, что кто-то со мной сыграл злую шутку. Это было так странно — через каждые две недели. Барону я ничего не сказала. Наверное, я была неправа, но мне было страшно. И вот прошло еще две недели; мадам Р** снова заснула. Я была полна решимости: не спать! Подумала, может, мне что-то подмешивали в пиво, так что я его пить не стала. Я не поужинала, только попила крепкого зеленого чая, сама себе заварила. У меня не было сомнений в том, что чай поможет сохранить бодрость. Не помог... Сильно вздрогнув, я проснулась около часа ночи, и мадам Р** вновь была в плачевном состоянии. Все это меня сильно встревожило. Я для себя решила: если подобное повторится, обязательно расскажу об этом барону. Так оно вновь и случилось, но я ему ничего не сказала. На этот раз мадам Р** было так худо, что я не на шутку испугалась. С тех пор приступы не повторялись, и она чувствовала себя неплохо. Я знаю, мне следовало сказать барону, и я сожалею о том, что этого не сделала. Такое со мной в первый раз. Конечно, случалось, я засыпала в комнате пациента, но не нарушая указаний. В доме у барона я проработала примерно три месяца. За это время я засыпала во время дежурства раз шесть; точ-

но не помню. Всякий раз это случалось во время сна мадам Р**, и всегда потом у нее случался приступ. Ей я об этом не рассказывала, и про ее ночные хождения тоже. Барон настаивал на том, чтобы я молчала, — он считал, что это может напугать мадам Р**. Он меня больше никогда не расспрашивал — засыпала ли я на дежурстве? Я бы ему рассказала все как есть. Пару раз уже готова была с ним заговорить на эту тему, но что-то меня останавливало. Клянусь, что ничего подобного со мной раньше не бывало. Видно, тут что-то не так. Я сиделкой работаю двадцать лет, и у меня много отменных рекомендаций и от врачей, и от пациентов»¹.

4. Свидетельство мистера Уэстмакотта

Лондон, 20 сентября, 1857

«Сэр,

имею честь сообщить вам, что согласно вашей просьбе я провел самый тщательный и подробный анализ содержимого трех дюжин и семи (43) медицинских склянок, присланных вами на предмет экспертизы.

Их количество и содержимое в точности соответствует рецептурным предписаниям, которым следовали господа Эндрюс и Эмпсон². После самого скрупулезного анализа я не выявил ни малейших следов

¹ Что немаловажно для дела. — Р. Х.

² Фармацевты, от которых барон получал препараты. — Р. Х.

наличия мышьяка, сурьмы или каких-либо схожих с ними веществ.

Засим остаюсь вашим покорным слугой,

Томас Уэстмакотт,
химик-аналитик».

5. Свидетельство Генри Олдриджа

«Меня зовут Генри Олдридж. Я работаю клерком в конторе “Симпсон энд Ко” в Сити. Летом 1856 года я снимал квартиру в доме миссис Браун на Рассел-Плейс. Сначала я туда пришел не как квартирант, а как друг ее сына. Я с ним познакомился в Австралии. Мы с ним вместе работали в Мельбурне и очень подружились. Но мы не приплывали домой на одном корабле, это ошибка. Я вернулся домой за несколько недель до прибытия моего друга. Когда он ступил на английский берег, я был в Ливерпуле. Наверное, он приплыл на судне “Лайтнинг”, а может быть и нет. Мне довелось быть на борту многих кораблей, не всегда легко нужное имя вспомнить. Какое-то время я проработал в Ливерпуле; в силу моих служебных обязанностей я должен был посещать борт каждого корабля, прибывавшего в порт. Я согласился отправиться с моим другом в Лондон. Я не мог это сделать сразу — сначала следовало поставить в известность моих работодателей. Словом, мы договорились отправиться вместе. Я был приглашен на свадьбу, которую собирались отмечать в доме его матери. Вот так я впервые оказался на Рассел-Плейс. Потом миссис Браун по просьбе свое-

го сына сдала мне комнату. Я выплачивал ей определенную сумму раз в неделю. Когда я нашел работу, я стал ей платить больше. По поводу недовольства барона мне ничего неизвестно. Я его очень редко видел. Спал я на верхнем этаже и всегда старался быть поаккуратнее, чтобы не потревожить мадам Р**. Она болела, и я стремился не делать никакого шума. Иногда я поздно приходил. Я порой позволял себе расслабиться, но не часто. Скорее, редко. А пока жил на Рассел-Плейс, такого со мной вообще не бывало. Я в то время встречался с приятелями, мы пили вино и крепкие напитки, но я всегда знал меру. Я бывал навеселе. Пожалуй, разок-другой я ощущал некоторое возбуждение после выпитого. Но я хочу сказать, что никогда не доходил до состояния беспамятства, я постоянно держал контроль над собой. Я абсолютно уверен в том, что ни малейшим образом не нарушил покой в доме миссис Браун. Я отлично помню, что было, а чего не было. В этом я готов поклясться. Видимо, барон пожаловался на меня домохозяйке. Он с ней несколько раз говорил обо мне, хотел, чтобы она меня выселила. Она говорила в ответ, что не замечала за мной ничего плохого, и такого мнения она придерживалась какое-то время, ведь я же друг ее сына. Наконец, барону удалось ее убедить. Предлог был следующий: полисмен нашел меня лежащим у порога дома без чувств. Полисмен стал стучать и звонить в дверь, разбудил весь дом. Барон заявил, что я пьян, а на самом деле я был совершенно трезв. Одна бутылочка эля — вот

и все, что я себе позволил в тот вечер. Так обстояло дело, готов присягнуть. Я тогда задержался в конторе, много разных бумаг накопилось, и после отправился с одним из наших, клерком по имени Уильям Уэллс. Мы зашли в паб на Хай Холборн, где я себе позволил одну бутылочку эля, утомился я в тот день. Уэллс заказал себе бренди с водой. Науглу Тоттенхэм-Корт-роуд мы расстались. Придя на Рассел-Плейс, я попробовал открыть дверь своим ключом, но замок заело. Тогда я попробовал воспользоваться звонком; ничего не вышло, ручка отвалилась. Похоже, провод был сломан. Я еще раз попытался открыть дверь ключом и уже подумывал над тем, где мне сегодня переночевать — я не хотел тревожить мадам Р***, — как вдруг дверь открылась изнутри. Я поспешил зайти внутрь, как вдруг что-то обрушилось на меня, дальше я уже ничего не помнил. Должно быть, рухнул без чувств. Затем меня обнаружил полисмен. Вот вся правда о том, что произошло со мной. Я не видел, кто открыл тогда дверь. Недалеко от входа в дом стоит уличный фонарь, но эта личность находилась в темноте, так что не знаю. Я тогда решил, что это проделка барона, стремившегося выселить меня из этого дома. Я и сейчас так думаю, хотя теперь уже не с такой уверенностью. Поразмыслив над этим, я решил, что тут нельзя быть до конца уверенным. Готов присягнуть, что я сказал правду. Я был совершенно трезв, так же как вот и в эту минуту. Это могут подтвердить и мои работодатели, и Уилл Уэллс. Я не знаю, отчего барон так

упорно стремился выдворить меня из этого дома. Мы с ним никогда не общались. Возможно, всего один раз мы разговаривали. А так — только “доброе утро”, и все в таком роде. А о единственном моем разговоре с бароном я упоминал в своем письме в страховую компанию, я его отправил после смерти мадам Р**. Дело было субботней ночью. Мы в тот вечер позволили себе немало пива и шанди-гафф, но я не был пьян. Так, в легком возбуждении, ничего особенного. Я пришел домой около одиннадцати вечера. Ключ был при мне, но что-то неладно было с замком; меня впустила служанка, и я очень тихо стал подниматься вверх, чтобы не нарушать покой мадам Р**. Проходя мимо ее спальни, я увидел, что дверь приоткрыта. Следующая за ней дверь была широко распахнута, можно было различить свет от лампы. Пока я шел к себе, я не заметил никаких движений; никто ко мне не обратился. Я снял обувь, чтобы ступать еще тише, но дом был старый, и ступени, понятное дело, не могли не поскрипывать. Ступени под комнатой барона были каменные и не скрипели. В руке у меня была свеча, и я тщательно прикрывал горящий фитиль ладонью. Я лег в постель, однако заснуть из-за переутомления мне не удавалось. Той ночью было очень душно. Я пролежал в кровати около двух часов без сна и в конце концов решил как следует умыться. Это должно было меня освежить. Я встал и направился к умывальнику. Кувшин для воды был пуст, горничная часто забывала его наполнить. Я взял кувшин, намере-

ваясь его наполнить, и вышел на лестничную площадку. Я шел очень тихо — только бы не потревожить мадам Р**. Стоя на лестничной площадке, я увидел, как кто-то вышел из комнаты жены барона. Я перенулся через перила, чтобы рассмотреть эту фигуру. С площадки возле моей комнаты можно разглядеть, что происходит этажом ниже. Я понял, что это мадам Р**. Она была в ночной рубашке, свечи у нее при себе не было. Она отправилась к лестнице, и там я потерял ее из виду. Когда она проходила мимо двери следующей комнаты, я заметил тень на стене: голова и плечи мужчины, словно наблюдавшего за ней. Я продолжал на нее смотреть, облокотившись на перила; они скрипнули, и эта тень тотчас же исчезла. Я взглянул в этом направлении еще раз и подумал было, что это мне показалось; но сейчас у меня на сей предмет нет никаких сомнений. Я засомневался на какое-то мгновение — это ведь было так неожиданно. А теперь я готов присягнуть — я все видел совершенно четко. Мадам Р** спускалась вниз по первому лестничному пролету, это примерно двенадцать ступеней. Она была на углу, когда я наклонился, чтобы лучше разглядеть. Я был убежден, что мадам Р** ходила во сне. Дальше лестница тонула во мраке, а она продолжала спускаться вниз. Я боялся за нее, она могла навредить себе, и я отправился к двери в комнату барона. Он спал; во всяком случае, мне понадобилось постучать дважды. Он подошел к двери, и я рассказал ему о том, что видел. Барон был в довольно сильном

раздражении. Он сразу же взял лампу и отправился вниз по лестнице. Я наблюдал за ним, опершись о перила. Отсюда можно было видеть дверь, ведущую к лестнице на кухню. Между ней и холлом имеется стеклянная перегородка. Он вошел в дверь, и сквозь стекло можно было видеть свет; барон прошел часть пути вниз по ступенькам. Вскоре он появился вновь и стал спиной к двери, а мадам Р** прошла мимо него и стала подниматься вверх по лестнице. Барон проследовал за ней. Когда я увидел, что она поднимается, я вернулся на свою площадку и пригляделся. Мадам Р** вернулась к себе в комнату, по-прежнему находясь во сне (как мне показалось), а ее муж зашел следом. Затем я услышал шепот в комнате, после чего барон вышел ко мне. Он был мне очень благодарен за то, что я его известил о произошедшем. По его словам, мадам Р** спустилась вниз на кухню; когда он сошел по ступенькам, она оттуда как раз выходила. Он убедительно попросил меня никому не рассказывать об этом случае, поскольку об этом может узнать мадам Р**, что небезопасно для ее здоровья. Я исполнил его просьбу, но пришло время, и я отправил письмо в страховую контору. Я почти совсем об этом случае позабыл, но снова вспомнил о нем после того, как бедная мадам Р** погубила себя во время ночных хождений по дому. Тогда я решил написать. Я не держал зла на барона и сейчас не держу. Не понимаю, почему он старался выдворить меня из дома миссис Браун. Думаю, он действительно считал, что я по-

тревожил покой его жены. Она была ему очень дорога, и он был в тревоге и беспокойстве за нее. Тогда меня его отношение ко мне очень злило, но, вообще говоря, я был не совсем прав. Барон вполне нормально отнесся к тому, что я стал невольным свидетелем. Более того, он повторял, что очень мне за это обязан. Вот все, что я могу сообщить по данному делу и готов присягнуть: это чистая правда. Ручаюсь за то, что, по словам барона, в тот вечер мадам Р** заходила на кухню».

6. Свидетельство Майлза Томпсона

«Я полицейский констебль. В августе 1856 года я находился на ночном дежурстве на Рассел-Плейс. Как-то вечером ко мне обратился барон Р** с просьбой почаще присматривать за порядком на улице, где он проживал. За дополнительные труды он дал мне пять шиллингов. В ту ночь я делал обход. Примерно около двенадцати часов я увидел человека, лежащего у входа в дом, где проживал барон Р**. Это был молодой джентльмен, и сперва я решил, что он мертв. Как оказалось, он был без сознания. Я прислонил его к оградной решетке и хотел было позвонить, но заметил в его руке ключ от дверного замка. Я воспользовался этим ключом — дверь открылась сразу же — и доставил этого человека в холл. Затем стал стучать и звонить до тех пор, пока ко мне не подошли. Звонок работал исправно. Вышел барон в домашнем халате и еще двое или трое людей. Я предложил послать за доктором, но

барон заявил, что потерпевший просто пьян. Я помог доставить его наверх и уложить в постель. За эти хлопоты барон вручил мне полкроны. Он был явно раздражен, что представлялось естественным. Говорил, что лучше бы мне было забрать молодого человека в участок. Я тоже считаю, что он был нетрезв. От него пахло пивом, но не сильно. Я помог уложить его спать и отбыл. Вот все, что мне известно по данному делу».

[N. В. — В письменных свидетельствах, поступивших из конторы Симпсона и от мистера Уэллса, утверждение мистера Олдриджа о том, что он был трезв, подтверждается на момент представления его с мистером Уэллсом на углу Тоттенхэм-Корт-роуд. Иначе говоря, не более чем за полчаса до того, как мистер Олдридж был обнаружен констеблем Томпсоном, согласно вышеприведенному свидетельству. — Р. Х.]

7. Свидетельство Джона Джонсона

«мистеру эндуссону сэр я Важ слуга пакорный как вы жылали я праверил званок на рассыл плеис па маиму скромнаму Мненнюю ево Зкрутил адин Непрафесянал каторый с нево сънял ручкю аназад поставил непаймичё и кажный прафесинал Пастыдил-си бы так зделать а я всигда к вашим Услугамм

джон жонсон
мастир налатчик
тотынкортрод
лундон».

8. Свидетельство

Сьюзан Тернер

«Меня зовут Сьюзан Тернер. В августе 1856 года я работала в качестве “прислуги за всё” у миссис Браун на Рассел-Плейс. Я помню ту ночь, когда мадам Р** сошла вниз по лестнице. Я тогда не спала: мне нужно было дождаться мистера Олдриджа и впустить его, дверной замок не работал. Его хозяйка днем сломала. Не думаю, что барон об этом знал. Мистер Олдридж пришел довольно поздно, не могу сказать точно, когда именно. Он был в порядке; в том смысле, что трезвый. Он сразу же отправился спать. А мой молодой человек находился на кухне. Он у меня очень порядочный, служит на железной дороге. Где именно — не знаю. Знаю, что он на своем паровозе иногда ездит в Шотландию, вот и всё. Он работает кочегаром. Той ночью его товарный поезд отправлялся поздно, и Джон пришел повидаться со мной. Хозяйка не знала, что он здесь. Когда он явился, она уже спать легла. Ему надо было уходить в два, и мы пробыли вместе до часу ночи. И вот, когда мой молодой человек уже собирался уходить, мы возле двери в кухню стояли, и вдруг услышали чьи-то шаги в холле. Я еще сказала: «О господи, это хозяйка!» Он мне говорит: «Наверное, она тебя ищет». Джон хотел, чтобы я к ней вышла навстречу, а он бы тем временем как-нибудь спрятался. Я ему сказала, что из этого ничего не получится, — перегородка стеклянная, а свет от газового фонаря освещает лестничную

площадку¹. Я повлекла моего молодого человека в комнату для слуг. Она находится за кухней и подвалом. Там лежат всякие старые ящики и всякое такое прочее, туда никто даже не заходит. Я подумала, что хозяйка вряд ли станет туда заглядывать. Едва мы подошли к нужной нам двери, как увидели: кто-то, пройдя через холл, стал спускаться вниз по ступенькам. Я шепнула Джону: “Смотри, это ведь не хозяйка, это мадам!” Хозяйка у нас очень высокая и дородная, а мадам Р** — маленькая и худощавая. Я ее узнала, когда она проходила через дверь, холл был слегка освещен. Она спустилась вниз по лестнице и проследовала мимо нас. Мадам Р** направилась прямо туда, где барон хранил свои бутылочки и скляночки. В кухню она точно не заходила, я присягнуть готова. Она пошла в комнатку барона, в эту, так сказать, лабораторию. Там все эти бутылочки стояли. Мы с Джоном подкрались к окну и стали смотреть. Окно в комнате для слуг расположено как раз напротив лаборатории барона, все очень хорошо видно. Ночь была ясная, лунная, а над окном в этой самой лаборатории имеется еще что-то вроде зеркала из листовой жести и от этого там еще светлее. Мы видели, как мадам подошла к полке и взяла с нее бутылочку. Она налила из нее полный стакан и выпила его, потом поставила бутылочку на место (крайняя

¹ На с. 9 имеется схема расположения помещений в доме миссис Браун. Внутренняя перегородка сделана целиком из стекла, а на внешней в верхней части имеется ряд больших стеклянных проемов. — Р. Х.

*Я ее узнала, когда она проходила через дверь,
холл был слегка освещен. Она спустилась вниз
по лестнице и проследовала мимо нас.*

на второй полке). Затем она оттуда вышла, а когда мы повернули головы в обратном направлении, то увидели свет, проникающий в комнату со стороны лестницы на кухню. Это освещение оставалось, пока мадам Р** вновь не прошла мимо нашей двери. Затем эта дама направилась по ступеням наверх. Я выглянула наружу — на верхней лестничной площадке стоял барон, мадам была уже почти рядом с ним. Я сказала своему молодому человеку: “Смотри-ка, Джон, там барон”. Джон решил, что барон вышел для того, чтобы встретить свою жену. Когда они оба скрылись из виду, мы с Джоном отправились к той полке с бутылочками и склянками. На столе стоял стакан; на дне его оставалось несколько капель. Мы с Джоном это понюхали, запах был похож на винный. И вкус, наверное, тоже был, как у вина. Потом мы вместе рассмотрели ту бутылочку, она была еще наполовину полной. То, что в ней оставалось, выглядело как вино. На этикетке была надпись позолоченными буквами, мне трудно сказать, как это точно называется. Помню, там было сокращение “вин.”, так что мы с Джоном сошлись на том, что это было вино. Если бы мне эту этикетку сейчас показали, я бы ее точно узнала [свидетельнице были продемонстрированы несколько этикеток, и она выбрала “Vin.Ant.Pot.Tart.”, то есть сурьмяная настойка, смесь шерри и рвотного камня]. Нам с Джоном это название показалось смешным, мы с ним на эту тему стали подшучивать — мол, “винцо-дрянцо”. Запах в стакане и в самом деле был винным. А пробовать

я это не стала, Джон мне не позволил. Он боялся, что я могу этим отравиться. Поставили мы эту бутылочку на место, и Джон ушел. Я обо всем этом никому не говорила, даже когда мадам в ту ночь стало плохо. Я опасалась; ведь Джон тоже был свидетель, так что ни одна живая душа об этом случае не знала, пока меня сегодня здесь не расспросили. И мистер Олдридж тоже ничего про это не ведал. Я рассказала всю правду, готова присягнуть. Я совершенно уверена в том, что мадам в кухню не заходила, и что барон видел, как она выходила из этой самой лаборатории. Он стоял со свечой в руке и смотрел на нее. Присягнуть готова».

[N. В. — Свидетельство «молодого человека» по фактам полностью совпадает с вышеприведенными показаниями. Прилагаемый план помещения на с. 9 хорошо иллюстрирует свидетельство Сьюзан Тернер. — Р. X.]

*9. Копия письма главного месмериста, адресованного
составителю, со ссылкой на особую власть,
коей обладают гипнотизеры над теми,
кто находится под их влиянием*

Дорсет-сквер

«Мой дорогой сэр,

.....много раз после того, как я вводил Сару Парсонс в гипнотическое состояние, я *повелевал* ей пройти в кладовую и взять булавку или какую-либо другую мелочь; насколько беспомощной была она после выхода из гипнотического транса, не являлось существенным. Главным была моя воля и моя власть,

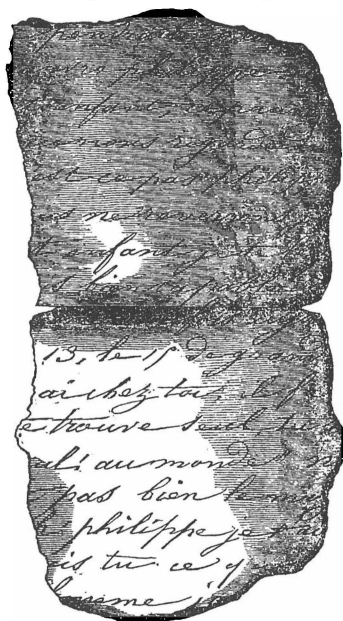
этого было достаточно. Далее, страдавший параличом мистер Л... под моим воздействием, в полном сознании и без каких-либо видимых изменений, был в состоянии неоднократно вставать на свою парализованную ногу, поднимаясь с обычного стула. Несомненно, это был образец выдающейся гипнотической манипуляции. Я мог бы написать обо всем этом больше и обстоятельнее, но далее умолкаю * * *

С наилучшими пожеланиями, искренне ваш,

Д. Хэндз».

10. Обрывок письма, найденный в комнате барона
после смерти мадам Р**

[ФАКСИМИЛЕ]

[ОБРЫВОК ПИСЬМА]

.....pendrait n'e.....
auvre philippe? E.....
t enfant, ce pauvre.....
ui nous regarde du.....
est ce pas philipp.....
us ne reverrons ja.....
t enfant je te le j.....
is bien capable j.....
core une fois, aujo.....
13, le 15, de grand.....
rai chez toi; il fa.....
 ...e trouve seul, tu r.....
ul au monde! n'.....
pas bien le moy.....
h! philippe je t'ai.....
is tu ce qu.....
emme ja.....

[ВОССТАНОВЛЕННОЕ ПИСЬМО]

.....On (?)

te...pendrait n'e...st ce pas mon
 p...auvre philippe? E...h bien par
 ce...t enfant, ce pauvre...petit ange (?)
 q...ui nous regarde du...haut du ciel,
 n'...est ce pas philipp...e et que
 no...us ne reverrons ja...mais, par
 ce...t enfant je te le j...ure. Tu m'en
 sa...is bien capable j...e crois.
 En...core une fois, aujo...urd'hui c'est
 le...13, le 15, de grand...matin je
 se...rai chez toi; il fa...ut que je
 t...e trouve seul, tu r...ne comprends;
 se...ul au monde! n'...en sais
 tu ... pas bien le moy ... en ?
 O...h! philippe je t'ai...me (je t'aime?)
 sa...is tu ce qu'...e c'est qu' une
 f...emme ja...louse ?—

Перевод с французского

(Они) повесят тебя, ведь так, мой бедный Филипп? О, это дитя — этот бедный (ангелочек), который теперь — не правда ли, Филипп? — смотрит на нас с небес, а мы его больше никогда уже не увидим. Его именем клянусь я тебе. И снова. Сегодня тринадцатое число. Пятнадцатого, очень ранним утром, я буду у тебя. И ты должен быть один — совсем один, понимаешь ли ты меня! Разве ты не знаешь верного средства? О, Филипп, я люблю тебя (люблю тебя?) Знаешь ли ты, что такое ревность женщины?

11. *Выдержки из журнала «Зоист Мэгэзин»,*

№ XLVII, октябрь 1854

ГИПНОТИЧЕСКОЕ ИЗЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРАЯ ПРОВЕЛА ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ, ОТ ТЯЖЕЛЕЙШЕГО ЗАБОЛЕВАНИЯ. Преподобный Р. А. Ф. Барретт, бакалавр богословия, старший член научного общества Королевского колледжа, Кембридж.

* * * * *

«В январе 1852 года я навестил... и она рассказала мне о том, что две недели назад ее мучили сильные боли; помочь ей могло только гипнотическое воздействие, но ее друг-гипнотизер в то время отсутствовал...

...Я продолжал время от времени проводить с ней сеансы гипноза в течение нескольких месяцев.

21 апреля. — Я усыпил ее на полтора часа утром и на такое же время вечером. Она говорила¹, что ее гортань пересохла и сильно воспалена. По ее просьбе, я съел несколько черносмородиновых пастилок, и ей стало легче... Она сказала: “Перед тем как вы ели, мой желудок был сжат и в нем содержалась странного вида влага; теперь он восстановил свои прежние размеры и не выглядит сжавшимся, а часть этой влаги ушла”.

Я. Но вы же не могли *питаться* подобным образом?

Она. Да, я могла *получать все, что необходимо моему организму*.

* * * *

26 апреля. Вечером я гипнотически усыпил ее на час и *выпил за нее чай*.

27 апреля. Я пообедал, и она *почувствовала себя гораздо лучше*.

* * * *

Вновь гипнотический сон в течение двух с половиной часов утром и один час вечером; *как обычно, я ел за нее*».

¹ Ранее нас уведомили о том, что эта пациентка была *ясно-видящей* — она могла увидеть состояние своего организма изнутри. — Р. Х.

РАЗДЕЛ VIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мне остается лишь максимально кратко суммировать суть всех вышеприведенных свидетельств. При этом мне понадобится расположить факты, изложенные в этих показаниях, в несколько ином порядке. Для этой цели я буду использовать систему боковых сносок, по которой можно будет ориентироваться в фактологическом плане.

Итак, начнем с так называемых предваряющих материалов по данному делу. Сделаем весьма беглый их обзор. Сюда относятся в основном письма, любезно предоставленные близкой родственницей покойной миссис Андертон. Суть состоит в следующем: энное количество лет назад мать миссис Андертон — леди Боултон — родила двух дочерей-близнецов при весьма тревожных и волнующих обстоятельствах. Роженица скончалась. Родители новорожденных, сэр Эдвард Боултон и его супруга были натурами весьма нервного склада, что не могло не отразиться на характере сироток.

I Они родились весьма хилыми; если заболела одна, начинала хворать и другая. Эта удивительная взаимосвязь между двумя сестрами неоднократно

упоминалась в приведенной мною переписке. Имеются и другие многочисленные свидетельства по данному предмету; при необходимости их также можно присовокупить, учитывая, что обсуждаемый феномен весьма необычен по своей природе. При анализе материалов дела, я попросил бы вас ни на секунду не упускать его из виду.

Почти сразу после кончины их матери о сиротах стала заботиться одна бедная, но порядочная женщина из Гастингса. Младшая девочка была немного крепче своей сестры. Странная взаимозависимость продолжала сохраняться, от нее в гораздо большей степени страдала старшая, слабенькая девочка. Малышкам было примерно по шесть лет, когда во время увеселительной прогулки по окрестностям (случилось ли это по неосмотрительности няни или нет, сейчас уже не так важно) младшая из сестер пропала. Был проведен тщательный розыск, в результате которого стало очевидно, что девочка попала в руки членов шайки бродячих цыган, наводнивших в то время округу. Выйти на след похитителей впоследствии так и не удалось.

Теперь, когда старшая из сестер осталась одна, за ней присматривали с удвоенным вниманием. Правда, в период времени, последовавший непосредственно вслед за похищением мисс К. Боултон, не произошло никаких событий, имеющих непосредственное отношение к нашему делу. Поэтому я решил ограничиться тем, что включил в настоящую подборку материалов следующие фрагменты из вве-

ренной мне переписки: два или три письма от леди, отвечавшей за свою подопечную в Хампстеде, и еще одно послание от старой приятельницы ее матери. Из него мы узнаем о том, как юная леди вступила в брак. В этом письме имеется одна немаловажная деталь, а именно — упоминание о крайне восприимчивом и нервном складе характера жениха юной мисс Боултон — покойного мистера Андертона. На этот факт я хотел бы обратить ваше внимание несколько позднее. В ранее упомянутых письмах речь идет о том, что эта девушка подвержена внезапным болезненным приступам. Лечению они не поддаются, диагноз поставить крайне затруднительно. По характеру своему они очень схожи с теми недомоганиями, которые приключались с ней в детские годы, когда нездоровилось младшей сестре. Следовательно, у них вряд ли может быть аналогичная причина.

Таковы предваряющие материалы дела. Во втором разделе рассматриваются некоторые особенности семейной жизни миссис Андертон; особый интерес может иметь связь между теми личностями, историю которых мы начали отслеживать, с бароном Р**, действия которого представляют собой предмет для озабоченности.

Как выясняется, во всех отношениях (кроме одного) семейная жизнь четы Андертонов была на редкость благополучной. Несмотря на то, что образ жизни их был уединенный и в каком-то смысле скитальческий — в силу этого у них было мало воз-

возможностей заводить дружеские связи, — взаимная трогательная преданность этих супругов была совершенно очевидна. В моем распоряжении имеется целых тридцать семь писем из различных источников, служащих более или менее ярко выраженным подтверждением этому. Я счел целесообразным отобрать из их числа лишь несколько. Я предпочел не перегружать ненужными повторами подборку материалов дела. Лишь одно омрачало их семейное счастье; как справедливо заметила миссис Уорд, выбор мисс Боултон пал на джентльмена хотя и подходящего во всех отношениях, но крайне невротического темперамента. Мог ли быть счастливым его союз с дамой практически такого же склада? Вместе сошлись две исключительно хрупкие натуры, и всю свою недолгую семейную жизнь они искали способы укрепить здоровье. Андертоны испробовали различные варианты, и в итоге решили прибегнуть к услугам гипнотизера. Они стали пациентами барона Р**, известного профессора в области гипноза, а также прочих туманных сфер.

Миссис Андертон недолго пробыла его непосредственной подопечной, друзья семьи выразили свой протест по этому поводу и отныне его «гипнотические флюиды» воздействовали при наличии посредницы. Этим «медиумом» стала мадемуазель Розали, молодая особа, нанятая бароном Р** специально для этой цели. Что же она представляла собой?

Она была примерно одного возраста с миссис Андертон, хотя и выглядела несколько старше своих

лет. Легкое телосложение, темные глаза и волосы — почти во всем она подходила под описание Кэтрин, пропавшей младшей сестры юной Гертруды Боултон. Единственным отличием были ее широкие, неуклюжие ступни — следствие ее прежней профессии. В течение нескольких лет она работала в цирке, ходила по канату. Эта антреприза была ей предложена владельцем разъездного шапито. По его собственным словам, он выкупил девочку за гроши у шайки цыган в Льюесе именно в то время, когда младшая мисс Боултон была похищена цыганами. Следы похитителей вели в Льюес и далее в западном направлении. Затем ее перекупил барон, судя по всему изначально имевший над девушкой особую власть. Силой одного только взгляда этот человек сорвал ее выступление. Не приходится сомневаться в том, что циркачка по имени Розали и была пропавшей сестрой миссис Андертон. Довольно скоро об этом узнал и барон Р**.

Во время первой встречи сестер он едва ли догадывался о существующей между ними связи. На самом деле, история двух сестер барону была совершенно неведома. Таким образом, их удивительное взаимное притяжение, проявившееся незамедлительно, скорее всего не было истолковано им как результат исключительно «гипнотического контакта». Несколько недель барон оказывал миссис Андертон свои услуги гипнотизера, пока случай не помог ему установить истину во взаимоотношениях этих двух молодых женщин. Однако эта необычай-

ная симпатия не побудила к догадке об ее истинном происхождении ни миссис Андертон, ни ее мужа. Между тем это чувство сестринской привязанности было ниточкой, связывавшей дочерей леди Боултон не один год в пору их нежного возраста. Домочадцы делали все, чтобы не напоминать миссис Андертон об этой поре ее жизни; в результате события, связанные с похищением младшей сестры, почти полностью (а быть может, и до конца) исчезли из ее памяти. Для ее мужа это стало чем-то вроде семейной легенды, которая со временем перестала представлять собой какой-либо интерес.

Итак, в течение нескольких недель две сестры находились в тесном контакте, эффект от которого, возможно, был усилен так называемой «месмерической связью» между ними. До поры до времени никто не догадывался об их истинных взаимоотношениях. Но вот однажды вечером — с учетом специфики обстоятельств есть все основания считать, что это было 13 октября 1854 года, — барону, несомненно, все стало ясно. Прошу обратить на этот факт ваше особо пристальное внимание.

В тот вечер в беседе вполне естественно была затронута тема одного весьма неординарного случая, описанного в недавно вышедшем номере периодического издания «Журнал гипноза Зоист». Речь шла о даме, страдавшей от некоего заболевания, из-за которого она была не в состоянии принимать какую бы то ни было пищу. Манипулятор, обладавший даром гипноза, *питался за нее*. Затем разговор плавно

перешел на обсуждение других случаев проявления так называемой органической симпатии. В качестве примера мистер Андертон поведал об исчезнувшей сестре своей жены и той удивительной связи, что существовала между ними. Беседа продолжалась еще какое-то время, и вот один из ее участников позволил себе одно шутовское замечание по поводу формулировки «питался за нее». Я склонен считать, что это стало отправной точкой в анализируемом нами ужасающем деле. «Я сказал, — рассказывает мистер Мортон, — *что этой молодой пациентке еще повезло, ведь тот человек мог заглотнуть и что-нибудь вредное для здоровья*».

Создалось впечатление, что после этой фразы барон ушел в себя, перестав принимать участие в дальнейшем разговоре. Более того, он явно пребывал в состоянии умственного напряжения и озабоченности. Мистер Мортон в своих показаниях указывает на странность в поведении барона: у него отчего-то гаснет сигара, а дрожь в руках настолько сильна, что ему даже не удастся прикурить от сигары своего друга. Напротив, барон ему ее ломает. Думается, именно в этот момент барон ясно осознал, кем приходится Розали миссис Андертон. Какие еще идеи пришли тогда ему в голову, станет ясно при разборе последующих свидетельств.

На следующее утро после вышеупомянутого разговора, когда барон сделал крайне важный для себя вывод, он появился в конторе «Докторс Коммонс», желая навести справки относительно

II,2
II,5

завещания, согласно которому, при определенных условиях, дети леди Боултон имели право на наследство в размере 25 000 фунтов. Исходя из всего изложенного в данном документе, наследницей этого состояния являлась девица Розали — после миссис Андертон и ее мужа. Полагаю, не представляет труда увязать факт получения данной информации с последующими незамедлительными действиями, предпринятыми бароном. Мистер Андертон неожиданно для себя узнает о скором отъезде барона на континент. Примерно через три недели барон, судя по всему, отправляется в путь; на самом же деле он преследует совершенно иную цель. Между посещением «Докторс Коммонс» и прощанием барона с мистером Андертоном проходит три недели. За это время барон Р** успевает вступить в брак со своей подопечной — «медиумом» Розали. Обряд состоялся в Кенсингтонском церковном приходе. Имена новобрачных не соответствуют действительным: дабы не привлекать внимания, барон регистрируется под своей семейной фамилией (если только это вообще соответствовало действительности), а Розали использует свои «цирковые» имя и фамилию. Сейчас уже не столь важно, как именно барону удалось убедить Розали вступить с ним в брак; весь последующий ход событий говорит о том, что она явно сделала это по некоему принуждению. В итоге несчастная девушка оказалась полностью во власти барона.

Свершилось таинство брака. Барон и его жена уезжают из города, но не на континент, как это

было заявлено мистеру Андертону, а в Богнор, графство Сассекс — небольшое курортное местечко на побережье. Во время Гудвудских скачек на неделю оно пустеет. В это время года барон вряд ли рискует встретить здесь кого-либо из своих знакомых. Прежде чем сделать попытку разобраться с основным мотивом этой таинственной истории, необходимо учитывать следующее важное обстоятельство:

*Между женой барона Р** и наследством мистера Уилсона в размере 25 000 фунтов, существуют только два препятствия: мистер и миссис Андертон. Они еще живы.*

В течение первых дней пребывания в Богноре барон был занят поисками прислуги. Он настаивал на этом странном условии: в доме, где он снял комнаты, служанка должна быть нанята по его собственному выбору. Немаловажный момент: приглашенная в конечном счете на работу девушка, принимая во внимание ее рекомендации, оказывалась полностью зависимой от воли своего нового хозяина. Очень жаль, что у этой служанки есть определенная склонность, неизбежно приуменьшающая ценность ее свидетельских показаний. Тем не менее, нам стоит воспринимать их такими, как они есть. У этой девушки было лишь одно реальное побуждение — рассказать всю правду. Из этого свидетельства можно заключить, что барон пытался всевозможными способами спровоцировать служанку на повторение ее прежнего проступка. Наконец, ему удалось найти

подходящий предлог: на столе после завтрака оставалась баночка с конфитюром, и девушка хотела его попробовать. Барон стал угрожать ей немедленным увольнением, причем ее профессиональной репутации был бы нанесен непоправимый урон. Для служанки оставался один-единственный шанс выбраться из этой ситуации, причем эта альтернатива была бароном хитроумно и тщательно замаскирована; он, видите ли, подыщет подходящую иную причину для увольнения. Фактически, девушка была готова согласиться с любым другим предъявленным ей обвинением со стороны хозяина при условии, что оно никак не будет зафиксировано.

Обвинение было следующего характера: следующей ночью после того как служанка совершила свой промах, мадам Р** вдруг стало плохо. Симптомы были те же, что и при отравлении сурьмой. В содержимом желудка явно имелось это вещество. В присутствии приглашенного представителя медицины барон заявил, что прислуга из озорства дала принять своей хозяйке порцию рвотного камня. Будучи покорной суровому намеку своего хозяина, девушка признала свою провинность и, как следствие, покинула этот дом с хорошей рекомендацией. Теперь она не боится разоблачения и решительно все отрицает — не было с ее стороны никаких шалостей с рвотным камнем, как и не было размолвки с хозяйкой, в результате чего девушка якобы дала ей принять вредоносное снадобье. Я твердо убежден: с учетом как внешних, так и внутренних факторов,

у нас нет оснований ставить под сомнение подлинность ее свидетельства.

Так или иначе, но кто-то дал принять мадам Р** ядовитое вещество. Кто же?

Cui bono? («В чьих интересах?») Некоторые скажут: конечно же не в интересах барона, ведь вплоть до ухода из жизни мистера и миссис Андертон он явно заинтересован в том, чтобы жена его была жива. И получается, что с учетом вышеназванного условия, барон никак не мог предпринять попытку отравления мадам Р**. Похоже, нам следует искать ключ к разгадке тайны где-то в другом месте.

Давайте же снова вернемся к мистеру и миссис Андертон. С молодой леди также случился внезапный приступ. Если сопоставить, с одной стороны, ее дневниковые записи вкупе с показаниями **III** ее доктора, а с другой стороны — описание симптомов болезни мадам Р**, то получится, что мы имеем дело с практически полным совпадением, за исключением одного, очень важного обстоятельства: не было никакой объективной причины для внезапного резкого ухудшения здоровья миссис Андертон. Наличия в организме ядовитых веществ также не было выявлено. Продолжив рассмотрение фактов, мы заметим другое, еще более таинственное совпадение.

Ничто так не вредит реализации преступного плана, как чрезмерная предосторожность, это общеизвестно. В расследуемом деле меры предосторожности, предпринятые бароном, были продиктова-

ны мастерством и почти сверхчеловеческим даром предвидения. Он действовал настолько безупречно, что было практически невозможно уследить в его поступках какой-либо злой умысел; разве что факт своей женитьбы барон предпочел скрыть. Его поведение в отношении молодой служанки хотя и продиктовано, как нам видится, явно преступным замыслом, все же содержит в себе черты явно выраженной филантропии. И даже для обеспечения конспирации заключенного брачного союза (что, в принципе, могло быть осуществлено и без всяких зловещих задумок) меры барон принимал простые и эффективные — трудно к чему-либо придраться. На этот раз он использовал реальные, а не сценические имена — свое и своей жены; он свел к минимуму возможность какого-либо скандала, сняв другую квартиру с тем, чтобы накануне оформления брака и он, и Розали проживали по разным адресам. Что же касается болезни мадам Р**, случившейся в Богноре, то опять-таки барон вел себя вполне открыто и прямолинейно. Он сразу же выражает свои опасения по поводу яда, обращается к высококвалифицированному врачу, проверяет свои подозрения, назначает соответствующие препараты и увольняет служанку, по чьей вине у мадам Р** случился острый приступ. Но если присмотреться более внимательно, возникнет вопрос по поводу выбора медицинского консультанта. Почему барон отказался воспользоваться услугами местных докторов, у которых была репутация опытных практиков? Поче-

му он настоял на том, чтобы мадам Р** осматривал специалист из другого города, ведь этот человек намеревался через несколько дней уехать из этих мест и, скорее всего, больше уже не возвращаться? Напрашивается вполне убедительный ответ: сельским врачам барон не доверял, предпочитал обратиться к столичному доктору. Однако здесь не исключено, что возможность максимально оперативного удаления каких бы то ни было свидетельств произошедшего в определенной степени повлияла на выбор барона. Подобная предосторожность — имела ли она за собой злой умысел или нет — наводит на следующую мысль. Это важный вывод:

*Миссис Андертон внезапно заболела. Она не только страдала от тех же симптомов, что и ее сестра; ее недуг по времени совпал с приступом мадам Р**.*

Прежде чем продолжить наш ход рассуждений, необходимо рассмотреть один или два аспекта истории начала болезни двух сестер. Механизм воздействия ядов металлического происхождения (а в нашем случае речь идет в первую очередь о сурьме) на сегодняшний день мало изучен. В Великобритании главным специалистом по данной теме является, бесспорно, профессор Тэйлор¹. Согласно его мнению, так называемые «болезненные реакции» организма нередко весьма специфичным образом способствуют или же, наоборот, препятствуют воз-

¹ «Тэйлор о ядах», 2-е издание, с. 98 и далее.

действию такого рода веществ. Получается, что организм мадам Р**, в силу своих особенностей, изначально был предрасположен к усиленному воздействию сурьмяных препаратов. Несомненно, на нее яд подействовал значительно мощнее; аналогичная доза при обычных обстоятельствах не произвела бы подобного эффекта. Следовательно, вне зависимости от того, кто именно дал мадам Р** принять ядовитое вещество, *его дозировка не могла угрожать жизни*, хотя, с учетом специфики организма пострадавшей, опасность была очень серьезной.

Мадам Р** с трудом пришла в себя, и барон принял это к сведению при планировании своих дальнейших действий. Трудно сказать с уверенностью, знал ли он в самом деле, что его жена подвержена влияниям, способным сделать ее жизнь еще более шаткой, чем у ее слабой здоровьем сестры. Несомненно было одно: если мадам Р** умрет прежде, чем миссис Андертон, то все надежды барона заполучить наследство в размере 25 000 фунтов улетучатся раз и навсегда. Хорошо осознавая это, он поспешил обезопасить себя от подобного развития событий. Первым делом — а именно это ему сразу же порекомендовал сделать доктор Джонс — надлежало позаботиться об оформлении страхового полиса, и барон воспринял это как руководство к действию. За несколько месяцев он позаботился о том, чтобы восстановить здоровье своей жены: в страховых конторах не должно было возникать никаких осложнений. Страховые полисы, о которых идет речь, были

оформлены уже после отравления мадам Р**, после чего болезнь стала неожиданно стремительно прогрессировать. Параллельно с недугом жены барона от столь же тяжелых приступов страдала ее хрупкая сестра, миссис Андертон. Если ее смерть *наступала до кончины мадам Р***, то у барона появлялась перспектива получить в наследство еще бóльшую сумму.

Итак, для того чтобы барон Р** смог стать обладателем состояния в 25 000 или 50 000 фунтов, должны были оборваться три жизни — мистера и миссис Андертон, а также ее сестры, иначе говоря, его собственной жены. Последовательность смертей определяла размер наследуемой суммы. Если первым отправлялся на тот свет мистер Андертон, то возникала возможность второго брака его жены и, как следствие, прецедент претендования на наследство; если же мадам Р** умирала раньше, чем мистер или миссис Андертон, то шансов на получение более крупной суммы у барона не оставалось. Эти шансы могли стать реальными в случае, если первой этот мир покидала миссис Андертон, затем ее муж и, наконец, ее сестра.

В течение одного года оборвались жизни этих трех людей — с того момента, как ситуация прояснилась для барона. Они умерли именно в той последовательности, которая и обеспечивала ему реализацию планов на получение наследства.

Рассмотрим же обстоятельства, при которых произошли эти трагические события.

Сразу по возвращении в Англию и, очевидно, до завершения хлопот, связанных с оформлением страховых полисов, барон навещает мистера Андертона и незамедлительно узнает о том, что несколько месяцев назад его жена тяжело болела. Эта информация представляет для барона практический интерес. Отныне он знает о полнейшем совпадении и по срокам, и по характеру болезненных симптомов, от которых страдали обе сестры. Мы должны обязательно это иметь в виду при дальнейшем рассмотрении дела.

Далее, барон принимает решение снять апартаменты на Рассел-Плейс. Дом находится в его полном распоряжении пять дней в неделю и все ночи. Единственным другим квартирантом является врач, который здесь появляется всего два дня в неделю на несколько часов. Он живет довольно далеко, и в случае экстренной надобности вряд ли сможет быстро появиться. В этом доме барон занял первый и второй этажи. В небольшой комнатке на цокольном этаже он оборудовал для себя лабораторию. Ее местонахождение нам с вами надо очень ясно себе представлять, это имеет большое значение в правильном понимании дальнейших событий.

На этой квартире мадам Р** заболевает вновь, хотя и не в столь острой форме. Характер симптомов ее болезни тот же, что и в Богноре. Хотя последствия приступов не так суровы, все же они повторяются регулярно, с интервалом в две недели. И вот приходит черед самого важного, самого уди-

вительного и самого спорного из всех приведенных нами свидетельств.

Что же произошло? Однажды августовской ночью молодой человек по фамилии Олдридж становится свидетелем того, как мадам Р** вышла из своей спальни и, будучи в сомнамбулическом состоянии, спустилась во мраке по лестнице в нижнюю часть дома. Напомним, что этому молодому человеку была оказана любезность, и он поселился в этом доме с тех пор, как туда въехал барон Р**. Спальни барона и его жены располагались рядом. Горела ночная лампа, и по мере того как сомнамбула продолжала свой путь, на стене спальни барона Олдридж увидел

VII тень — очертания мужчины. Эта тень следила за передвижениями мадам Р**. Затем, когда он вновь посмотрел в том же направлении, тень исчезла столь внезапно, что поневоле у Олдриджа возникла мысль: а не галлюцинация ли это? Поразмыслив, он все же пришел к умозаключению, что эта тень была вполне реальной. Молодой человек сошел вниз, к двери спальни барона. Тот спал — или только делал вид, что спит. Узнав от Олдриджа, что именно происходит в данный момент с мадам Р**, барон тотчас же за ней проследовал. Олдридж наблюдал за тем, как он сошел вниз по ступеням по направлению к кухне, а затем вернулся; мадам Р** шла вплотную за ним. Свидетель вернулся к себе в комнату, и вскоре барон зашел к нему со словами благодарности за предупреждение. Он также добавил, что в сомнамбулическом состоянии его жена имела странность *заходить на кухню*.

До этого момента все кажется весьма несложным. Что удивительного в том, что больная женщина в состоянии нервного расстройства становится сомнамбулой. В таком состоянии ей удастся дойти до кухонного помещения в доме, где она является всего лишь квартиранткой. Что касается барона, то за одним лишь исключением (тень, ведущая наблюдение...) он ведет себя как любой благоразумный и заботливый муж — то есть все идет так, как и подобает в такого рода ситуации. Если отбросить в сторону подозрения в злом умысле, то вся эта история с тенью на стене может рассматриваться просто как плод воображения молодого человека по фамилии Олдридж. По его словам, он хоть и «не был пьян», сам же признавал, что был, «возможно, слегка возбужден», и что в тот вечер он позволил себе с друзьями выпить «немало пива и шанди-гафф». Но на этом свидетельство не заканчивается.

Бывают такие удивительные совпадения, когда вполне заурядные события разбивают самые хитрые преступные планы. Ведь дело в том, что помимо Олдриджа в ту ночь в доме нашлись и другие свидетели перемещений по дому барона Р** и его жены. Случилось так, что в тот день у домохозяйки возникли проблемы с американским замком от входной двери. Барон, по всей вероятности, об этом ничего не знал. Молодой Олдридж привык попадать домой, пользуясь именно этим замком. Не ведал барон и о том, что служанка по имени Сьюзан Тернер будет вечером дежурить возле входной двери

изнутри, чтобы впустить Олдриджа в дом. Как мы уже знаем, у этой девушки был возлюбленный, работавший кочегаром на поездах северного направления. Она предложила ему составить ей компанию во время ночного бдения у входной двери. Олдридж явился домой и отправился в кровать. Любовник служанки должен был быть на своем рабочем месте в два часа ночи. Появление квартиранта наверняка прервало его беседу с подружкой на самом интересном месте; так или иначе, этот железнодорожник уже собирался уходить, но еще находился на кухне, когда мадам Р** спустилась вниз по лестнице. В потемках Сьюзан Тернер поначалу приняла ее за свою хозяйку и, опасаясь, что в свете уличного фонаря миссис Браун увидит ее молодого человека, увлекла его в комнату для слуг. Через окно в этой комнате видно некое подобие площадки между домом и двумя комнатами, пристроенными с задней стороны. Подобное расположение помещений нередко встречается в домах Лондона. Непосредственно напротив окна, выходящего на площадку, находится окно лаборатории барона. По словам свидетельницы Тернер, оно оборудовано «жестяным зеркалом». На самом деле, это не что иное, как металлический рефлектор, обеспечивающий дополнительное освещение. Расстояние между двумя окнами составляет немногим более восьми футов. Ночь была ясная, луна полная; лучи ее отражались светом рефлектора, обеспечивая великолепную видимость. Служанка и ее кавалер из своего укрытия зорко следили за

бароном и мадам Р** начиная с того момента, когда Олдридж потерял супругов из виду и до тех пор, пока он их снова разглядел. Вот что они увидели:

*Мадам Р** вовсе не заходила на кухню; она прошла прямо в лабораторию, а барон наблюдал за тем, как она оттуда выходит.*

Достаточно взглянуть на план расположения помещений, чтобы удостовериться в правдивости данного свидетельства. Как мог барон перепутать собственную лабораторию с кухней?

Но для чего-то ему понадобилось вводить в заблуждение молодого Олдриджа. Вспомним, как он изображал свою благодарность этому невольному свидетелю сомнамбулизма мадам Р**. Барону понадобилось дезинформировать этого квартиранта относительно истинного маршрута перемещений своей жены.

Нет ни малейших оснований усомниться в подлинности показаний этих двух свидетелей. Они изложили свои показания простым и ясным языком. Здесь нет ни злого умысла по отношению к барону, ни какого-либо сговора с Олдриджем, который, в принципе, мог затаить обиду на барона. Существует единственное слабое место в их показаниях: в ночное время им не следовало находиться там, где они были. Вместе с тем признание данного факта говорит скорее в пользу, нежели во вред их свидетельства. Ключ к разгадке тайны кроется в мотивах барона, а не этих молодых людей. Что за миссию вы-

полняла мадам Р** во время своих странных ночных хождений? Может быть, именно здесь мы и найдем объяснение необъяснимого? Вот что сделала младшая сестра миссис Андертон в лаборатории:

Она выпила что-то из бутылочки. Запах и вкус, как у шерри. На этикетке было написано: «VIN. ANT. POT. TART.». Это означает: суфьянная настойка, смесь шерри и рвотного камня.

А теперь давайте немного вернемся назад и подумаем над тем, каким мог быть мотив к сокрытию данного факта. Как нам известно, жизнь мадам Р** была застрахована самым основательным образом. Уже не раз ее жизнь подвергалась большой опасности именно в результате приема вещества, которое она выпила теперь во мраке ночи. Если только барон знал (или догадывался) о цели ее посещения лаборатории, то вот вам подходящий повод (явно не делающий ему чести) утаить произошедшее. Огласка этого случая вполне вероятно могла бы создать трудности при оформлении выплаты по страховому полису в случае смерти мадам Р**.

Но здесь возникает еще одна сложность. Обсуждаемый случай имел место примерно в середине процесса продолжительной болезни мадам Р**. Заболевание ее представляло собой череду приступов, возобновлявшихся через каждые две недели. Очередной пароксизм произошел буквально через несколько часов после обсуждаемого случая хождения во сне. А был ли этот случай единичным?

Свидетельство ночной сиделки вносит зловещую ясность. Этой женщине были даны бароном строгие указания: ни в коем случае глаз не смыкать. Дежурства ее были не столь уж продолжительными; в дневные часы она имела возможность отсыпаться, в силу чего ночная сонливость представляется малообъяснимой. У ночной сиделки, нанятой бароном Р**, отменный послужной список, за двадцать лет профессиональной деятельности она ни разу не подводила своих клиентов. Несмотря на все это, в течение восьми или десяти, а может быть, даже двенадцати недель, каждую вторую субботу, в один и тот же час она засыпает во время ночного дежурства у постели мадам Р**. Все ее попытки побороть сон бесплодны. Она начинает подозревать — возможно, это чьи-то «проделки». Однажды женщина решила не ужинать и позволила себе лишь бодрящий зеленый чай, который она собственноручно заварила для себя покрепче, и это также не помогло. Для этой сиделки никогда не было затруднительным бодрствовать в ночные часы, но как только наступает очередная роковая субботняя ночь, она снова попадает в объятия Морфея. Всякий раз ее сон прерывает очередной приступ болезни мадам Р** — симптомы нам с вами хорошо известны. Сиделка теряется в догадках, будучи не в силах найти происходящему сколько-нибудь разумное объяснение. Она отлично знает, что прежде в ее практике ничего подобного не бывало. Мы также пребываем в недоумении вместе с ней. Вот что вспоминается в этой

связи: до того, как стали происходить случаи этой необъяснимой дремоты, в такой же крепкий сон сиделку погрузил барон Р**, продемонстрировав свои гипнотические возможности. Далее, вполне естественно, нам на ум приходит и та особа, которая годами находилась под гипнотическим влиянием. Свидетельство мистера Хэндза: «Я часто *повелевал* ей (Саре Парсонс) пройти в кладовую и взять булавку или какую-либо другую мелочь».

И вновь вспоминается тень на стене. Тень, которая ведет наблюдение.

К чему же мы в результате пришли? Допустим, барон знал, для чего мадам Р** зашла в лабораторию; допустим, он воспользовался своими уникальными возможностями — как бы мы это ни называли — с тем, чтобы усыпить сиделку и дать возможность мадам Р** беспрепятственно покинуть комнату в сомнамбулическом состоянии. Допустим даже, что амбиции гипнотизера были таковы, как они есть — то есть мадам Р** слепо выполняла его волю; все равно ответа на главный вопрос пока что по-прежнему не предвидится.

Барон не был заинтересован в смерти своей жены.

Продолжим же поиск ключа к этой ужасающей тайне. Вспомним, что в это же самое время происходило с миссис Андертон.

И здесь мы снова видим подтверждение истины, упомянутой выше: самые тщательные меры предо-

сторожности могут обернуться против того, **III** кто их предпринял. Допуская, что болезнь мадам Р** была результатом преступного умысла, можно предположить, что для провоцирования первого приступа самым подходящим време- **V** нем была бы ночь — никаких свидетелей. Но именно это обстоятельство побуждает уточнить одну дату, имеющую принципиально важное значение. Мадам Р** стало плохо в субботу, 5 апреля. В ту же самую ночь, а если быть предельно точным, в тот же самый час, безо всякой рациональной причины произошел первый приступ болезни миссис Андертон. Симптомы недуга у обеих сестер были совершенно идентичны. Эти приступы стали повторяться синхронно через каждые 14 дней. По совету барона, в течение какого-то времени применялся рекомендуемый им препарат, и поначалу эффект от него был ощутимый. В дневнике доктора Марсдена имеется запись, свидетельствующая о непродолжительном улучшении состояния здоровья мадам Р** (дата та же самая). В обоих случаях прогресс был кратковременным; далее болезнь вновь шла своим чередом. Обе женщины оказались в состоянии крайнего истощения сил: в случае мадам Р** — в состоянии, близком к смерти, а поскольку сестра ее была *слабее здоровьем*, исход был летальным. Была проведена посмертная экспертиза. Внешние признаки полностью соответствовали описанию отравления сурьмой (то же самое можно сказать и о характере болезни, которая свела миссис Андертон в могилу).

Вместе с тем никаких фактических следов присутствия в организме сурьмы при вскрытии выявлено не было. В силу этого, а также ряда других обстоятельств, был поставлен диагноз «ненасильственная смерть». Вот каким образом завершилась история миссис Андертон 12 октября.

*С этого дня началось выздоровление мадам Р**.*

Первое препятствие для получения бароном суммы наследства в размере 50 000 фунтов было устранено. Этим препятствием была миссис Андертон. А теперь давайте припомним обстоятельства, при которых было устранено препятствие под номером два. И снова изначально все может показаться простым и естественным; однако, собранные воедино, факты дают нам повод для самых серьезных подозрений. Речь идет о дознании, имевшем место после кончины миссис Андертон. На вдовца пало подозрение в отравлении своей жены; расследование началось при тяжких для него обстоятельствах. Попробуем же отследить их истоки — были ли они прямыми или косвенными, вольными или невольными, это уже отдельный вопрос. Во время болезни своей жены мистер Андертон настаивал на том, чтобы подавать ей еду или лекарства только самостоятельно. Барон этим всячески восторгался, тем самым одобряя практику, *диаметрально противоположную его собственной*. Между тем именно эта настойчивость мистера Андертона могла стать главной причиной для возникших подозрений. Было

предложено определенное лекарство, наводящее на мысль об отравлении. Исходило это предложение от барона Р**. Было обнаружено два листка бумаги: на одном из них частично, а на другом — полностью фигурировало название предположительно используемого ядовитого вещества. Первый листок предъявляет сам барон, второй обнаруживают там, где этот господин только что успел побывать. Находит листок женщина, которую он только что попросил поискать для него нечто совсем другое. Он проявляет неустанное внимание к этой исключительной находке, на которой в основном и построены все подозрения. Ответы барона доктору Додсуорту касательно рекомендаций по использованию возможного противоядия при отравлении сурьмой сформулированы так, чтобы подтвердить наихудшую из версий. Даже когда сиделка показывает ему найденный под кроватью листок бумаги с компрометирующей надписью и барон предлагает его уничтожить, он все же явно намекает на необходимость сохранения этой бумажки и использования ее так, чтобы нанести максимальный урон репутации его щепетильного друга.

Вина не доказана. Какова роль барона в последовавшей трагедии? Он отлично знает, насколько трепетно подозреваемый относится ко всему, что касается его репутации. Под видом дружеской заботы барон Р** спешит передать мистеру Андертону самые свежие известия о возможном снятии обвинения. Он заходит в комнату вдовца; выйдя оттуда, барон

позаботился о том, чтобы арестованного не тревожили, необходимо дать ему возможность отдохнуть. Наутро мистера Андертона находят мертвым. На его подушке — пузырек из-под яда, а также записка, отчаянный крик души. Оказывается, у умершего не было ни малейшей надежды на оправдательное решение присяжных. Каким же невероятным образом получилось так, что обнадеживающие вести о результатах химической экспертизы были столь трагически превратно истолкованы? По чьей халатности или же попустительству под рукой у подозреваемого оказалась эта склянка с роковым содержимым? Одно нам известно доподлинно:

Новости мистеру Андертону сообщил именно барон. Яд находился в походной аптечке барона, которую он оставил в пределах досягаемости душевно страдающего человека.

Так оборвалась еще одна жизнь, которая являлась помехой для барона на пути к получению наследства: 50 000 фунтов. Из этой суммы половина являлась долей сестер — миссис Андертон и мадам Р** — и барон уже имел право претендовать на эти двадцать пять тысяч, но пока он с этим не спешил. Возможно, он счел благоразумным выждать, пока утихнет первая волна потрясения, вызванная кончиной четы Андертонов. Какими бы ни были мотивы поведения барона, в течение нескольких недель после смерти Уильяма Андертона он не предпринимал никаких шагов для предъявления своих прав на наследство.

Возможно, барон подыскивал какой-либо благовидный предлог, чтобы обнародовать факт, известный ему по меньшей мере год назад. Между тем здоровье мадам Р** медленно, но верно восстанавливалось.

Да, правильное было бы не торопить события, но неотвратимая сила судьбы приближала катастрофическую развязку. Барон получает письмо с угрозами от ревнивой возлюбленной. Она готова отомстить ему, если этой же ночью барон не устранит причину ее гнева. От этого послания сохранился лишь обрывок, но содержание письма нетрудно восстановить. Его автор грозила также предать огласке некое серьезное преступление. Связь барона с мадам Р** должна была быть оборвана незамедлительно.

VII

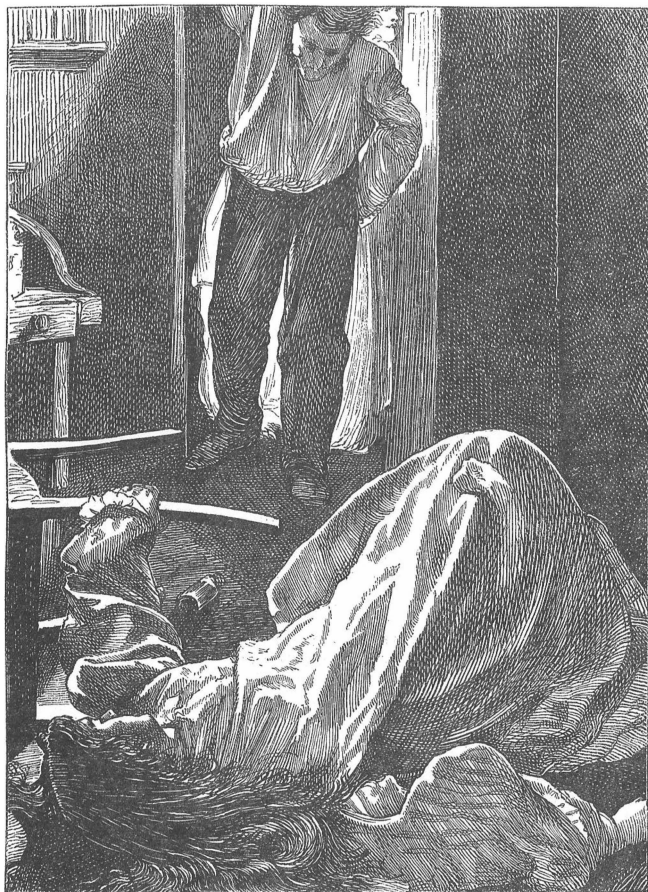
«N'en sais tu bien le moyen?»¹

И это условие в ту ночь было выполнено. Вновь в сомнамбулическом состоянии мадам Р** отправляется в свое полуночное путешествие по дому. Она направляется в лабораторию мужа. Вновь ее рука бессознательно наполняет стакан, только на сей раз это не отравка медленного действия, это смертоносный яд, безжалостно обжигающая кислота. На какое-то мгновение она пробуждается от своего транса, чтобы вновь погрузиться в вечный сон; страшная, молниеносная гибель. Пронзительный вопль, сменившийся сдавленным хрипом, будит всех домочадцев. Они спешат на место трагедии и обнаруживают

¹ «Разве ты не знаешь верного средства?»

лишь распростертое тело. Мадам Р** лежит на полу босая, в смятой ночной рубашке. За окном — мрак бурной ноябрьской ночи. Рука умершей сжимает стакан, в котором была губительная жидкость.

Моя миссия выполнена; все свидетельские показания находятся в вашем распоряжении, и вы, так же как и я, вправе сделать на их основании определенные выводы. Словно отдельные звенья, все факты выстроились в единую цепочку. Состоит ли эта цепь из случайных совпадений, или же она с неумолимой точностью указывает на череду преступных деяний, совершенно чудовищных по сути своей и способу осуществления? Это первый вопрос, который приходит на ум, и на который я, должен признаться, ответить не готов. Второй же вопрос еще более странный и, пожалуй, еще более неоднозначный. Являются ли такого рода преступления доказуемыми, а если они и доказаны, то достаточно ли это для того, чтобы виновного настигло возмездие?

*Пронзительный вопль, сменившийся сдавленным
хрипом, будит всех домочадцев. Они спешат на место
трагедии и обнаруживают лишь распростертое тело.*

*Мадам Р** лежит на полу босая, в смятой ночной
рубашке. За окном – мрак бурной ноябрьской ночи.*

*Рука умершей сжимает стакан,
в котором была губительная жидкость.*

Адамс Ч. У.

A28 Загадка Ноттинг-Хилла: [детект. роман] / Чарлз Уоррен Адамс; пер. с англ. Д. Ускова. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2012. — 240 с.: ил.; 12,5 × 20 см.
ISBN 978-5-387-00544-2

Историческая правда восторжествовала. Спустя почти 150 лет переиздается первый детективный роман «Загадка Ноттинг-Хилла».

Страховой сыщик Ральф Хендерсон анализирует доказательства вины жестокого барона Р**, подозреваемого в убийстве своей жены. Хендерсон оказывается вовлечен в водоворот событий: здесь и зловещий гипнотизер, и похищение цыганами, и воздействие яда медленного действия, и завещание богатого дядушки, и три убийства.

Публикуется с факсимильными рисунками первого издания, выполненными художником Джорджем Дюморье — прадедом известной писательницы Дафны Дюморье.

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84(7Coe)-44

ЧАРЛЗ УОРРЕН АДАМС

Загадка
Ноттинг-Хилла

Редактор Т. Б. Романова
Дизайн: К. Е. Журавлев
Верстка: Н. Ю. Пекина
Корректор Н. В. Беляева

Подписано в печать 09.11.2012. Формат 84 × 108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskervilleC.

Печать офсетная. Печ. л. 7,5. Тираж 5000 экз. Заказ №6690/12.

Издательство СЛОВО/SLOVO.

109147 Москва, Воронцовская, 41.

Тел.: (495) 911-3625, 911-6133, тел./факс: 911-6133

e-mail: slovo@slovo-pub.ru

Адрес в Интернете: www.slovo-online.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Вы держите в руках первый детектив в истории литературы. Роман «Загадка Ноттинг-Хилла» впервые был опубликован в 1862 году. Сегодня, спустя 150 лет, он выходит на русском языке. Его автор — английский юрист, журналист и путешественник Чарлз Уоррен Адамс — по праву может считаться родоначальником жанра детективного романа.

«Загадка Ноттинг-Хилла» захватывает с первых страниц и держит в напряжении до самого финала. Страховой сыщик Ральф Хендерсон ведет расследование загадочной смерти мадам Р**, наследницы внушительного состояния. Дело обрастает все новыми подробностями и действующими лицами: здесь и зловещий гипнотизер, и афера со страховыми полисами, и завещание богатого дядюшки, и отравление загадочным ядом.

Автор чередует материалы расследования, дневниковые записи, письма, свидетельские показания, отчеты криминологических экспертиз, схемы мест преступлений — этот новаторский прием в детективной литературе XIX века погружает читателя в самый центр событий, позволяя вести свое собственное расследование «Загадки Ноттинг-Хилла».

Книга публикуется с факсимильными рисунками первого издания, выполненными художником Джорджем Дюморье — прадедом известной писательницы Дафны Дюморье.

«КНИГА, НАПИСАННАЯ В ДУХЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ
И ВМЕСТЕ С ТЕМ ОПЕРЕДИВШАЯ ЕГО».

Пол Коллинз, «New York Times Book Review»

ISBN 978-5-387-00544-2

9 785387 005442

12+

